

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 9 (166) сентябрь 2024

В НОМЕРЕ:

Агафонов В. Б.

ESG-принципы и гринвошинг:
правовые проблемы дифференциации

Чернов С. Н.

Нормативно-правовые механизмы
регулирования климатических процессов в России

Городилов М. А.

Судебная экспертная деятельность:
публично-правовой аспект

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 19 № 9 (166) СЕНТЯБРЬ 2024

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 01.10.2024
Объем 21,39 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 19 № 9 (166) SEPTEMBER 2024

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128
1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ISSN

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

01.10.2024
Volume: 21.39 conventional printer’s sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to “Actual Problems of Russian Law” is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Дудченко О. С., Фролова Т. Ю. Особенности совершенствования
защиты избирательных прав в условиях внедрения цифровых технологий 11

Сагандыков М. С. Запрещение возрастной дискриминации в контексте
реализации конституционного принципа свободы труда 18

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Хазанов С. Д., Лифанов Д. М. Законодательство субъектов
Российской Федерации по вопросам установления
режима повышенной готовности: сравнительный анализ 28

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Горлова Е. Н. Кредитные организации как субъекты финансового права 44

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Гладышева Е. В. Исключение из конкурсной массы
имущества гражданина-должника как гарантия
защиты его имущественных и личных неимущественных прав 54

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гринь Е. С. Онлайн-курсы как разновидность
сложных объектов интеллектуальных прав. 61

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Минакова А. И. Правовая охрана фирменного стиля:
российский и зарубежный опыт. 68

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Довгань М. А. Уголовно-правовое значение упущенной выгоды 82

Марченко Д. А. О дистанционном похищении людей 91

Ларионов П. А. Толкование права: история становления
(с акцентом на уголовно-правовую интерпретацию). 99

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Городилов М. А. Судебная экспертная деятельность:
публично-правовой аспект 111

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гликман О. В., Мамедов Л. Р. Механизмы международно-правового
регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе 119

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Агафонов В. Б. ESG-принципы и гринвошинг:
правовые проблемы дифференциации 132

Чернов С. Н. Нормативно-правовые механизмы
регулирования климатических процессов в России 142

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Володина С. В. Ресурсы доверия и международная
политика Индии в формате BRICS 158

Али Джихад А. Р. Право на вступление в брак
в конституционной практике Ирака 167

Contents

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Dudchenko O. S., Frolova T. Yu. Peculiarities of Improving
Electoral Rights Protection in the context of Introduction of Digital Technologies 11

Sagandykov M. S. Prohibition of Age Discrimination in the context
of Implementation of the Constitutional Principle of Freedom of Work 18

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

Khazanov S. D., Lifanov D. M. Legislation of Constituent Entities
of the Russian Federation on the High Security Alert Regime: A Comparative Analysis 28

FINANCIAL LAW

Gorlova E. N. Credit Organizations as Subjects of Financial Law 44

CIVIL AND FAMILY LAW

Gladysheva E. V. Exclusion of the Debtor's Property from
the Bankruptcy Estate as a Guarantee of Protection of Debtor's
Property and Personal Non-Property Rights 54

LEGAL PROTECTION OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Grin E. S. Online Courses as Complex Objects of Intellectual Rights. 61

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Minakova A. I. Legal Protection of Corporate Identity:
Russian and Foreign Experience 68

CRIMINAL LAW

Dovgan M. A. Criminal Law Meaning of Lost Profits 82

Marchenko D. A. On Remote Kidnapping of People 91

Larionov P. A. Interpretation of Law:
History of Formation (with an Emphasis on Criminal Law Interpretation) 99

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Gorodilov M. A. Forensic Expert Activities: Public Law Aspect 111

INTERNATIONAL LAW

Glikman O. V., Mamedov L. R. Mechanisms of International
Legal Regulation of Transboundary Pipeline Projects in the Caspian Region 119

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Agafonov V. B. ESG Principles and Greenwashing: Legal Issues of Differentiation 132

Chernov S. N. Normative and Legal Mechanisms
for Climate Processes Regulation in Russia 142

FOREIGN EXPERIENCE

Volodina S. V. Trust Resources and India's
International Policy in the BRICS Format 158

Ali Jihad A. R. The Right to Marriage in Iraqi Constitutional Practice 167

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.011-017

О. С. Дудченко*,
Т. Ю. Фролова**

Особенности совершенствования защиты избирательных прав в условиях внедрения цифровых технологий

Аннотация. В работе освещаются правовые пробелы, возникшие в связи с активным внедрением цифровых технологий в избирательный процесс, устранение которых позволит усовершенствовать механизм защиты избирательных прав граждан РФ, а также восстановления нарушенных прав. Рассматривается вопрос необходимости детализации правового регулирования дистанционного электронного голосования (ДЭГ), в том числе установления критериев, позволяющих субъектам РФ проводить выборы с использованием ДЭГ, введения в Кодекс РФ об административных правонарушениях дополнительных составов административных правонарушений, связанных с нарушением порядка проведения электронного голосования, устранения возможных допущений нарушения тайны голосования. В работе поднимаются темы предвыборной агитации в сети Интернет, возможных пределов применения нейросетей, требующих законодательной регламентации, а также рисков влияния со стороны кандидатов-конкурентов путем распространения недостоверных сведений с предложением введения мер ответственности. Указывается на фальсификации как одну из существенных угроз применения искусственного интеллекта в ходе избирательных кампаний, необходимость маркировки генерируемого нейросетями контента, введения санкций за неоднократное нарушение установленных требований, начавшуюся законодательную деятельность в этом направлении.

Ключевые слова: защита избирательных прав граждан; восстановление избирательных прав; избирательный процесс; избирательное право; цифровые технологии; дистанционное электронное голосование; искусственный интеллект; нейросеть; фальсификации; предвыборная агитация в сети Интернет.

Для цитирования: Дудченко О. С., Фролова Т. Ю. Особенности совершенствования защиты избирательных прав в условиях внедрения цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 11–17. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.011-017.

© Дудченко О. С., Фролова Т. Ю., 2024

* Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета — МСХА имени К.А. Тимирязева
Тимирязевская ул., д. 49, г. Москва, Россия, 127550
oksana-dudchenko111@mail.ru

** Фролова Татьяна Юрьевна, аспирант Московского финансово-юридического университета (МФЮА)
Введенского ул., д. 1а, г. Москва, Россия, 127550
t.chekalova95@rambler.ru

Peculiarities of Improving Electoral Rights Protection in the context of Introduction of Digital Technologies

Oksana S. Dudchenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of History,
Russian State Agrarian University named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russian Federation
oksana-dudchenko111@mail.ru

Tatiana Yu. Frolova, Postgraduate Student, Moscow University of Finance and Law, Moscow,
Russian Federation
t.chekalova95@rambler.ru

Abstract. The paper highlights the legal gaps that have arisen in connection with the introduction of digital technologies into the electoral process, the elimination of which will improve the mechanism for protecting electoral rights of citizens of the Russian Federation, as well as restoring violated rights. The author elucidates the issue of the need to detail the legal regulation in terms of remote electronic voting (DEG), including the establishment of criteria allowing constituent entities of the Russian Federation to conduct elections using DEG, the introduction of additional administrative offenses related to violation of electronic voting procedure, the elimination of possible assumptions of violation of the secrecy of voting in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The paper raises the issue of election campaigning on the Internet, the possible limits of the use of neural networks that require legislative regulation, as well as the risks of influence from competing candidates by spreading false information with a proposal to introduce liability measures. Falsifications are pointed out as one of the significant threats to the use of artificial intelligence during election campaigns. The author also insists on the need to label content generated by neural networks, the imposition of sanctions for repeated violations of established requirements, and legislative activity initiated in this direction.

Keywords: protection of citizens' electoral rights; restoration of electoral rights; electoral process; electoral law; digital technologies; remote electronic voting; artificial intelligence; neural network; falsifications; election campaigning on the Internet.

Cite as: Dudchenko OS, Frolova TYu. Peculiarities of Improving Electoral Rights Protection in the context of Introduction of Digital Technologies. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):11-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.011-017

Справедливо будет утверждать, что на сегодняшний день цифровые технологии стремительно и глубоко проникают во все сферы жизни человека, в том числе и в процедуру выборов. Такие изменения не остаются без внимания, а «применение информационных технологий в избирательном процессе — тема, активно изучаемая современной правовой и политической науками»¹. Так, С. А. Авакьян подчеркивает, что «интернет-технологии стали

частью избирательного процесса в России»². С. Н. Слободчикова отмечает, что «в новом конституционном цикле Российской Федерации задан курс на трансформацию принципа народовластия в условиях появления новых демократических образцов и цифровизации общественных отношений»³. Разделяем мнение ученых, что «цифровизация привела к изменению содержания существующих прав граждан»⁴, «право не может не испытывать влияния “цифровизации”,

---

¹ Куликова С. А. Доступ к информации об итогах голосования в условиях использования цифровых технологий // Гражданин. Выборы. Власть : материалы VII Междунар. науч.-практ. конференции (Пятигорск, 30 сентября — 1 октября 2020 г.). Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2021. С. 95–97.

² Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

³ Слободчикова С. Н. Трансформация принципа народовластия в новом конституционном цикле Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3. С. 11–14.

оставаясь вне объектов, претерпевающих трансформации под ее воздействием»⁵, а цифровые права человека — это, по сути, «конкретизация универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств»⁶. Несмотря на положительные стороны введения цифровых технологий в избирательные правоотношения, имеют место мнения об их деструктивном воздействии на выборы (Е. И. Колюшин⁷, А. И. Лопатин⁸).

Вместе с тем не стоит в ближайшем будущем ожидать полноценного перехода к проведению выборов в сети Интернет и отказа от традиционного способа голосования, поскольку остаются актуальными риски, связанные с нарушениями конфиденциальности голосования, соблюдением законодательства о проведении предвыборной агитации, а также проблемы пользования гражданами современными гаджетами, однако «по всей видимости, цифровизация останется глобальным трендом на ближайшие десятилетия»⁹.

Проведение политики по внедрению и развитию информационного общества и цифрового государства предопределяет использование информационных технологий в том числе в сфере участия населения в делах государства и обуславливает необходимость адаптации механизмов защиты избирательных прав граждан РФ под требования времени. Ю. Я. Дубровина отмечает, что внедрение современных избирательных технологий в избирательный процесс — это дополнительные возможности реализации избирательных прав, как и новые вызовы, в том числе в области защиты прав, а защита избира-

тельных прав граждан обеспечивается путем создания механизмов персонализации избирателей, защиты избирательных бюллетеней и волеизъявления избирателей, организации наблюдения за выборами в новых формах.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁰ электронное голосование представляет собой форму голосования, которая характеризуется применением какого-либо технического средства, в связи с чем отсутствует возможность использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе. Тем самым законодатель презюмирует, что существенные параметры осуществления активного и пассивного избирательного права не изменяются, так как воздействию подвергнуты лишь форма или способ его реализации¹¹.

Впервые дистанционное электронное голосование (далее — ДЭГ) в Российской Федерации было проведено в качестве эксперимента на основании Федерального закона от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»¹², что сразу отметилось судебными спорами о ненадлежащем обеспечении тайны голосования. Так, несмотря на его революционность и практичность, введение в практику процедуры ДЭГ породило такие проблемы для избирателей, как отсутствие технической возможности его применения, соответствующих навыков поль-

⁴ Васильева Л. Н., Григорьев А. В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 40–58.

⁵ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.

⁶ Зорькин В. Д.: Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 23.05.2023).

⁷ Колюшин Е. И. Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // Правосудие. 2021. № 3. С. 124–150.

⁸ Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 43–55.

⁹ Шушания Ш. С. Цифровизация избирательного процесса и избирательного права в цифровую эпоху // Юрист. 2022. № 1. С. 55–61.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

¹¹ Зорькин В. Д. Десять лекций о праве : монография. М. : Норма, 2021. С. 364–366.

зования необходимыми для этого ресурсами, а также отказ Центральной избирательной комиссии РФ (далее — ЦИК России) в проведении в отдельных регионах выборов с использованием ДЭГ. В ходе подготовки к избирательным кампаниям 2023 г. с соответствующими заявками обращались более 30 субъектов Российской Федерации, однако одобрены были лишь 20 из них, поскольку, как сообщила председатель ЦИК России Элла Памфилова, «есть критерии, которым должны соответствовать регионы для реализации процесса, и далеко не все готовы к такой процедуре»¹³. Для проведения электронного голосования субъект РФ должен обеспечить соответствующее техническое оснащение, профессиональный кадровый резерв, неуязвимость процедуры голосования, что обусловлено растущим числом внешних хакерских атак. В целях исключения региональной дискриминации поощрение внедрения ДЭГ целесообразно зафиксировать на законодательном уровне, а именно в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ, перечень условий, соблюдение которых обеспечит применение интернет-голосования.

Актуальным представляется введение в главу 5 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ¹⁴, устанавливающую административную ответственность за нарушения избирательных прав граждан РФ, новых составов административных правонарушений, связанных с применением технологии электронного голосования, по аналогии с зарубежным опытом. Таковыми могут стать влияние на процедуру голосования, искажение итогов голосования.

Федеральным законом от 09.03.2021 № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ введена возможность проведения

предвыборной агитации в сети Интернет, что породило необходимость совершенствования защиты избирательных прав граждан РФ.

В порядке, установленном постановлением ЦИК России¹⁶, избирательные комиссии вправе обратиться в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор) с представлением о пресечении распространения агитационных материалов и информации, нарушающих законодательство Российской Федерации о выборах и референдуме, в сети Интернет, предварительно направив соответствующие сведения в ЦИК России в целях консультирования. Несмотря на существенное упрощение процедуры восстановления прав, такой порядок на сегодняшний день активного своего применения на практике не нашел.

Одной из причин, как видится, такого упущения является недостаток у избирательных комиссий кадровых ресурсов, обладающих соответствующими знаниями, позволяющими вести такую масштабную и специфическую работу.

В сети Интернет размещенные на том или ином ресурсе материалы остаются доступными для неопределенного круга лиц вне зависимости от законодательно дозволенных для проведения предвыборной агитации временных отрезков, что представляет собой также отдельную проблему ущемления пассивного избирательного права кандидатов-конкурентов. В свете указанного очевидно необходимость правового регулирования обозначенного пробела, что может выражаться, например, в предоставлении права обращения в Роскомнадзор в том числе лицам, зарегистрированным в качестве кандидатов на соответствующих выборах, в случае выявления нарушения с заявлением о необходимости блокировки информации, являющейся общедоступ-

¹² СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2659.

¹³ ДЭГ не для всех: почему некоторым регионам откажут в проведении электронного голосования // URL: <https://regcomment.ru/main/deg-ne-dlya-vseh-pochemu-nekotorym-regionam-otkazhut-v-provedenii-elektronnogo-golosovaniya/> (дата обращения: 02.12.2023).

¹⁴ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

¹⁵ СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1708.

¹⁶ Постановление ЦИК России от 16.06.2021 № 10/84-8 «О Порядке обращения избирательных комиссий с представлением о пресечении распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, агитационных материалов, информации, нарушающих законодательство Российской Федерации о выборах и референдумах» // Вестник ЦИК России. 2021. № 6.

ной, на период установленного законом запрета проведения агитации. Однако в целях предотвращения возможных злоупотреблений со стороны конкурентов одновременно с обозначенным правом следует ввести обязанность по представлению в подтверждение такого обращения достоверных и неопровержимых доказательств.

Не стоит оставлять без внимания возможные риски размещения в сети Интернет противоречащего законодательству агитационного материала от лица конкурентов в целях ограничения их возможностей и даже их ликвидации из предвыборной борьбы, что также обуславливает необходимость выработки механизма, позволяющего устанавливать причастных к такой деятельности лиц (уполномоченный на то орган исполнительной власти, критерии определения такой причастности), установления соответствующей ответственности. Например, установление причастности лица, зарегистрированного в качестве кандидата на выборах, к противоречащей закону агитации, проводимой от лица конкурента, может стать основанием для аннулирования избирательной комиссией решения о регистрации кандидата.

12 декабря 2023 г. Пленум Верховного Суда РФ рассмотрел проект постановления «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов»¹⁷ и, несмотря на направление текста на доработку, дополнил его рядом существенных предложений в отношении агитации в сети Интернет. Так, определяя круг субъектов административной ответственности, наступающей в случае нарушения ст. 5.12 КоАП РФ (ведение агитации с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах), Пленум Верховного Суда РФ отнес к их числу владельцев сайтов или страниц сайта в сети Интернет, страниц в социальных сетях и каналов сервиса

обмена мгновенными сообщениями, где опубликованы общедоступные сведения.

Внимание судов обращено на тот факт, что в число субъектов, нарушающих порядок участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов (ст. 5.5 КоАП РФ), не входят организации, занимающиеся реализацией периодических печатных изданий, выпущенных иными лицами, другими словами, не подлежат административной ответственности по данной статье киоски по продаже газет. Вместе с тем остается правовая неопределенность в вопросе отнесения к кругу субъектов административной ответственности, установленной статьей 5.5 КоАП РФ, администрации социальных сетей, которая, как представляется, по аналогии с павильонами по продаже газет не должна в данном случае подпадать под санкции. Уточнение данного вопроса позволит исключить возможность наказания ненадлежащих субъектов.

При рассмотрении вопроса о проведении предвыборной агитации в полном соответствии с законодательством о выборах и референдумах стоит отметить рост значимости нейросетей, с помощью которых генерируется необходимый для этого визуальный и аудиоматериал. Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.¹⁸ все сферы государственного управления охвачены информационными и коммуникационными технологиями, а искусственный интеллект — одно из основных направлений их развития. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., в которой установлены основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, основные задачи развития искусственного интеллекта и необходимые действия органов государственной власти для реализации этих задач¹⁹.

¹⁷ Верховный Суд России обсудил проект постановления о порядке информационного обеспечения выборов // URL: https://vsrf.ru/press_center/news/33219/?ysclid=lsyfkja3n6638241088 (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁸ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹⁹ Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2020. С. 40.

Стоит отметить, что Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. не закрепляет нормативного определения понятия «искусственный интеллект». Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»²⁰ «искусственный интеллект» рассматривается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта обуславливает потребность в маркировке такого контента, который может быть в том числе сфальсифицирован.

Первым шагом в борьбе с фейковыми новостями и материалами, созданными нейросетью, стало заявление в ноябре 2023 г. видеохостинга YouTube о намерениях ввести обязательные условия по маркировке «реалистично измененные или синтетические материалы» видео- и аудиоматериалов, созданных с использованием искусственного интеллекта, и ответственность за неоднократное нарушение указанного требования, заключающуюся в удалении спорного контента.

Кроме того, в июне 2023 г. заместитель председателя²¹ Комитета Государственной Думы ФС РФ по информационной политике, инфор-

мационным технологиям и связи анонсировал старт формирования проекта соответствующего федерального закона, цель которого — сокращение числа ложных фактов и новостей.

Использование сети Интернет в предвыборной агитации требует детальной правовой регламентации ее пределов, ответственности за нарушение ее проведения. Первоосновой должно стать законодательное определение самого понятия агитационного материала, которое на сегодняшний день не находит закрепления ни на уровне законов, ни на уровне подзаконных актов, а также критериев, на основе которых возможно отнести тот или иной материал к нарушающему законодательство о выборах и референдумах в Российской Федерации.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что вряд ли существует отрасль общественных отношений, где бы не использовались объекты цифровых технологий. С развитием искусственного интеллекта тенденция к внедрению объектов цифровых технологий во все сферы общественной жизни будет углубляться. С неизбежным и активным внедрением цифровых технологий в избирательный процесс, подчеркиваемым в современной правовой науке, назревает необходимость законодательного регулирования правовых пробелов в целях предотвращения нарушений избирательных прав граждан: как активного (невозможность участия в выборах посредством ДЭГ), так и пассивного (противоречащая законодательству о выборах предвыборная агитация со стороны конкурентов), а также обеспечения своевременной защиты нарушенных избирательных прав, выражающегося в том числе в упрощении процедур восстановления прав (сроки и порядок их проведения).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 7. — С. 23–28.
2. Васильева Л. Н., Григорьев А. В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. — 2020. — № 10. — С. 40–58.

²⁰ СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

²¹ В Госдуме начали работу над концепцией закона о маркировке контента нейросетей // URL: <https://tass.ru/ekonomika/17930785> (дата обращения: 20.11.2023).

3. Дубровина Ю. Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2023. — 234 с.
4. Зорькин В. Д. Десять лекций о праве : монография. — М. : Норма, 2021. — 400 с.
5. Колюшин Е. И. Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // Правосудие. — 2021. — № 3. — С. 124–150.
6. Куликова С. А. Доступ к информации об итогах голосования в условиях использования цифровых технологий // Гражданин. Выборы. Власть : материалы VII Междунар. науч.-практ. конференции (Пятигорск, 30 сентября — 1 октября 2020 г.). — Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2021. — С. 95–97.
7. Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права // Журнал российского права. — 2022. — № 5. — С. 43–55.
8. Слободчикова С. Н. Трансформация принципа народовластия в новом конституционном цикле Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 3. — С. 11–14.
9. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. — Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2020. — 90 с.
10. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1 (253). — С. 85–102.
11. Шушаниа Ш. С. Цифровизация избирательного процесса и избирательного права в цифровую эпоху // Юрист. — 2022. — № 1. — С. 55–61.

Материал поступил в редакцию 23 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Informatsionnoe prostranstvo znaniy, tsifrovoy mir i konstitutsionnoe pravo // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 7. — С. 23–28.
2. Vasileva L. N., Grigorev A. V. Tsifrovizatsiya obshchestva i perspektivy konstitutsionnogo razvitiya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2020. — № 10. — С. 40–58.
3. Dubrovina Yu. Ya. Konstitutsionno-pravovaya zashchita izbiratelnykh prav grazhdan v usloviyakh primeneniya sovremennykh izbiratelnykh tekhnologiy v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2023. — 234 s.
4. Zorkin V. D. Desyat lektsiy o prave: monografiya. — M.: Norma, 2021. — 400 s.
5. Kolyushin E. I. Innovatsionnye tekhnologii izbiratel'nogo protsessa v svete verkhovenstva zakona // Pravosudie. — 2021. — № 3. — С. 124–150.
6. Kulikova S. A. Dostup k informatsii ob itogakh golosovaniya v usloviyakh ispolzovaniya tsifrovyykh tekhnologiy // Grazhdanin. Vyborny. Vlast: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii (Pyatigorsk, 30 sentyabrya — 1 oktyabrya 2020 g.). — Pyatigorsk: Pyatigorskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. — С. 95–97.
7. Lopatin A. I. Tsifrovizatsiya izbiratelnykh deystviy i protsedur v Rossii: voprosy prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — № 5. — С. 43–55.
8. Slobodchikova S. N. Transformatsiya printsipa narodovlastiya v novom konstitutsionnom tsikle Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2022. — № 3. — С. 11–14.
9. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: ucheb. posobie. — N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet, 2020. — 90 s.
10. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 1 (253). — С. 85–102.
11. Shushaniya Sh. S. Tsifrovizatsiya izbiratel'nogo protsessa i izbiratel'nogo prava v tsifrovuyu epokhu // Yurist. — 2022. — № 1. — С. 55–61.

Запрещение возрастной дискриминации в контексте реализации конституционного принципа свободы труда

Аннотация. Дискриминация является одним из главных препятствий на пути реализации конституционного принципа свободы труда, в том числе лицами предпенсионного и пенсионного возраста. При этом принципы запрещения дискриминации в сфере труда и свободы труда во многих случаях выступают по отношению друг к другу в качестве необходимого условия реализации права на труд. Отношение к возрасту как признаку дискриминации отличается от подхода к другим дискриминационным основаниям и в законодательстве, и в правоприменительной практике. Основной предпосылкой для столь неоднозначного взгляда на указанный дискриминационный признак является отсутствие его конституционного закрепления. Причем возраст как элемент принципа равноправия отсутствовал в советском конституционном и трудовом законодательстве, а в действующий ТК РФ вошел только в 2006 г. Конституционный Суд РФ, по существу, признает допустимым и установление в отдельных случаях возрастных ограничений для замещения отдельных должностей, и использование особого правового регулирования трудовых отношений с участием пенсионеров, т.е., по сути, на основании возрастного критерия. Поддерживается идея о целесообразности дополнения в будущем Конституции РФ положением о запрещении дискриминации по возрасту. Вместе с тем и до внесения соответствующих поправок у Конституционного Суда РФ имеются все формальные основания скорректировать подход к возрасту как основанию дискриминации, что позволило бы обеспечить полноценную реализацию конституционного принципа свободы труда при регулировании трудовых отношений с участием лиц предпенсионного и пенсионного возраста.

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционный принцип; свобода труда; запрещение дискриминации; равноправие; возраст; лица предпенсионного и пенсионного возраста; Конституция РСФСР 1978 г.; Трудовой кодекс РФ; Конституционный Суд РФ; возрастные ограничения в сфере труда; срочный трудовой договор.

Для цитирования: Сагандыков М. С. Запрещение возрастной дискриминации в контексте реализации конституционного принципа свободы труда // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 18–27. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.018-027.

Prohibition of Age Discrimination in the context of Implementation of the Constitutional Principle of Freedom of Work

Mikhail S. Sagandykov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Labor Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
sagandykovms@susu.ru

Abstract. Discrimination is one of the main obstacles to the implementation of the constitutional principle of freedom of work, including by persons of pre-retirement and retirement age. At the same time, the principles of prohibition of discrimination in the field of work and freedom of work in many cases act in relation to each other as a necessary condition for the realization of the right to work. The attitude towards age as a sign of discrimination differs from the approach to other discriminatory grounds both in legislation and in law enforcement practice. The main prerequisite for such an ambiguous view of this discriminatory feature is the lack of its constitutional consolidation. Moreover, age as an element of the principle of equality was absent in the Soviet constitutional and labor legislation, and it was included in the current Labor Code of the Russian Federation only in 2006. The Constitutional Court of the Russian Federation, in essence, acknowledges that it is permissible in some cases to establish age restrictions for certain positions, and to use special legal regulation of labor relations with the participation of pensioners, i.e., in fact, on the basis of an age criterion. The paper substantiates the idea of expediency of supplementing the Constitution of the Russian Federation in the future with a provision prohibiting discrimination based on age. At the same time, even before making appropriate amendments, the Constitutional Court of the Russian Federation has all the formal grounds to adjust the age as the basis of discrimination, which would ensure the full implementation of the constitutional principle of freedom of labor in regulating labor relations involving persons of pre-retirement and retirement age.

Keywords: Constitution of Russia; constitutional principle; freedom of labor; prohibition of discrimination; equality; age; persons of pre-retirement and retirement age; Constitution of the RSFSR of 1978; Labor Code; Constitutional Court of the Russian Federation; age restrictions in the field of labor; fixed-term employment contract.

Cite as: Sagandykov MS. Prohibition of Age Discrimination in the context of Implementation of the Constitutional Principle of Freedom of Work. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):18-27. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.018-027

Реформа пенсионного законодательства, а именно повышение возраста выхода на пенсию (мужчинам до 65, женщинам до 60 лет), обострила проблему дискриминации работников по возрастному признаку. Прежде всего это относится к гражданам предпенсионного (в период пяти лет до выхода на пенсию) и пенсионного возраста. Государство, пытаясь сгладить негативный эффект проводимых социальных реформ, предприняло ряд серьезных законодательных шагов, направленных на защиту работников предпенсионного возраста (мужчины в возрасте от 60 до 65 лет, женщины — от 55 до 60 лет).

Вместе с тем имеющаяся научная дискуссия о соотношении принципов свободы труда и запрещения дискриминации в сфере труда, неко-

торая законодательная неопределенность указанных понятий в конституционном и трудовом законодательстве России, сложное отношение к возрастной дискриминации и способам ее преодоления актуализируют вынесенную на рассмотрение настоящей научной статьи проблему.

Свобода труда — сложное, многогранное явление, содержание которого исследуется в науке конституционного и трудового права. В самом общем виде, исходя из ч. 1 ст. 37 Конституции РФ, свобода труда предполагает свободное решение человека о необходимости трудиться, выбор формы трудовой деятельности, а также свободный выбор рода деятельности и профессии. При этом представители наук и трудового, и конституционного права под свободой труда понимают прежде всего правовой принцип

(конституционный принцип¹ и принцип трудового права²). Конституционный Суд РФ, апеллируя к ч. 1 ст. 37 Конституции, также называет эти положения конституционным принципом³.

С точки зрения трудового права свобода труда традиционно понимается в контексте свободы трудового договора, причем об этом говорилось и в советское время⁴, и в современных исследованиях⁵. Так, Т. А. Сошникова и В. И. Савченков подчеркивают возможность человека в рамках свободы труда выбирать «вид трудовой деятельности с учетом своего образования, способностей, общественных потребностей либо добровольно соглашаться на определенную работу»⁶.

В то же время конституционному принципу свободы труда в научной литературе придается различное значение, прежде всего в зависимости от авторского подхода к вопросу о соотношении свободы труда и права на труд. Авторы придают свободе труда узкий смысл,

отделяя от нее конституционное право человека на труд⁷, или, напротив, включая право на труд в состав конституционного принципа свободы труда, расширяют его содержание⁸. Во втором случае свобода труда не просто противопоставляется конституционной обязанности граждан СССР трудиться, но и содержит, по выражению И. Н. Плотниковой, «активную составляющую» в виде «свободного распоряжения личностью своими способностями к труду без каких-либо форм дискриминации и принуждения»⁹. В юридической литературе можно встретить различные подходы к вопросу о соотношении принципов свободы труда и запрещения дискриминации. В частности, А. М. Лушников и М. В. Лушникова отмечают необходимость подкрепления принципа свободы труда другими основными руководящими положениями, в том числе принципом запрещения дискриминации в сфере труда, иначе он теряет цементирующее значение¹⁰.

¹ См., например: *Канакова А. Е.* Свобода труда и право на труд в рыночной экономике (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2016. С. 14.

² См., например: *Трудовое право России : учебник для вузов / А. В. Завгородний, В. В. Коробченко, А. В. Кузьменко [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Хохлова, В. А. Сафонова.* М. : Юрайт-Издат, 2008. С. 65 ; *Жернаков В. В.* Свобода труда и запрещение принудительного труда в современном трудовом праве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2013. № 3. С. 89 ; *Ахметьянов Д. В.* Понимание свободы труда в советской и российской науке трудового права // *Российский юридический журнал.* 2022. № 1. С. 94.

³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 № 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Остаева» // *СЗ РФ.* 2011. № 52. Ст. 7639.

⁴ См., например: *Иванов С. А., Лившиц Р. З.* Личность в советском трудовом праве. М., 1982. С. 70.

⁵ См., например: *Русских Т. В.* О свободе сторон трудового договора // *Трудовое право.* 2010. № 12. С. 85–91.

⁶ *Сошникова Т. А., Савченков В. И.* Судебная защита права на надлежащее оформление трудовых отношений в Российской Федерации // *Трудовое право в России и за рубежом.* 2020. № 3. С. 41.

⁷ См., например: *Чиканова Л. А.* Право на труд: конституционный и международный аспекты // *Журнал российского права.* 2018. № 5. С. 6–12.

⁸ См., например: *Анишина В. И., Попонов Ю. Г.* Свобода труда или право на труд? // *Журнал российского права.* 2007. № 4. С. 88.

⁹ *Плотникова И. Н.* Конституционный принцип свободы труда // *Конституционная реформа — 2020 и перспективы конституционного развития России : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии (9 июня 2021 г., Саратов).* Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. С. 106.

¹⁰ *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Курс трудового права : учебник : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2009. Т. 1 : Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. С. 521.

В. В. Федин считает, что «принцип свободы труда находит свое отражение и в запрещении дискриминации в сфере труда»¹¹. К. Н. Гусов также определяет понимание принципа свободы труда как «обеспечение каждому возможности на равных с другими гражданами условиях и без какой-либо дискриминации вступать в трудовые отношения, реализуя таким образом свои способности к труду»¹². Данный вывод известного ученого многократно подтвержден решениями Конституционного Суда РФ¹³.

А. Е. Канакова, рассматривая принцип свободы труда в позитивном и негативном смыслах, к первому относит возможность человека выбирать, работать или не работать, а также в какой форме осуществлять трудовую деятельность, ко второму — запрещение принудительного труда и дискриминации¹⁴. О. И. Новикова использует другую характеристику взаимодействия принципов свободы труда и запрещения дискриминации. Автор считает, что «принцип свободы труда выступает одной из необходимых гарантий запрещения дискриминации в сфере труда»¹⁵.

Каждый из принципов, обладая самостоятельной законодательной и доктринальной конституционно-правовой и трудово-правовой основой, выражен и реализован в отраслевом законодательстве. Вместе с тем стоит согласиться с представленными выше мнениями авторов в том, что принцип свободы труда непосредственно связан с принципом запрещения дискриминации в сфере труда, являющимся проявлением конституционного принципа равноправия граждан

(ст. 19 Конституции РФ). Стоит говорить о том, что принципы запрещения дискриминации в сфере труда и свободы труда не совпадают, но пересекаются, частично обладают общим содержанием, а потому в судебной практике во многих случаях выступают по отношению друг к другу в качестве необходимого условия реализации. В связи с этим включение в понятие свободы труда в качестве одного из элементов запрещения дискриминации в сфере труда следует признать юридически обоснованным и практически необходимым.

В России принцип запрета дискриминации в сфере труда не всегда относился к числу основных¹⁶. В статье 2 Кодекса законов о труде РСФСР 1971 г. говорилось лишь об обеспечении равного вознаграждения за равный труд. Тем более, в советском законодательстве никогда прямо не упоминался запрет дискриминации по возрастному признаку.

В отличие от Конституции РСФСР 1978 г., в которой термин «дискриминация» не упоминался, Конституция РФ использует его дважды, оба раза в социально-трудовой сфере, причем не в целом, а применительно лишь к отдельным правам или субъектам. В части 3 ст. 37 Конституции говорится о праве человека «на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации», а в конституционной новелле 2020 г. — п. «в.2» ч. 1 ст. 114 — подобная формулировка применена к праву инвалидов на социальную интеграцию.

Статья 3 ТК РФ, посвященная запрещению дискриминации в сфере труда, не вытекает из

¹¹ Федин В. В. Соотношение принципа свободы труда и права на труд // Lex russica. 2004. Т. 63. № 2. С. 428.

¹² Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / М. О. Буянова, К. Н. Гусов [и др.] ; под ред. К. Н. Гусова. М. : Проспект, 2008. С. 17.

¹³ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 07.06.2011 № 767-О-О «По жалобе гражданина Арнольда Альберта Павловича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 12 Федерального закона “О высшем и послевузовском профессиональном образовании”» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116839/ (дата обращения: 23.11.2023).

¹⁴ Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в Конституции Российской Федерации: содержание и соотношение конституционных категорий // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 30.

¹⁵ Новикова О. И. Соотношение принципов свободы труда и запрещения дискриминации в сфере труда // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 258.

¹⁶ См., например: Толкунова В. Н. Конституционные принципы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 6–9.

ст. 37 Конституции РФ, как все основные принципы трудового права, а, как уже было сказано, является прямым выражением ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. В то же время в указанной статье возраст как признак, по которому оценивается равноправие граждан, не назван, так же как и ранее он не был указан в ст. 32 Конституции РСФСР. Только в ТК РФ, вступившем в силу в 2002 г., был четко закреплён принцип запрета дискриминации в сфере труда, в содержание которого включен возраст в качестве одного из признаков дискриминации.

Кроме того, интересно, что возраст отсутствует и в ст. 136 УК РФ, запрещающей дискриминацию. На наш взгляд, такое положение вещей малообъяснимо. Статья 5.62 «Дискриминация» КоАП РФ лишь в 2013 г. была дополнена указанным дискриминационным основанием.

Утверждать, что в отечественной постсоветской конституционно-правовой науке и юридической практике не уделялось внимание вопросу запрещения дискриминации в сфере трудовых отношений по возрастному критерию, было бы неправильным.

Еще в 1992 г. Конституционным судом РСФСР было принято постановление¹⁷, в соответствии с которым пункт 1.1 ст. 33 Кодекса законов о труде РСФСР был признан неконституционным. В соответствии с указанным положением работодатель имел возможность уволить работника лишь на том основании, что он достиг пенсионного возраста, независимо от занимаемой должности и условий выполняемой работы. Органом конституционного контроля было признано, что пункт 1.1 ст. 33 Кодекса законов о труде РСФСР нарушает закреплённый в ст. 32 действовавшей в то время Конституции РСФСР 1978 г. принцип равноправия и, соответственно,

является дискриминацией соответствующих работников.

Конституционный суд РСФСР аргументировал решение ссылкой не только на предусмотренный статьей 14 Конституции РСФСР принцип свободы труда, как он понимался в то время, и закреплённое в ст. 38 Основного закона право граждан на труд, но и на нарушение принципа равноправия, получившего отражение в ст. 32 Конституции РСФСР, несмотря на тот факт, что в ней возраст в качестве критерия равноправия не назван.

Во-первых, в постановлении 1992 г. поясняется, что дискриминационные признаки не исчерпываются перечнем, содержащимся в ст. 32 Конституции РСФСР, и могут быть конкретизированы в специальном законодательстве и судебной практике. Такое же заключение можно сделать и по итогам анализа Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.¹⁸

Во-вторых, запрещение дискриминации в сфере труда по возрастному признаку является целью ряда рекомендаций Международной организации труда (далее — МОТ), в частности рекомендации № 162 «О пожилых трудящихся»¹⁹, которая исходит из недопустимости дискриминации этих лиц в области труда и занятий (ст. 3) и необходимости обеспечить пожилым трудящимся равенство возможностей и обращения наравне с другими относительно доступа к работе по их выбору (ст. 5), а также рассматривает положения законодательства и практики, устанавливающие возрастной критерий для прекращения трудовых отношений, если это не связано с характером выполняемой работы, как дискриминацию в области труда и занятий (ст. 22). Кроме того, запрет использовать возраст

¹⁷ Постановление Конституционного суда РСФСР от 04.02.1992 № 2П-З «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 13. Ст. 669.

¹⁸ Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

¹⁹ Рекомендация МОТ № 162 «О пожилых трудящихся» (принята в г. Женеве 23.06.1980 на 66-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. Женева : МБТ, 1991. Т. 2 : 1957–1990. С. 1927–1934.

как законное основание увольнения работников содержится в ст. 5 рекомендации МОТ № 166 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя»²⁰.

Положений, подобных п. 1.1 ст. 33 Кодекса законов о труде РСФСР, ТК РФ, принятый в 2001 г., уже не содержал, но появилось другое: с пенсионерами по возрасту в соответствии с абз. 14 ст. 59 по инициативе работника или работодателя могли заключаться срочные трудовые договоры.

Позднее, в редакции от 30.06.2006²¹, указанная норма была смягчена благодаря изменившейся концепции ст. 59 ТК РФ. А именно, основания для заключения срочного трудового договора были разделены на две группы. К первой относятся основания, не предполагающие необходимость получать согласие работника, ко второй — основания, для использования которых должно быть достигнуто соглашение между работником и работодателем. Именно ко второй части был отнесен случай возможного заключения срочного трудового договора с пенсионерами по возрасту.

В целом предложенный ТК РФ подход отражает и принцип свободы трудового договора, и необходимость соблюдения баланса интересов сторон трудовых правоотношений.

В то же время известный факт неравного фактического положения сторон трудовых отношений сопутствует риску необъективного отношения работодателя к работнику, особенно с учетом субъективных характеристик послед-

него, в том числе статуса пенсионера, о чем в особом мнении судьи к определению Конституционного Суда 2007 г. сказала судья этого Суда О. С. Хохрякова²². Слова О. С. Хохряковой подтверждает достаточно обширная судебная практика, когда пенсионеры оспаривают заключение с ними срочных трудовых договоров. Суды, как правило, встают на сторону работодателя, отмечая, что раз пенсионер подписал трудовой договор, содержащий условие о его срочном характере, значит, он с этим условием был согласен²³. Такие выводы прямо вытекают из указанного определения Конституционного Суда 2007 г.

Очевидно, что в реальности альтернативой согласию пенсионера на срочный характер трудового договора является лишь отказ от его заключения.

С вышеприведенным мнением судьи Конституционного Суда следует согласиться и добавить, что Конституционный Суд, принимая решение по данному делу, очень своеобразно, на наш взгляд, подошел к решению вопроса о дискриминации работников-пенсионеров при заключении с ними трудового договора. В частности, в определении Конституционного Суда 2007 г. подтверждается право законодателя устанавливать различный объем гарантий для пенсионеров и других работников под тем предлогом, что для пенсионеров доход от работы является дополнительным к пенсии источником средств к существованию, что, в свою очередь, позволяет наделять работодателя более широкими воз-

²⁰ Рекомендация МОТ № 166 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (принята в г. Женеве 22.06.1982 на 68-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. Т. 2. С. 1991–1996.

²¹ Федеральный закон от 30.06.2006 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2878.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 378-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности положения статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6.

²³ См., например: кассационное определение Ростовского областного суда от 25.04.2011 по делу № 33-5663 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=28690#MxfcywTKaU88swfM2> (дата обращения: 21.11.2023); определение Московского городского суда от 17.11.2011 по делу № 33-25523 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GqNXixiCEgNC/> (дата обращения: 21.11.2023).

возможностями при заключении трудового договора. Считаем данное утверждение Конституционного Суда небесспорным. Следуя его логике, такие же «широкие» полномочия работодателю следует предоставить и в отношении, например, совместителей или лиц, имеющих акции каких-либо компаний, ведь для них данная работа тоже является дополнительным заработком.

Ограничения по возрасту, установленные в российском законодательстве, преимущественно касаются должностей, в рамках которых осуществляются публичные полномочия, например в сфере государственной гражданской службы или правосудия. Согласно правовой позиции, выраженной Конституционным Судом в ряде решений²⁴, специфика государственной службы Российской Федерации как профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов предопределяет особый правовой статус государственных служащих в трудовых отношениях. Регламентируя правовое положение государственных служащих, порядок поступления на государственную службу и ее прохождения, государство вправе устанавливать в этой сфере и особые правила, в частности требование о соблюдении возрастных критериев при замещении государственных должностей государственной службы²⁵.

Конституционный Суд не раз указывал, что конституционный принцип равенства не пре-

пятствует законодателю при осуществлении правового регулирования трудовых отношений устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям, в том числе вводить особые правила, касающиеся условий замещения отдельных должностей и оснований освобождения от должности, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям и требованиям. Различия, исключения или предпочтения в области труда и занятий, основанные на специфических требованиях определенной работы, в соответствии с п. 2 ст. 1 Конвенции МОТ № 111²⁶ не считаются дискриминацией²⁷.

В отечественном трудовом законодательстве в отношении работников, не являющихся государственными служащими, установлены ограничения замещения должностей в высших учебных заведениях (до 70 лет), но это касается только руководящих работников: ректора, проректора, руководителя филиала (ст. 332.1 ТК РФ).

В ранее действовавшем законодательстве подобные возрастные ограничения распространялись также на заведующих кафедрами и деканов факультетов. По этому поводу Конституционный Суд принял два решения — в 1999²⁸ и 2006²⁹ гг. В них используется одинаковая аргументация для признания отдельных

²⁴ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 134-О «По запросу Суда Чукотского автономного округа о проверке конституционности положений статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и по жалобе гражданина В. П. Соковца на нарушение этими положениями его конституционных прав» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 1.

²⁵ См. подробнее: Сагандыков М. С. Особенности реализации конституционных принципов при регулировании труда работников правоохранительных органов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2009. Вып. 19. № 28. С. 69–70.

²⁶ Конвенция МОТ № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 1961. № 44. Ст. 448.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В. П. Малкова и Ю. А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 1.

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 № 19-П.

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 213-О «По жалобе гражданина Щеренко Александра Павловича на нарушение его конституционных прав положениями части четвертой статьи 332 и пункта 3 статьи 336 Трудового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4285.

положений Федерального закона от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»³⁰ и ТК РФ не соответствующими ч. 1 и 2 ст. 19 и ч. 1 ст. 37 Конституции РФ, т.е. принципам равноправия граждан и свободы труда. Смысл ее в том, что установление предельного возраста замещения указанных должностей нарушает принцип равноправия, но не по возрастному критерию, а по причине неравного положения заведующих кафедрами и деканов факультетов с другими работниками, замещающими, как и они, иные профессорско-преподавательские должности — профессора, доцента. Конституционный Суд говорит, что возрастная дискриминация имела бы место только в том случае, если бы замещение должностей заведующими кафедрами, деканами ограничивалось бы по возрасту, а других преподавателей — нет. При этом само наличие таких ограничений в целом не нарушает, по мнению Конституционного Суда, выраженные в Конституции принципы равноправия и свободы труда по причинам, которые ранее нами были обозначены.

Безусловно, вышерассмотренная проблема установления в законодательстве предельного возраста замещения отдельных должностей не столь глобальна на сегодняшний день, поскольку затрагивает относительно малочисленную категорию граждан. В то же время рассмотренный подход законодателя и Конституционного Суда формирует общую тенденцию отношения к возрасту как критерию дискриминации. В отличие от таких признаков, как пол, раса, национальность, семейное положение, применение которых ни в коем случае не может служить основанием для ухудшения положения работников, возраст гражданина, исходя из отдельных положений законодательства и правоприменительной практики, в состоянии влиять на объем предоставляемых государством гарантий в области трудовых отношений в худшую для работника сторону, что особенно сказывается на реализации конституционного

принципа свободы труда лицами пенсионного и предпенсионного возраста.

Одной из причин такого отношения к возрасту как к основанию дискриминации является, на наш взгляд, отсутствие его какого бы то ни было конституционного закрепления. Этот пробел можно было бы ликвидировать в 2020 г. с принятием поправок к Конституции РФ³¹. Например, в новой части 5 ст. 75 Конституции вполне можно было бы закрепить условие реализации социально-трудовых прав и свобод в виде соблюдения принципа запрещения дискриминации в сфере труда с указанием возраста одним из признаков дискриминации, коль это положение не нашло отражения в ст. 37 Конституции.

Конечно, наиболее предпочтительным вариантом было бы внесение дополнения в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. Вместе с тем очевидно, что предлагаемое изменение не является настолько фундаментальным, чтобы стать поводом к началу сложной процедуры пересмотра Конституции, которая в России еще ни разу не проводилась. Вместе с тем, когда государство и общество созреет для серьезных перемен, заслуживающих обращение к пересмотру Конституции, а именно гл. 1 и 2, то внесение вышеуказанных дополнений в ч. 2 ст. 19 и (или) в ст. 37 Конституции было бы уместным и целесообразным.

В то же время и сегодня отсутствует формальный барьер для использования возраста в качестве одного из критериев дискриминации наравне со всеми другими, закрепленными в ч. 2 ст. 19 Конституции. Объяснение этому такое же, какое дал Конституционный суд РСФСР в вышерассмотренном постановлении от 04.02.1992 № 2П-3. Так же как и в Конституции РСФСР, в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ перечень дискриминационных признаков не носит исчерпывающего характера за счет формулировки «а также других обстоятельств», предполагающей иные признаки дискриминации. Нормы международного права, о которых говорится в постановлении Конституционного суда РСФСР от 04.02.1992 № 2П-3, не утратили значения и сегодня.

³⁰ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

³¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

На наш взгляд, изменение подхода к возрасту как одному из оснований дискриминации могло бы значительно увеличить потенциал реализации трудовых прав гражданами пенсионного и предпенсионного возраста, особенно при приеме на работу. Тем более что примеры должного негативного отношения к различного рода возрастным ограничениям в отечественном законодательстве имеются. Возможность осуществления своих обязан-

ностей ректорами Московского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета³² без каких-либо возрастных пределов — образец верного, на наш взгляд, законодательного подхода, демонстрирующего, что критерием приема на работу и замещения должностей должны быть деловые качества работника, его возможность приносить пользу работодателю и обществу, а не возраст.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анишина В. И., Попонов Ю. Г. Свобода труда или право на труд? // Журнал российского права. — 2007. — № 4. — С. 86–96.
2. Ахметьянов Д. В. Понимание свободы труда в советской и российской науке трудового права // Российский юридический журнал. — 2022. — № 1. — С. 94–107.
3. Жернаков В. В. Свобода труда и запрещение принудительного труда в современном трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 3. — С. 89–95.
4. Иванов С. А., Лившиц Р. З. Личность в советском трудовом праве. — М., 1982. — 232 с.
5. Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в Конституции Российской Федерации: содержание и соотношение конституционных категорий // Алтайский юридический вестник. — 2016. — № 2 (14). — С. 29–33.
6. Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в рыночной экономике (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2016. — 36 с.
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / М. О. Буянова, К. Н. Гусов [и др.] ; под ред. К. Н. Гусова. — М. : Проспект, 2008. — 896 с.
8. Лушников А. М., Лушников М. В. Курс трудового права : учебник : в 2 т. Т. 1 : Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2009. — 879 с.
9. Новикова О. И. Соотношение принципов свободы труда и запрещения дискриминации в сфере труда // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 2. — С. 254–260.
10. Плотникова И. Н. Конституционный принцип свободы труда // Конституционная реформа — 2020 и перспективы конституционного развития России : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии (9 июня 2021 г., Саратов). — Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. — С. 105–107.
11. Русских Т. В. О свободе сторон трудового договора // Трудовое право. — 2010. — № 12. — С. 85–91.
12. Сагандыков М. С. Особенности реализации конституционных принципов при регулировании труда работников правоохранительных органов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2009. — Вып. 19. — № 28. — С. 69–70.
13. Сошникова Т. А., Савченков В. И. Судебная защита права на надлежащее оформление трудовых отношений в Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. — 2020. — № 3. — С. 40–43.
14. Толкунова В. Н. Конституционные принципы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе // Советское государство и право. — 1980. — № 1. — С. 3–9.

³² Федеральный закон от 10.11.2009 № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» // СЗ РФ. 2009. № 46. Ст. 5418.

15. Трудовое право России : учебник для вузов / А. В. Завгородний, В. В. Коробченко, А.В. Кузьменко [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Хохлова, В. А. Сафонова. — М. : Юрайт-Издат, 2008. — 672 с.
16. Федин В. В. Соотношение принципа свободы труда и права на труд // Lex russica. — 2004. — Т. 63. — № 2. — С. 411–435.
17. Чиканова Л. А. Право на труд: конституционный и международный аспекты // Журнал российского права. — 2018. — № 5. — С. 5–15.

Материал поступил в редакцию 30 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anishina V. I., Poponov Yu. G. Svoboda truda ili pravo na trud? // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2007. — № 4. — С. 86–96.
2. Akhmetyanov D. V. Ponimanie svobody truda v sovetskoj i rossiyskoj nauke trudovogo prava // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2022. — № 1. — С. 94–107.
3. Zhernakov V. V. Svoboda truda i zapreshchenie prinuditelnogo truda v sovremennom trudovom prave // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2013. — № 3. — С. 89–95.
4. Ivanov S. A., Livshits R. Z. Lichnost v sovetskom trudovom prave. — М., 1982. — 232 s.
5. Kanakova A. E. Svoboda truda i pravo na trud v Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: sodержание i sootnoshenie konstitutsionnykh kategoriy // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. — 2016. — № 2 (14). — С. 29–33.
6. Kanakova A. E. Svoboda truda i pravo na trud v rynochnoy ekonomike (konstitutsionno-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Barnaul, 2016. — 36 s.
7. Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / М. О. Buyanova, К. N. Gusov [i dr.]; pod red. К. N. Gusova. — М.: Prospekt, 2008. — 896 s.
8. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Kurs trudovogo prava: uchebnik: v 2 t. T. 1: Sushchnost trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka. Obshchaya chast. — 2-e izd., pererab. i dop. — М.: Statut, 2009. — 879 s.
9. Novikova O. I. Sootnoshenie printsipov svobody truda i zapreshcheniya diskriminatsii v sfere truda // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2009. — № 2. — С. 254–260.
10. Plotnikova I. N. Konstitutsionnyy printsip svobody truda // Konstitutsionnaya reforma — 2020 i perspektivy konstitutsionnogo razvitiya Rossii: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh Saratovskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo 90-letiyu Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii (9 iyunya 2021 g., Saratov). — Saratov: Izd-vo Sarat. gos. yurid. akad., 2021. — С. 105–107.
11. Russkikh T. V. O svobode storon trudovogo dogovora // Trudovoe pravo. — 2010. — № 12. — С. 85–91.
12. Sagandykov M. S. Osobennosti realizatsii konstitutsionnykh printsipov pri regulirovanii truda rabotnikov pravookhranitelnykh organov // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». — 2009. — Vyp. 19. — № 28. — С. 69–70.
13. Soshnikova T. A., Savchenkov V. I. Sudebnaya zashchita prava na nadlezhashchee oformlenie trudovykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2020. — № 3. — С. 40–43.
14. Tolkunova V. N. Konstitutsionnye printsipy pravovogo regulirovaniya truda v razvitom sotsialisticheskom obshchestve // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1980. — № 1. — С. 3–9.
15. Trudovoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov / А. В. Zavgorodniy, V. V. Korobchenko, A.V. Kuzmenko [i dr.]; pod obshch. red. Е. Б. Khokhlova, V. A. Safonova. — М.: Yurayt-Izdat, 2008. — 672 s.
16. Fedin V. V. Sootnoshenie printsipa svobody truda i prava na trud // Lex russica. — 2004. — Т. 63. — № 2. — С. 411–435.
17. Chikanova L. A. Pravo na trud: konstitutsionnyy i mezhdunarodnyy aspekty // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 5. — С. 5–15.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.028-043

С. Д. Хазанов*,
Д. М. Лифанов**

Законодательство субъектов Российской Федерации по вопросам установления режима повышенной готовности: сравнительный анализ

Аннотация. В статье исследуются особенности нормативного закрепления порядка установления и реализации режима повышенной готовности в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) в правовых актах высших должностных лиц более 35 субъектов РФ. Рассмотрены некоторые проблемные вопросы режима повышенной готовности с точки зрения теоретических и законодательных аспектов. В частности, исследованы некоторые особенности нормативного закрепления отдельных элементов правового режима повышенной готовности в правовых актах высших должностных лиц субъектов РФ. Систематизированы научные подходы к классификации полномочий исполнительных органов государственной власти РФ и субъектов РФ в условиях режима повышенной готовности и чрезвычайных ситуаций. Определено, что правовая регламентация деятельности публичной администрации в условиях режима повышенной готовности и чрезвычайных ситуаций является самодостаточным компонентом в общей системе законодательного регулирования особых (экстраординарных) правовых режимов. Обозначены некоторые актуальные проблемы правоприменения и вопросы совершенствования правового регулирования режима повышенной готовности. В результате сравнительного анализа правовых актов высших должностных лиц субъектов РФ сделан вывод о применении индивидуального юридико-технического инструментария, который обусловлен различным нормативным закреплением основных элементов механизма правового регулирования, в частности оснований, цели, обстоятельств введения режима повышенной готовности. Авторами формулируются предложения по совершенствованию отдельных правовых актов высших должностных лиц субъектов РФ, направленные на индивидуализацию условий установления правового режима

© Хазанов С. Д., Лифанов Д. М., 2024

* *Хазанов Сергей Дмитриевич*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
admp@usla.ru

** *Лифанов Дмитрий Максимович*, преподаватель кафедры административного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
d.m.lifanov@usla.ru

повышенной готовности и дифференциацию полномочий публичной администрации по его обеспечению на территории субъекта РФ.

Ключевые слова: экстраординарный режим; публичная администрация; органы исполнительной власти; высшее должностное лицо; режим повышенной готовности; чрезвычайные ситуации; чрезвычайное законодательство; законодательство субъектов РФ; коронавирусная инфекция.

Для цитирования: Хазанов С. Д., Лифанов Д. М. Законодательство субъектов Российской Федерации по вопросам установления режима повышенной готовности: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 28–43. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.028-043.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научного проекта «Экстраординарные правовые режимы деятельности публичной администрации: проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики».

Legislation of Constituent Entities of the Russian Federation on the High Security Alert Regime: A Comparative Analysis

Sergey D. Khazanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
admp@usla.ru

Dmitry M. Lifanov, Lecturer, Department of Administrative Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
d.m.lifanov@usla.ru

Abstract. The paper examines the specifics of the regulatory consolidation of the procedure for establishing and implementing the high security alert regime in connection with the spread of a new coronavirus infection (2019-nCoV) in the legal acts of senior officials of more than 35 constituent entities of the Russian Federation. The authors examine some issues regarding understanding the high-alert regime in the context of theoretical and legislative aspects. In particular, the paper elucidates some features of the normative consolidation of certain elements of the legal regime of high readiness in the legal acts of senior officials of constituent entities of the Russian Federation. Academic approaches to classification of the powers of executive bodies of state power of the Russian Federation and constituent entities of the Russian Federation in conditions of high alert and emergency situations are systematized. The authors determined that the legal regulation of the activities of public administration in conditions of high alert and emergency situations is a self-sufficient element in the general system of legislative regulation of special (extraordinary) legal regimes. Some actual problems of law enforcement and issues of improving the legal regulation of the implementation of the high-alert regime are outlined. As a result of a comparative analysis of the legal acts of senior officials of constituent entities of the Russian Federation, a conclusion has been made about the use of individual legal and technical tools predetermined by normative consolidation of main elements of the legal regulation mechanism, in particular the grounds, purpose, circumstances of the introduction of a high security alert regime. The authors formulate proposals to improve certain legal acts of senior officials of constituent entities of the Russian Federation, aimed at individualizing the conditions for establishing a legal regime of high readiness and differentiating the powers of the public administration to ensure it on the territory of a constituent entity of the Russian Federation.

Keywords: extraordinary regime; public administration; executive authorities; senior official; high alert; emergency situations; emergency legislation; legislation of the subjects of the Russian Federation; coronavirus infection.

Cite as: Khazanov SD, Lifanov DM. Legislation of Constituent Entities of the Russian Federation on the High Security Alert Regime: A Comparative Analysis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):28-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.028-043

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the scientific project «Extraordinary legal regimes of public administration: problems of improving legislation and law enforcement practice.»

Введение

В 2020 г. на территории Российской Федерации сложилась чрезвычайная эпидемиологическая ситуация, обусловленная стремительным распространением коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2), которая повлекла за собой высокую смертность граждан и весомый материальный ущерб. В условиях возникшей кризисной ситуации во всех субъектах РФ был введен режим повышенной готовности, а Правительством РФ были утверждены Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации¹. Реализация данного режима выявила значительные сложности в применении отдельных

правовых норм ввиду несоответствия их фактического содержания, отсутствия необходимых юридических норм в комплексе нормативно-правового основания и др. Как представляется, это явилось следствием того, что «государство было вынуждено в кратчайшие сроки вносить изменения и дополнения в законодательство»². Высшими должностными лицами и исполнительными органами власти в субъектах РФ принимались правовые акты, по-разному регулирующие порядок реализации правового режима повышенной готовности, в том числе с точки зрения разграничения полномочий органов публичной администрации³.

Режим повышенной готовности в юридической науке рассматривается как 1) особый правовой феномен, который позволяет законо-

¹ См.: постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.04.2020.

² См.: Егоров А. И. Режим повышенной готовности как административно-правовой режим (статья, занявшая второе место на V Всероссийском конкурсе студенческих работ по административному праву и процессу) // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 82–85.

³ См., например: указ губернатора Свердловской области от 18.03.2020 № 100-УГ «О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: <http://www.pravo.gov66.ru>. 10.03.2022 ; указ губернатора Иркутской области от 18.03.2020 № 59-уг «О введении режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. URL: <http://www.ogirk.ru>. 31.07.2020 ; указ губернатора Архангельской области от 17.03.2020 № 28-у «О введении на территории Архангельской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Архангельской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и мерах по противодействию распространению на территории Архангельской области новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 17.03.2020 ; указ губернатора Смоленской области от 18.03.2020 № 24 «О введении режима повышенной готовности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 18.03.2020.

дателю быстро отреагировать на возникшую экстремальную ситуацию⁴; 2) специальный правовой режим, обеспечивающий «эффективное применение ординарных правовых норм»⁵; 3) «гибридный» режим, предусматривающий ограничительные меры⁶. В соответствии с п. «б» ч. 6 ст. 4.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Закон о ЧС) режим повышенной готовности применяется для обеспечения функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации. Сопоставляя режимы повседневной деятельности, чрезвычайной ситуации и повышенной готовности, В. В. Коряковцев, К. В. Питулько и А. А. Сергеева приходят к выводу о том, что последний «является промежуточным и применимым при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации»⁷. Действительно, сущностным признаком чрезвычайной ситуации как отклонения от нормальных условий жизнедеятельности общества⁸ признается потенциальное причинение вреда⁹. Полагаем, что режим повышенной готовности можно рассматривать как *переходный экстраординарный режим*, обеспечивающий приведение в готовность органов управления, сил и средств единой государственной системы предупреждения и

ликвидации чрезвычайных ситуаций по реализации мер по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций, быстрое доведение до исполнителей управленческих решений и получение необходимой информации для выполнения возложенных на них задач.

Следует отметить, что в период пандемии коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2) реализация правового режима повышенной готовности по законодательству РФ имела «рамочный» характер: нормотворчество субъектов РФ в области обеспечения данного режима характеризовалось разнообразием организационных и управленческих подходов высших должностных лиц субъектов РФ к регламентации многих вопросов, таких как временные и пространственные пределы действия режима повышенной готовности, рекомендации гражданам, находящимся на территории субъекта РФ, рекомендации (поручения) и меры, направленные на обеспечение реализации режима повышенной готовности и осуществляемые территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, государственными органами власти и органами исполнительной власти субъектов РФ, учреждениями и организациями, а также порядок контроля за их исполнением. При этом в отдельных правовых актах высших должностных лиц субъектов РФ были закреплены положения об ответственности за нарушение правил, требований и запретов в условиях

⁴ Малько А. В. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 120–124.

⁵ Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Установление административной и уголовной ответственности в период действия режима повышенной готовности // Правоприменение. 2021. № 3. С. 224.

⁶ Бакулина И. П., Кириллов Д. А. О правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере на фоне пандемии COVID-19 // Вестник КГУ. 2021. № 3. С. 231.

⁷ Это означает, что «режим повышенной готовности подразумевает концентрацию ресурсов единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, принятие управленческих решений, направленных на быструю локализацию чрезвычайной ситуации при ее возникновении, разработку стратегии, позволяющей минимизировать физический, имущественный и иной ущерб, вид которого зависит от масштаба чрезвычайной ситуации и территории, которую она в перспективе охватывает» (Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Указ. соч. С. 217).

⁸ См.: Гольцов В. Б. Чрезвычайная ситуация: теория или юридический факт // Юридический мир. 2009. № 3. С. 52–53.

⁹ Ковалева О. В. Правовое регулирование защиты прав граждан при возникновении природных и социальных чрезвычайных ситуаций : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 74.

режима повышенной готовности¹⁰. С учетом доктринальных подходов и особенностей правовой регламентации последствий распространения коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2) на территории РФ целесообразно дать краткий ретроспективный анализ указанных подзаконных актов.

Особенности нормативного закрепления отдельных элементов правового режима повышенной готовности в правовых актах высших должностных лиц субъектов РФ

Как уже было отмечено, введение режима повышенной готовности может быть обусловлено угрозой возникновения чрезвычайной ситуации. К таким угрозам относится, например, возможность распространения на территории отдельного субъекта РФ инфекционного заболевания — коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2)¹¹. Следует отметить, что в правовых актах отдельных субъектов РФ (в частности,

Республики Саха (Якутия)) распространение коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2) признается чрезвычайным и непредотвратимым обстоятельством, повлекшим введение режима повышенной готовности (п. 17 указа главы Республики Саха (Якутия) от 28.02.2022 № 2314). Вместе с тем обстоятельство непреодолимой силы как основание для введения режима повышенной готовности не предусмотрено Законом о ЧС¹², а наличие чрезвычайных обстоятельств и ситуаций является основанием для введения Президентом РФ на территории РФ или в отдельных ее местностях чрезвычайного положения (п. «в» ст. 8 Закона о ЧС). Таким образом, представляется, что вышеуказанный пункт подлежит корректировке ввиду его несоответствия требованиям чрезвычайного законодательства. Однако данная норма оставлена без изменений, а указ главы Республики Саха (Якутия) от 28.02.2022 № 2314 впоследствии признан утратившим силу в связи с отменой на территории Республики режима повышенной готовности¹³.

¹⁰ См., например: п. 42 указа губернатора Владимирской области от 17.03.2020 № 38 «О введении режима повышенной готовности»; п. 11 указа губернатора Воронежской области от 20.03.2020 № 113-у «О введении в Воронежской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Воронежской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»; п. 18 указа главы Республики Саха (Якутия) от 28.02.2022 № 2314 «О режиме повышенной готовности на территории Республики Саха (Якутия) и мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Саха (Якутия) в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Следует отметить, что в ряде субъектов РФ в качестве оснований введения особого правового режима рассматриваются следующие: недопущение распространения новой коронавирусной инфекции (Республика Тыва); продолжающаяся угроза завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (Республика Коми); угроза возникновения чрезвычайной ситуации, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV (Иркутская область); обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения (Владимирская, Ульяновская область).

¹² В подтверждение этому можно привести следующее высказывание: «Многие граждане сочли меры, принятые органами власти, допустимыми при режиме чрезвычайной ситуации и высказывались о неправильном наименовании введенного режима, Федеральный закон “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” является правовой основой только для осуществления мер, обусловленных развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающих прав и свобод человека и гражданина» (Мельников В. Ю. Российское законодательство в период противодействия коронавирусной инфекции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 2. С. 30).

¹³ См.: указ главы Республики Саха (Якутия) от 12.05.2023 № 2869 «Об отмене на территории Республики Саха (Якутия) режима повышенной готовности для органов управления и сил Якутской территориальной

В научной литературе существует неясность относительно того, можно ли вводить режим чрезвычайного положения в связи с неблагоприятной эпидемической ситуацией¹⁴. На наш взгляд, возникновение данной ситуации обуславливает необходимость введения *особого правового режима в рамках повышенной готовности к чрезвычайной ситуации*. Анализируя содержание правовых актов высших должностных лиц субъектов РФ, регулирующих порядок реализации режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальных подсистем единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, следует выделить некоторые различия (основание, цель, обстоятельства) применительно к условиям введения режима повышенной готовности. В некоторых субъектах РФ, таких как Магаданская, Оренбургская области, Севастополь, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, республики Адыгея, Крым, Саха (Якутия), Северная Осетия — Алания, сформулированы не основания, а цели введения правового режима повышенной готовности: предотвращение распространения коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2); введение дополнительных мер по предупреждению ее распространения; обеспечение реагирования на возможные чрезвычайные ситуации, связанные с угрозой распространения инфекции; обеспечение безопасности населения; безопасного пропуска весеннего половодья; предупреждение возможных чрезвычайных ситуаций; обеспечение бесперебойного

функционирования объектов первоочередного жизнеобеспечения населения, объектов социальной сферы; обеспечение пожарной безопасности и правопорядка; недопущение возникновения чрезвычайной ситуации, обусловленной комплексом благоприятных метеорологических явлений для массового отрождения и развития особо опасных вредителей. С другой стороны, отмечается отсутствие нормы, прямо закрепляющей цель и (или) основания введения режима повышенной готовности в республиках Дагестан, Ингушетия, Мордовия¹⁵. Представляется, что в соответствующих указах следовало бы отразить условия введения режима повышенной готовности на территории субъекта РФ, обеспечив их индивидуализацию. Полагаем, что оптимальная формулировка положения о введении режима повышенной готовности должна содержать правовое обоснование, указание на обстановку и условия, при которых вводится соответствующий особый правовой режим, что позволяет учесть как правовые, так и организационные факторы, являющиеся определяющими при оценке современного состояния экстраординарного (чрезвычайного) правового регулирования.

Обращаясь к вопросу о нормативно-правовом обосновании введения режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальных подсистем единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, необходимо указать, что ссылки на нормативные правовые акты РФ представлены в правовых актах выс-

---

подсистемы Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 15.05.2023.

¹⁴ См., например: *Полевой В. Г., Шарыкина О. В.* Самоизоляция как благозвучие для карантина, особый режим жизнедеятельности в рамках повышенной готовности к чрезвычайной ситуации или ответственная гражданская позиция // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2020. № 2 (45). С. 40–46; *Сергеев Ю. Д., Боговская Е. А.* О правовом регулировании мероприятий по борьбе с эпидемиями (пандемиями) инфекционных заболеваний // Медицинское право. 2010. № 4. С. 9.

¹⁵ Высшие должностные лица указанных субъектов руководствовались лишь основаниями, предусмотренными Законом о ЧС, Указом Президента РФ от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

ших должностных лиц ряда субъектов РФ¹⁶. Так, в указе губернатора Иркутской области от 18.03.2020 № 59-уг приводятся ссылки на Закон о ЧС, Положение о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденное постановлением Правительства РФ от 30.12.2003 № 794, а также на постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 24.01.2020 № 2, от 31.01.2020 № 3, от 02.03.2020 № 5, от 13.03.2020 № 6. В свою очередь, в указах губернаторов Ивановской области, Севастополя о введении режима повышенной готовности акцент также делается на указах Президента РФ, закрепляющих порядок действий по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)¹⁷.

Следует отметить, что нормативно-правовое обоснование, содержащее ссылку лишь на Закон о ЧС, предусмотрено в соответствующих указах высших должностных лиц Владимирской, Смоленской, Кировской областей, города Москвы, Карачаево-Черкесской Республики и Республики Северная Осетия — Алания. Как представляется, нормативно-правовое обоснование должно быть достаточным и содержать ссылки не только на Закон о ЧС, подзаконные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, Главного государственного санитарного врача РФ, но и на нормы регионального чрезвычайного законодательства, конкретизирующего порядок реализации режима повышенной готовности на соответствующей территории. В качестве примера можно привести опыт Архангельской¹⁸, Воронежской¹⁹, Новгородской²⁰, Сахалинской²¹ областей, города Севастополя²² и Республики Крым²³. Здесь нормативно-правовое обоснование введения режима повы-

¹⁶ В частности, нормативно-правовое обоснование предусмотрено в подзаконных правовых актах следующих субъектов РФ: Архангельская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Кировская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Сахалинская, Смоленская, Ульяновская области, Севастополь, Кабардино-Балкарская Республика, республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Коми, Крым, Мордовия, Саха (Якутия), Тыва.

¹⁷ См.: указы Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»; от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»; от 28.04.2020 № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»; от 11.05.2020 № 316 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: указ губернатора Архангельской области от 17.03.2020 № 28-у.

¹⁹ См.: указ губернатора Воронежской области от 19.02.2022 № 29-у «О введении для органов управления и сил Воронежской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций режима повышенной готовности» // СПС «Кодекс».

²⁰ См.: указ губернатора Новгородской области от 06.03.2020 № 97 «О введении режима повышенной готовности» // СПС «Кодекс».

²¹ См.: указ губернатора Сахалинской области от 18.03.2020 № 16 «О введении в Сахалинской области режима повышенной готовности для органов управления, сил и средств Сахалинской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Сахалинской области» // СПС «Кодекс».

²² См.: указ губернатора города Севастополя от 17.03.2020 № 14-УГ «О введении на территории города Севастополя режима повышенной готовности» // СПС «Кодекс».

²³ См.: указ главы Республики Крым от 17.03.2020 № 63-У «О введении режима повышенной готовности на территории Республики Крым» // СПС «Кодекс».

шенной готовности указано в преамбуле к правовому акту и предусматривает также отсылку к региональному законодательству, которым он должен четко регламентироваться.

Реализация полномочий органов публичной администрации в условиях правового режима повышенной готовности

Деятельность органов публичной администрации и их должностных лиц в условиях особых (экстраординарных) правовых режимов в первом приближении обычно характеризуется разветвленностью правового регулирования. Поскольку защита прав человека и осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидации их последствий относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ (п. «б», «з» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), Конституционный Суд РФ в постановлении от 25.12.2020 № 49-П обратил внимание на «допустимость участия органов государственной власти субъекта... в регулировании вопросов, касающихся защиты прав человека, а также населения и территорий от чрезвычайных... ситуаций природного и иного характера»²⁴. Соответственно, соблюдение принципа *иерархической соподчиненности* правовых норм прослеживается через принятие указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, иных актов федеральных органов исполнительной власти, а также актов органов государственной власти субъектов РФ, обеспечивающих реализацию Закона о ЧС.

Одним из важнейших изменений чрезвычайного законодательства, возникших на фоне распространения в 2020 г. коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2), являлось расширение полномочий Правительства РФ в части предоставления права при введении режима повышенной готовности или чрезвычайных ситуаций, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления — в части предоставления права при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации устанавливать правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, а также дополнительные правила, учитывающие особенности чрезвычайной ситуации на территории субъекта РФ. Проанализировав практику применения Закона о ЧС на примере г. Москвы²⁵, Н. Г. Жаворонкова и Ю. Г. Шпаковский указывают на несоответствие мер правоограничений, принимаемых на уровне субъекта РФ, требованиям чрезвычайного законодательства²⁶. Представляется, что выявленное противоречие обусловлено тем, что органы исполнительной власти г. Москвы в числе первых апробировали соответствующий юридический инструментарий на практике.

В современной юридической литературе предпринимались попытки обобщить круг полномочий исполнительных органов государственной власти РФ и субъектов РФ в условиях режимов повышенной готовности и чрезвычайных ситуаций. Так, проведя системный анализ положений Закона о ЧС, О. В. Брежнев выделил полномочия, которые охватывают «ситуации, связанные с предупреждением распростране-

²⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 289.

²⁵ См.: указ мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. Март. № 14.

²⁶ Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения прав и свобод человека и гражданина в России в особых обстоятельствах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 122.

ния коронавирусной инфекции»²⁷. А. Н. Мещеряков, в свою очередь, указывает на наличие общих полномочий, которые могут быть применены в рамках обычного правового режима, и чрезвычайных полномочий, используемых «только при введении в установленном порядке особых правовых режимов»²⁸. Иной подход к разграничению полномочий органов государственной власти в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия предлагается С. Б. Аникиным и А. И. Пермьяковым. В зависимости от уровня государственного управления авторами выделяются 1) федеральные полномочия; 2) федеральные полномочия, делегированные органам государственной власти субъектов Федерации; 3) собственные полномочия органов государственной власти субъектов Федерации²⁹. Очевидно, что перераспределение полномочий государственных органов исполнительной власти субъектов РФ осуществляется по «остаточному» принципу, в части принятия нормативных правовых актов субъекта РФ, реализации конкретных ограничительных мероприятий на территории субъекта РФ, установления особого режима функционирования предприятий, организаций,

учреждений и т.д. В связи с этим считаем, что опыт регионального нормотворчества, полученный в результате первой волны пандемии коронавируса (2019-nCoV), имеет достаточный потенциал для того, чтобы сформировать полноценный механизм делегирования и сбалансированного перераспределения полномочий органов государственной власти субъектов РФ и других органов государственной власти.

Анализируя полномочия исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, необходимо подчеркнуть, что четкая их формулировка так и не нашла отражения в содержании отдельных правовых актов высших должностных лиц субъектов РФ. Вместо этого, напротив, указывается порядок реализации мер, которые обеспечивают исполнение соответствующих правовых актов и осуществляются различными органами государственной власти субъектов РФ, местного самоуправления, учреждениями и организациями. Например, в указе губернатора Смоленской области от 18.03.2020 № 24 определен конкретный перечень мер по обеспечению защиты населения от чрезвычайных ситуаций, связанных с ландшафтными (природными) пожарами³⁰, который, в свою оче-

²⁷ Среди них принятие законов и иных нормативных правовых актов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера; введение правовых режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации; установление правил поведения, в том числе дополнительных мер по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обязательных для исполнения гражданами и организациями, и др. (см.: Брежнев О. В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2 (135). С. 37).

²⁸ При этом, определяя специальные полномочия высшего должностного лица субъекта РФ в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, автор не поясняет, предусмотрены ли общие полномочия высшего должностного лица субъекта РФ в новом Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Проанализировав апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 27.07.2023 по делу № 66а-1172/2023, можно прийти к выводу о том, что данный Закон также определяет специальные полномочия высшего должностного лица субъекта РФ, конкретизируя предмет совместного ведения РФ и субъектов РФ (см.: п. 4 ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973 ; Мещеряков А. Н. Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения (опыт пандемии COVID-19) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 4 (50). С. 25–28).

²⁹ См.: Аникин С. Б., Пермьяков А. И. Некоторые аспекты административно-правового обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России // Вестник СГЮА. 2020. № 6 (137). С. 104–105.

³⁰ См.: указ губернатора Смоленской области от 18.03.2020 № 24.

редь, отсутствует в указе губернатора Кировской области от 17.03.2020 № 44³¹. Вместе с тем в ряде регионов России круг субъектов, обеспечивающих реализацию режима повышенной готовности, расширен и более четко выражен в соответствующих подзаконных правовых актах³². Представляется, что различия в субъектном составе инициаторов применения мер, направленных на исполнение предусмотренных правовыми актами в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера требований, обусловлены организационно-правовыми вопросами построения системы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ.

Несмотря на это, возникает тенденция, которая связана со «стремлением органа исполнительной власти к получению дополнительных полномочий и ресурсов в период действия угроз и чрезвычайных ситуаций». По мнению

Н. Г. Жаворонковой и Г. В. Выпхановой, решение указанной проблемы заключается в установлении на законодательном уровне нормы, которая ограничивает полномочия только на период чрезвычайной ситуации либо одновременно с ними предусматривает ответственность органов власти за злоупотребление, превышение таких полномочий³³. Не ставя под сомнение необходимость обеспечения баланса между полномочиями органов публичной администрации и ограничениями их реализации, считаем обоснованным обособленное закрепление полномочий в подзаконных правовых актах, действие которых может быть ограничено в связи с их отменой, поскольку указанные органы самостоятельны лишь в определенных пределах, которые регламентируются государством путем предоставления им определенного рода компетенции (ст. 73 Конституции РФ). Таким образом, законодатель обеспечивает возможность субъектов РФ самостоятельно определять порядок

³¹ Указ губернатора Кировской области от 17.03.2020 № 44 «О введении режима повышенной готовности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 18.03.2020.

³² Так, в п. 11–11.2 указа губернатора Ивановской области от 17.03.2020 № 23-уг определены полномочия ректоров организаций высшего образования, руководителей организаций, осуществляющих профессиональное обучение. В пунктах 5.1, 5.2 указа губернатора Воронежской области от 19.02.2022 № 29-у даны рекомендации главам муниципальных районов и городских округов; в указе губернатора Магаданской области от 30.05.2023 № 66-у — главам городских округов (п. 3), ГУ МЧС по Магаданской области (п. 4), департаменту ЧС по Магаданской области (п. 5), УМВД по Магаданской области (п. 6), министерствам здравоохранения и демографической политики (п. 7), ЖКХ (п. 8), дорожного хозяйства и транспорта (п. 9), руководителям органов исполнительной власти Магаданской области (п. 10); в указе губернатора города Севастополя от 17.03.2020 № 14-УГ — органам государственной власти, органам местного самоуправления в городе Севастополе, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, а также иным лицам, деятельность которых связана с совместным пребыванием граждан (п. 8), департаментам финансов (п. 14), здравоохранения (п. 15), труда и социальной защиты населения (п. 17), УМВД России по г. Севастополю (п. 16), управлению информационной политики (п. 18); в указе губернатора Сахалинской области от 18.03.2020 № 16 — министерствам здравоохранения (п. 7), социальной защиты (п. 8), образования (п. 9), ЖКХ (п. 15), УМВД России по Сахалинской области (п. 10), Роспотребнадзору по Сахалинской области, руководителям транспортных предприятий (п. 12), органам местного самоуправления (п. 13), департаменту информационной политики (п. 16), Росгвардии по Сахалинской области (п. 17), ГУ МЧС России по Сахалинской области (п. 18); в п. 9 указа губернатора города Севастополя от 13.04.2020 № 30-УГ — УМВД России, Управлению Росгвардии, УФСБ России по г. Севастополю и Республике Крым; в п. 2.8 указа главы Кабардино-Балкарской Республики от 18.03.2020 № 19-УГ — индивидуальным предпринимателям, а также иным лицам, деятельность которых связана с совместным пребыванием граждан.

³³ Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 121.

установления и реализации специального (особого) правового режима (повышенной готовности или чрезвычайной ситуации) для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории субъекта РФ (пп. «м» п. 1 ст. 11 Закона о ЧС).

Вместе с тем некоторыми авторами высказывается противоположная точка зрения. Так, проведя критический анализ нормативного правового регулирования введения специальных ограничительных правовых режимов, направленных на предупреждение распространения COVID-19, С. С. Зенин приходит к выводу о том, что субъекты РФ не способны «четко определить содержание подлежащих применению предписаний в рамках специальных правовых режимов из всего массива действующего правового регулирования»³⁴. Следует признать, что установление в 85 субъектах РФ (за исключением Краснодарского края) особых правовых режимов, определяющих конкретные запреты и ограничения, фактически отражает минимально обязательные или типовые правила поведения, применимые исходя из особенностей складывающейся санитарно-эпидемиологической обстановки. Однако применение данного «сценария активации» режима повышенной готовности (вместо федерального режима) показало свою эффективность, о чем свидетельствуют оперативные данные федерального и региональных оперативных штабов по борьбе с коронавиру-

сной инфекцией (SARS-CoV-2)³⁵. Поэтому следует поддержать научную позицию о необходимости изменения норм, закрепляющих полномочия субъектов РФ и органов местного самоуправления, порядок выделения ресурсов в части объявления режимов РСЧС либо резервирования медицинских ресурсов³⁶, а также повышения ответственности за конечный результат³⁷.

Некоторые актуальные проблемы правоприменения и вопросы совершенствования правового регулирования реализации режима повышенной готовности

Одной из существенных проблем, возникших в связи с распространением коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2) и угрозой санитарно-эпидемиологическому благополучию населения на территории РФ, являлся выбор компетентным органом того юридического инструментария, «с помощью которого он обеспечит защиту населения от ЧС, стабилизирует обстановку, восстановит нормальную жизнедеятельность»³⁸. В качестве такого инструментария, направленного на реализацию режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации, как представляется, выступили правовые акты высших исполнительных органов власти субъектов РФ, форма внешнего выражения которых подвергается конструктивной критике в юридической литературе³⁹.

³⁴ Зенин С. С. Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов публичной власти в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Lex russica. 2021. № 7 (176). С. 81.

³⁵ За первое полугодие 2022 г. количество выявленных случаев заражения коронавирусной инфекцией уменьшилось на 98,53 % (с 203 494 до 3 004) (см.: Актуальные данные о коронавирусе в России и мире. Инфографика // URL: <https://www.rbc.ru/society/15/05/2023/62d128a79a794761fdf4e6fd> (дата обращения: 24.10.2023)).

³⁶ Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Указ. соч. С. 122.

³⁷ Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Пандемия COVID-19 как фактор формирования новой парадигмы государственного управления в сфере обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях: правовой анализ // Роль и значение права в условиях пандемии: коллективная монография по итогам международного онлайн-симпозиума / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. С. 26–40.

³⁸ Шурухнова Д. Н., Комовкина Л. С. Административно-правовое регулирование режима повышенной готовности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 234.

³⁹ Так, А. Н. Ибрагимова указывает на важность правильного определения вида нормативного правового акта, поскольку в нем отражаются «сущность и юридическое значение такого документа» (Ибрагимова А. Н. Ограничения публичных мероприятий в субъектах Российской Федерации в связи с панде-

По нашему мнению, правовая форма закрепления правоограничений и мер, осуществляемых в условиях режима повышенной готовности, имеет большое значение в том смысле, что исходит от нормативно очерченных дискреционных полномочий высшего исполнительного органа власти субъекта РФ. Тем самым решение вопроса о возможности введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на соответствующей территории осуществляется высшими исполнительными органами власти субъекта РФ. Указанная правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ в постановлении от 25.12.2020 № 49-П. Однако позднее Конституционный Суд РФ признал, что дублирование в иных федеральных законах изменений, устанавливающих чрезвычайные меры и специальную компетенцию органов публичной власти, не имеет «определяющего правового значения»⁴⁰. Иная точка зрения по данному вопросу представлена В. В. Коряковцевым, К. В. Питулько и А. А. Сергеевой. Авторы полагают, что содержание требований, установленных в условиях режима повышенной готовности, не просто выходит за пределы деятельности органов ГСЧС, но и подразумевает «более высокий уровень органов публичной власти, правомочных на введение ограничений»⁴¹. Таким образом, деятельность органов публичной администрации и их должностных лиц в условиях административно-правового режима

повышенной готовности предполагает и требует наличия *комплексного (межотраслевого) механизма правового регулирования*.

На наш взгляд, содержание режима повышенной готовности может включать дополнительные меры по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, помимо тех, что предусмотрены подпунктами «а» — «д» п. 10 ст. 4.1 Закона о ЧС, а именно: запрещение проведения зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий, а также посещения их гражданами, ограничение производственной и иной хозяйственной деятельности организаций на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, осуществление непрерывного сбора, анализа информации о состоянии защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и обмена ею.

Рассматривая правовые последствия несоблюдения правового режима повышенной готовности (в этом плане региональный законодатель более преуспел по сравнению с федеральным), можно выделить различия в нормативном закреплении видов юридической ответственности. Так, ответственность за нарушение данного режима, а также порядка, установленного соответствующими нормативными правовыми актами субъектов РФ, предусмотрена во Владимирской⁴², Воронежской⁴³ областях, республиках Саха (Якутия)⁴⁴, Тыва⁴⁵. С другой стороны,

---

мией COVID-19: юридический аспект // Вестник ВУиТ. 2021. № 3 (99). С. 58). В отличие от указа, который представляет собой нормативный правовой акт, принимаемый в отношении неопределенного числа физических и юридических лиц, постановление является актом управленческого характера и отражает государственную волю (см.: Никулин В. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. пособие для бакалавров направления «Юриспруденция». Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2012. С. 211).

⁴⁰ См.: определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1680-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹ Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Указ. соч. С. 219.

⁴² См.: п. 42 указа губернатора Владимирской области от 17.03.2020 № 38.

⁴³ См.: п. 11 указа губернатора Воронежской области от 20.03.2020 № 113-у.

⁴⁴ См.: п. 18 указа главы Республики Саха (Якутия) от 28.02.2022 № 2314.

⁴⁵ См.: п. 4.2 Порядка осуществления уполномоченными должностными лицами органов исполнительной власти Республики Тыва и органов местного самоуправления Республики Тыва полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 3.18 Закона РТ от 30 декабря 2008 г. № 905 ВХ-II, утв. указом главы Республики Тыва от 06.07.2021 № 223 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Тыва в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

нормы, в которых четко прописаны правовые последствия несоблюдения правил, ограничений и запретов в условиях режима повышенной готовности, отсутствуют в законодательстве следующих субъектов РФ: Архангельская, Ивановская, Иркутская, Кировская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Ульяновская области, Москва, Севастополь, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Коми, Крым, Мордовия, Северная Осетия — Алания.

Сопоставление подходов регионального законодателя к установлению ответственности в период действия режима повышенной готовности позволяет констатировать различия в санкционирующей части правовых предписаний как элемента правового регулирования. С одной стороны, предусмотрена административная ответственность за несоблюдение гражданами, организациями и индивидуальными предпринимателями запретов, требований и постановлений (Владимирская область, Республика Саха (Якутия)), а с другой — установлена ответственность за совершение процессуальных действий, в том числе путем применения к ним дисциплинарных взысканий (Республика Тыва). На наш взгляд, указ губернатора Воронежской области от 20.03.2020 № 113-у, в котором проведено четкое разграничение ответственности по действующему законодательству Российской Федерации и Воронежской области, в определенном смысле является эталоном, поскольку закрепляет ответственность за нарушение *правил, запретов и требований* в условиях режима повышенной готовности.

***

Таким образом, правовая регламентация деятельности публичной администрации в условиях режима повышенной готовности и чрезвычайных ситуаций является самодостаточным компонентом в общей системе законодательного регулирования особых (экстраординарных) правовых режимов. При этом соблюдается принцип иерархической *соподчиненности* правовых норм, который реализуется через

федеральное и региональное чрезвычайное законодательство. На примере инфекционного заболевания — коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2) — рассмотрены особенности нормативного закрепления отдельных элементов правового регулирования режима повышенной готовности в правовых актах высших должностных лиц более 35 субъектов РФ.

Сравнительный анализ структуры и содержания указанных правовых актов свидетельствует о различии в закреплении основных элементов механизма правового регулирования, в частности оснований, цели, обстоятельств введения режима повышенной готовности. Представляется, что система подзаконного регулирования режима повышенной готовности на территории субъектов РФ требует корректировки. В частности, следовало бы уточнить в отдельных подзаконных актах основание введения режима повышенной готовности, обеспечив тем самым индивидуализацию условий установления такого режима и дифференциацию полномочий публичной администрации по его обеспечению на территории соответствующего субъекта РФ.

Различные теоретико-методологические подходы к изучению особенностей правового закрепления полномочий исполнительных органов государственной власти РФ и субъектов РФ в условиях правовых режимов повышенной готовности и чрезвычайных ситуаций обуславливают необходимость дальнейшего осмысления проблем, возникающих в связи с отсутствием некоторых элементов механизма правового регулирования, и разработки прикладных рекомендаций. Очевидно, что основные различия в субъектном составе инициаторов применения мер, направленных на исполнение нормативных правовых актов в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обусловлены организационно-правовыми вопросами построения системы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ. Вместе с тем законодательно закреплена возможность субъектов РФ самостоятельно определять порядок установления и реализации специального (особого) правового режима для соответствующих органов управ-

ления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории субъекта РФ исходит от нормативно очерченных дискреционных полномочий высшего исполнительного органа власти субъекта РФ. В связи с изложенным думается, что система правового регулирования деятель-

ности органов публичной администрации и их должностных лиц в условиях правового режима повышенной готовности требует комплексного (межотраслевого) подхода, который учитывает все аспекты жизнедеятельности людей и направлен на нормальное функционирование государственно-правовых институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аникин С. Б., Пермяков А. И. Некоторые аспекты административно-правового обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России // Вестник СГЮА. — 2020. — № 6 (137). — С. 101–107.
2. Бакулина И. П., Кириллов Д. А. О правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере на фоне пандемии COVID-19 // Вестник КГУ. — 2021. — № 3. — С. 228–234.
3. Брежнев О. В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 2 (135). — С. 32–39.
4. Гольцов В. Б. Чрезвычайная ситуация: теория или юридический факт // Юридический мир. — 2009. — № 3. — С. 52–53.
5. Егоров А. И. Режим повышенной готовности как административно-правовой режим (статья, занявшая второе место на V Всероссийском конкурсе студенческих работ по административному праву и процессу) // Административное право и процесс. — 2021. — № 10. — С. 82–85.
6. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения прав и свобод человека и гражданина в России в особых обстоятельствах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 4 (80). — С. 115–124.
7. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Пандемия COVID-19 как фактор формирования новой парадигмы государственного управления в сфере обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях: правовой анализ // Роль и значение права в условиях пандемии: коллективная монография по итогам международного онлайн-симпозиума / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2021. — 288 с.
8. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях // Журнал российского права. — 2021. — № 1. — С. 111–126.
9. Зенин С. С. Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов публичной власти в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Lex russica. — 2021. — № 7 (176). — С. 73–84.
10. Ибрагимова А. Н. Ограничения публичных мероприятий в субъектах Российской Федерации в связи с пандемией COVID-19: юридический аспект // Вестник ВУиТ. — 2021. — № 3 (99). — С. 56–63.
11. Ковалева О. В. Правовое регулирование защиты прав граждан при возникновении природных и социальных чрезвычайных ситуаций : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2009. — 189 с.
12. Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Установление административной и уголовной ответственности в период действия режима повышенной готовности // Правоприменение. — 2021. — № 3. — С. 215–231.
13. Малько А. В. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 6. — С. 120–124.
14. Мельников В. Ю. Российское законодательство в период противодействия коронавирусной инфекции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2020. — № 2. — С. 24–25.

15. Мещеряков А. Н. Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения (опыт пандемии COVID-19) // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. — № 4 (50). — С. 25–32.
16. Никулин В. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. пособие для бакалавров направления «Юриспруденция». — Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2012. — 332 с.
17. Полевой В. Г., Шарыкина О. В. Самоизоляция как благозвучие для карантина, особый режим жизнедеятельности в рамках повышенной готовности к чрезвычайной ситуации или ответственная гражданская позиция // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. — 2020. — № 2 (45). — С. 40–46.
18. Сергеев Ю. Д., Боговская Е. А. О правовом регулировании мероприятий по борьбе с эпидемиями (пандемиями) инфекционных заболеваний // Медицинское право. — 2010. — № 4. — С. 3–9.
19. Шурухнова Д. Н., Комовкина Л. С. Административно-правовое регулирование режима повышенной готовности // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 4. — С. 233–238.

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anikin S. B., Permyakov A. I. Nekotorye aspekty administrativno-pravovogo obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossii // Vestnik SGYuA. — 2020. — № 6 (137). — С. 101–107.
2. Bakulina I. P., Kirillov D. A. O pravovoy pritrnosti v sanitarno-epidemiologicheskoy sfere na fone pandemii COVID-19 // Vestnik KGU. — 2021. — № 3. — С. 228–234.
3. Brezhnev O. V. Problema «antikovidnykh» pravoogranicheniy v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 2 (135). — С. 32–39.
4. Goltsov V. B. Chrezvychaynaya situatsiya: teoriya ili yuridicheskiy fakt // Yuridicheskiy mir. — 2009. — № 3. — С. 52–53.
5. Egorov A. I. Rezhim povyshennoy gotovnosti kak administrativno-pravovoy rezhim (statya, zanyavshaya vtoroe mesto na V Vserossiyskom konkurse studencheskikh rabot po administrativnomu pravu i protsessu) // Administrativnoe pravo i protsess. — 2021. — № 10. — С. 82–85.
6. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii v osobykh obstoystelstvakh // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 4 (80). — С. 115–124.
7. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. Pandemiya COVID-19 kak faktor formirovaniya novoy paradigmy gosudarstvennogo upravleniya v sfere obespecheniya bezopasnosti pri chrezvychaynykh situatsiyakh: pravovoy analiz // Rol i znachenie prava v usloviyakh pandemii: kollektivnaya monografiya po itogam mezhdunarodnogo onlayn-simpoziuma / pod obshch. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2021. — 288 s.
8. Zhavoronkova N. G., Vypkhanova G. V. Pravovye problemy povysheniya effektivnosti mer po preduprezhdeniyu i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy v sovremennykh usloviyakh // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 1. — С. 111–126.
9. Zenin S. S. Normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti organov publichnoy vlasti v usloviyakh pandemii novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) // Lex russica. — 2021. — № 7 (176). — С. 73–84.
10. Ibragimova A. N. Ogranicheniya publichnykh meropriyatiy v subektakh Rossiyskoy Federatsii v svyazi s pandemiei COVID-19: yuridicheskiy aspekt // Vestnik VUit. — 2021. — № 3 (99). — С. 56–63.
11. Kovaleva O. V. Pravovoe regulirovanie zashchity prav grazhdan pri vozniknovenii prirodnykh i sotsialnykh chrezvychaynykh situatsiy: dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2009. — 189 s.

12. Koryakovtsev V. V., Pitulko K. V., Sergeeva A. A. Ustanovlenie administrativnoy i ugovornoй otvetstvennosti v period deystviya rezhima povyshennoy gotovnosti // Pravoprimenenie. — 2021. — № 3. — S. 215–231.
13. Malko A. V. Spetsialnyy pravovoy rezhim kak osoboe sredstvo pravovogo regulirovaniya // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2013. — № 6. — S. 120–124.
14. Melnikov V. Yu. Rossiyskoe zakonodatelstvo v period protivodeystviya koronavirusnoy infektsii // Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta. — 2020. — № 2. — S. 24–25.
15. Meshcheryakov A. N. Polnomochiya vysshego dolzhnostnogo litsa subekta Rossiyskoy Federatsii po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya (opyt pandemii SOVID-19) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 4 (50). — S. 25–32.
16. Nikulin V. V. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie dlya bakalavrov napravleniya «Yurisprudentsiya». — Tambov: Izd-vo FGBOU VPO «TGTU», 2012. — 332 s.
17. Polevoy V. G., Sharykina O. V. Samoizolyatsiya kak blagozvuchie dlya karantina, osoby rezhim zhiznedeyatel'nosti v ramkakh povyshennoy gotovnosti k chrezvychaynoy situatsii ili otvetstvennaya grazhdanskaya pozitsiya // Nauchnye i obrazovatelnye problemy grazhdanskoy zashchity. — 2020. — № 2 (45). — S. 40–46.
18. Sergeev Yu. D., Bogovskaya E. A. O pravovom regulirovanii meropriyatiy po borbe s epidemiyami (pandemiyami) infektsionnykh zabolevaniy // Meditsinskoe pravo. — 2010. — № 4. — S. 3–9.
19. Shurukhnova D. N., Komovkina L. S. Administrativno-pravovoe regulirovanie rezhima povyshennoy gotovnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2020. — № 4. — S. 233–238.

Кредитные организации как субъекты финансового права

Аннотация. В статье рассматривается соотношение публично-правовых и частноправовых элементов финансовой правосубъектности кредитных организаций в различных сферах финансовой деятельности. Проанализирован правовой статус уполномоченного банка в валютных, налоговых, кредитных и иных правоотношениях, отмечено содержательное различие категорий «уполномоченный банк» и «банк-агент» с точки зрения делегирования им публичных и частных полномочий в финансовом праве. Высказано предложение заменить отбор банков-агентов и уполномоченных банков для различных сфер финансовой деятельности процедурой аккредитации, проводимой Банком России совместно с органом власти, осуществляющим полномочия в соответствующей сфере. Кредитные организации в финансовом праве по характеру преобладающего интереса следует подразделить на две группы: публичные кредитные организации и частные кредитные организации. Обеспечивая устойчивость, бесперебойное функционирование, мониторинг и управление рисками значимых субъектов банковской системы, законодатель и ЦБ РФ формируют и изменяют их правовой статус, наделяя их публичными обязанностями.

Ключевые слова: кредитные организации; финансовая правосубъектность; субъекты финансового права; уполномоченные банки; банки-агенты; публичные кредитные организации; системно значимые банки; налоговая правосубъектность; делегирование полномочий.

Для цитирования: Горлова Е. Н. Кредитные организации как субъекты финансового права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 44–53. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.044-053.

Credit Organizations as Subjects of Financial Law

Elena N. Gorlova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Financial Law;
Associate Professor, Department of Tax Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
engorlova@msal.ru

Abstract. The paper examines the correlation between public and private legal elements of the financial legal personality of credit institutions in various fields of financial activity. The author analyzes the legal status of an authorized bank in foreign exchange, tax, credit and other legal relations, and highlights the substantive difference

---

© Горлова Е. Н., 2024

* Горлова Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права, доцент кафедры налогового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
engorlova@msal.ru

between the categories of «authorized bank» and «agent bank» from the point of view of delegating public and private powers to them in financial law. The author makes a proposal to replace the selection of agent banks and authorized banks for various areas of financial activity with an accreditation procedure conducted by the Bank of Russia jointly with the authority exercising its power in the relevant field. Credit organizations in financial law, by the nature of the prevailing interest, should be divided into two groups: public credit organizations and private credit organizations. Ensuring the stability, smooth functioning, monitoring and risk management of significant entities of the banking system, the legislator and the Central Bank of the Russian Federation form and change their legal status, giving them public responsibilities.

Keywords: credit organizations; financial legal personality; subjects of financial law; authorized banks; agent banks; subjects of financial law; public credit organizations; systemically important banks; tax legal capacity; delegation of authority.

Cite as: Gorlova EN. Credit Organizations as Subjects of Financial Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):44-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.044-053

Кредитные организации занимают особое место в системе субъектов финансового права: они способствуют осуществлению хозяйственной деятельности физических и юридических лиц всех форм собственности, участвуют в денежном обращении и расчетах, аккумулируют и перераспределяют фонды денежных средств, поддерживают ключевые экономические процессы в рамках национальной экономики. Активное участие кредитных организаций в разнообразных правоотношениях предопределило их особый правовой статус, сочетающий частноправовые и публично-правовые элементы. Кредитные организации обладают лишь отдельными элементами правосубъектности публичных лиц, в то время как изначальной основой их правового статуса выступают нормы частного права. С развитием общественных отношений правосубъектность кредитных организаций усложнилась и приобрела публично-правовые элементы, которые располагаются на частноправовом фундаменте. При этом публичные полномочия кредитных организаций не носят властного характера. Кроме того, для понимания содержания финансовой правосубъектности кредитных организаций необходимо учитывать не только весь объем их прав и обязанностей, но также цели и интересы их деятельности, порядок взаимоотношений с органами публичной власти.

В науке высказывается мнение о том, что финансовая правосубъектность кредитных организаций свидетельствует о наличии у них тройственной правовой природы: они совмещают статус субъектов, действующих в собственных интересах, статус субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность в публичных интересах путем совершения банковских операций, а также субъектов, реализующих публичные функции¹. Полагаем, что не все кредитные организации обладают одинаковой финансовой правосубъектностью в силу особенностей их учреждения и целей деятельности.

По объему специальной правосубъектности законодатель подразделяет кредитные организации на банки и небанковские кредитные организации (НКО). Полагаем, что при рассмотрении финансовой правосубъектности кредитных организаций большее значение имеет не объем осуществляемых банковских операций, а степень участия данных субъектов в реализации публичных интересов. Кредитных организаций в финансовом праве по характеру преобладающего интереса следует подразделить на две группы: публичные кредитные организации и частные кредитные организации.

Публичные кредитные организации — это учрежденные публичными субъектами организации, осуществляющие банковскую деятельность в публичных интересах. К ним следует

---

¹ Загороднев Ю. А. Кредитные организации как субъекты финансово-правовой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. Саратов, 2015. С. 10.

отнести Центральный банк РФ, ГК «ВЭБ.РФ», АО «Банк ДОМ.РФ». На каждый из этих банков специальным законом возложены уникальные публичные функции, в чем проявляется специализация их финансовой правосубъектности. Кроме того, к публичным кредитным организациям относятся коммерческие банки, главными собственниками которых выступают публичные образования, в настоящее время насчитывается несколько десятков таких банков².

Банк России, выступая в качестве публично-го регулятора банковской деятельности, является также некоммерческой кредитной организацией, потому что получение прибыли не цель его деятельности. Так, ЦБ РФ имеет право осуществлять банковские операции и сделки с российскими и иностранными кредитными организациями, международными организациями, иностранными центральными банками и иными иностранными юридическими лицами, Правительством РФ и Агентством по страхованию вкладов для достижения поставленных целей. Кроме того, ЦБ РФ может осуществлять банковские операции по обслуживанию органов государственной власти, местного самоуправления, их организаций, государственных внебюджетных фондов, воинских частей, военнослужащих, служащих Банка России, т.е. выступать в качестве банка для органов публичной власти и учрежденных ими юридических лиц.

Несмотря на то что полномочия Банка России как кредитной организации установлены федеральным законом, он обладает широкими возможностями по конкретизации данных полномочий и их адаптации для достижения поставленных целей. Так, Совет директоров ЦБ РФ устанавливает порядок предоставления кредитным организациям кредитов без обеспечения, устанавливает список ценных бумаг, пригодных для обеспечения кредитов ЦБ РФ, а также может изменять условия предоставленных кредитов.

Данное свойство приобретает особое значение в сфере финансовой деятельности, потому что состав правосубъектности ЦБ РФ оказывает существенное влияние как на экономическую деятельность его контрагентов, так и на государственную экономическую политику в целом.

Финансовую правосубъектность ЦБ РФ как кредитной организации не следует рассматривать отдельно от его правосубъектности как лица, наделенного властными полномочиями, потому что, совершая банковские операции и сделки с частными лицами на основе ГК РФ, Банк России преследует публичные цели. Следовательно, частноправовые элементы правосубъектности ЦБ РФ являются неотъемлемой составляющей его правового статуса и служат реализации публичной правосубъектности в сфере финансовой деятельности.

Рассматривая правовой статус ГК «ВЭБ.РФ», следует отметить, что организационная форма учрежденного государством некоммерческого банка вступает в противоречие с общими положениями законодательства о банковской деятельности. Кроме того, ГК «ВЭБ.РФ» осуществляет банковские операции не для извлечения прибыли, а для реализации государственной политики, в том числе по модернизации национальной экономики и повышению ее конкурентоспособности путем привлечения инвестиций в стратегически значимые проекты и программы. В связи с этим ГК «ВЭБ.РФ», в отличие от банков, освобождена от уплаты налога на прибыль организаций.

Банки также могут участвовать в инвестиционной деятельности, но правовой статус ГК «ВЭБ.РФ» в данной сфере имеет значительные отличия, потому что она наделяется властными полномочиями как агент Правительства РФ и как уполномоченная им организация.

В 2015 г. был создан единый институт развития в жилищной сфере³. В настоящее время

² Государственные банки — финансовые рычаги управления экономикой // URL: <https://www.sravni.ru/enciklopediya/info/gosudarstvennye-banki--finansovye-rychagi-upravlenija-ehkonomikoj/> (дата обращения: 24.11.2023).

³ Федеральный закон от 13.07.2015 № 225-ФЗ «О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4351.

он функционирует в организационно-правовой форме акционерного общества с государственным участием, все акции которого находятся в собственности Российской Федерации, — это АО «ДОМ.РФ». Одной из основных его функций является управление организациями единого института развития — некоммерческими и коммерческими организациями, объединенными общими публичными целями в жилищной сфере и действующими в сферах строительства, благоустройства, информационной поддержки, инвестиций и иных финансовых услуг. Деятельность АО «ДОМ.РФ» выступает ярким примером делегирования публичных полномочий юридическому лицу, наделенному особой правосубъектностью.

Важное место среди организаций единого института развития занимает АО «Банк ДОМ.РФ», наделенное особым статусом — уполномоченного банка в сфере жилищного строительства. АО «Банк ДОМ.РФ» является кредитной организацией, на него распространяется Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», все его акции находятся в собственности АО «ДОМ.РФ».

АО «Банк ДОМ.РФ» предоставляет целевые кредиты застройщикам, осуществляющим деятельность в сфере долевого строительства жилья, а также банковское сопровождение мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства и объектов инфраструктуры, для строительства которых привлекались денежные средства участников долевого строительства.

Кроме того, АО «Банк ДОМ.РФ» осуществляет типичные для коммерческих банков банковские операции, обслуживает как физических, так и юридических лиц. В своей деятельности АО «Банк ДОМ.РФ» взаимодействует с органами государственной власти, местного самоуправления, публично-правовой компанией «Фонд развития территорий» и застройщиками.

Несмотря на ярко выраженную публичную цель, правоотношения в сфере жилищного строительства имеют частноправовую основу,

поэтому для их регулирования органами публичной власти была избрана система двухуровневого делегирования полномочий публичных субъектов юридическим лицам: часть публичных полномочий были переданы институту развития АО «ДОМ.РФ», который в свою очередь передал часть своих публичных полномочий кредитной организации — АО «Банк ДОМ.РФ».

Частные кредитные организации — это учрежденные частными лицами организации, созданные для осуществления банковской деятельности в частных интересах. Вместе с тем правосубъектность кредитных организаций в сфере финансовой деятельности носит комплексный характер. Действуя как юридические лица на основе норм гражданского права, кредитные организации выполняют важные публичные задачи в сфере аккумулирования и перераспределения децентрализованных и централизованных фондов денежных средств.

Особое место в структуре финансовой правосубъектности кредитных организаций занимает наделение их статусом уполномоченных банков. Действующее законодательство не содержит дефиниции общего понятия уполномоченного банка, оно используется применительно к различным сферам деятельности кредитных организаций.

Во-первых, в сфере валютных правоотношений уполномоченные банки — это кредитные организации, имеющие право осуществлять банковские операции со средствами в иностранной валюте, являющиеся агентами валютного контроля⁴. По смыслу ст. 9 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» уполномоченные банки, совершая валютные операции, являются особым субъектом валютных правоотношений, отличным от резидентов и нерезидентов. Валютным законодательством и актами ЦБ РФ устанавливается особый порядок валютных операций между уполномоченными банками или с их участием, направленный на минимизацию валютных ограничений и создание оптимальных условий для валютного контроля за такими операциями.

---

⁴ Ст. 1, 22 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

Агентом валютного контроля, наряду с уполномоченными банками, является ГК «ВЭБ.РФ», которая обладает особым статусом и не отнесена законодательством к числу уполномоченных банков. Полагаем, что полномочия банков проистекают из полномочий ЦБ РФ и выдаваемых им лицензий, а полномочия ГК «ВЭБ.РФ» — из специального закона и от Правительства РФ как ее учредителя.

От органов государственной власти уполномоченные банки в валютных отношениях отличается только отсутствие возможности применять меры ответственности.

Следовательно, органы публичной власти делегируют часть своих контрольных полномочий в сфере валютных правоотношений банкам, потому что они своими действиями осуществляют валютные операции и имеют возможность применять меры предварительного и текущего финансового контроля.

Во-вторых, в сфере долевого строительства объектов недвижимости уполномоченный банк — это банк, созданный в соответствии с законодательством РФ и включенный Банком России в перечень банков, соответствующих критериям финансовой стабильности и надежности⁵. В данный перечень, наряду с частными коммерческими банками, включено также АО «Банк ДОМ.РФ».

Законодательством предусмотрено⁶, что уполномоченный банк осуществляет открытие и ведение счетов эскроу для расчетов по договору участия в долевом строительстве в соответствии с ГК РФ, при этом при осуществлении данной деятельности используется термин «банк (эскроу-агент)». Деятельность уполномоченного

банка (банка (эскроу-агента)) осуществляется безвозмездно, без выплаты вознаграждения или процентов на сумму денежных средств на счетах эскроу. Коммерческие интересы уполномоченных банков в данном случае обеспечиваются кредитами, выдаваемыми ими застройщикам.

Таким образом, публичные образования возлагают на банки публичные обязанности по осуществлению дополнительного контроля за застройщиками и обеспечению сохранности денежных средств частных лиц путем помещения их в особый режим банковского сопровождения посредством счетов эскроу.

В-третьих, в сфере оборонного заказа также действует уполномоченный банк⁷ — это опорный банк для оборонно-промышленного комплекса. В настоящее время им является ПАО «Промсвязьбанк», находящееся в собственности РФ. Данный уполномоченный банк открывает счета, осуществляет расчеты и мониторинг расчетов по государственному оборонному заказу, передает информацию в единую информационную систему оборонного заказа, а также имеет право запрашивать информацию и документы у исполнителей, приостанавливать операции по счетам исполнителей в целях финансового мониторинга. Особенностью его правового статуса является необходимость наличия лицензии на проведение работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, ввиду специфики отношений, в которых он участвует.

В-четвертых, в рамках государственной поддержки агропромышленного комплекса предусмотрено предоставление субсидий россий-

⁵ Постановление Правительства РФ от 18.06.2018 № 697 «Об утверждении критериев (требований), которым в соответствии с Федеральным законом “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” должны соответствовать уполномоченные банки и банки, которые имеют право на открытие счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве» // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4066.

⁶ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 40.

⁷ Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7600.

ским кредитным, международным финансовым организациям и ГК «ВЭБ.РФ» на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным сельскохозяйственным товаропроизводителям по льготной ставке. В связи с этим мы вновь встречаем понятие уполномоченного банка⁸. Для данных уполномоченных банков устанавливаются критерии финансовой стабильности и надежности. Полагаем в данном случае некорректным использование термина «уполномоченный банк», потому что данные субъекты не наделяются никакими публичными полномочиями, более правильным будет термин «банк-агент».

В-пятых, как отмечает Г. Ф. Ручкина, опосредованно понятие «уполномоченные банки» можно применить к кредитным организациям, которые являются уполномоченными на осуществление операций с бюджетными средствами в силу ст. 156 БК РФ. Данный вывод подтверждается необходимостью соответствия кредитных организаций определенным критериям, которые устанавливает Правительство РФ⁹. Кроме того, автор обращает внимание на необходимость закрепления в специальном законе понятия «уполномоченные банки» и единых критериев, которым они должны соответствовать¹⁰.

Законодательство в сфере ПОД/ФТ¹¹ наделяет кредитные организации особым статусом — организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом (цифровыми валютами). Таким образом, специализация правосубъектности кредитных организаций определяется реализацией их специальной правоспособности посредством осуществления банковских операций. Кроме того, в целях специализации правосубъектности данных лиц ЦБ РФ формирует перечень отвечающих установленным критериям кредитных организаций, которые могут проводить идентификацию клиентов — физических лиц и размещать или обновлять соответствующую информацию в электронной форме в единой системе идентификации и аутентификации. Полагаем, что банки, наделенные указанными полномочиями, можно именовать банками-агентами. Так, А. А. Ситник предлагает именовать финансовыми агентами публичного права субъектов, которые осуществляют в публичных интересах возложенные на них государством обязанности, выступая в качестве посредников между государством и третьими лицами в финансовых правоотношениях¹².

Представляется, что понятие «уполномоченный банк» отражает наделение кредитной

---

⁸ Это российская кредитная организация, определенная в установленном порядке как системно значимая кредитная организация, государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», а также российская кредитная и международная финансовая организации, отобранные в установленном порядке. См.: постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1528 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям, международным финансовым организациям и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным сельскохозяйственным товаропроизводителям (за исключением сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов), организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим производство, первичную и (или) последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции и ее реализацию, по льготной ставке» // СЗ РФ. 2017. № 2 (ч. I). Ст. 357.

⁹ Постановление Правительства РФ от 08.05.2020 № 644 «О требованиях к кредитным организациям, которые могут обслуживать банковские счета Федерального казначейства, а также единый казначейский счет в иностранной валюте и осуществлять операции со средствами федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3168.

¹⁰ Ручкина Г. Ф. Особые условия допуска кредитных организаций к отдельным сферам экономической деятельности: к вопросу о понятии «уполномоченные банки» // Банковское право. 2021. № 1. С. 7–16.

¹¹ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

¹² Ситник А. А. Финансовый контроль и надзор в сфере денежного обращения в Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2020. С. 69.

организации публичными полномочиями, а понятие «банк-агент» подчеркивает частноправовые аспекты правосубъектности банка, в том числе наделение данных банков публичными полномочиями по их собственной инициативе. Так, в системе страхования вкладов действуют аккредитованные банки-агенты Агентства по страхованию вкладов, через которые Агентство может осуществлять прием от вкладчиков банков, в отношении которых наступил страховой случай, заявлений о выплате возмещения по вкладам, а также выплату страхового возмещения вкладчикам, т.е. делегировать публичные полномочия частным банкам. При этом участие в данной деятельности осуществляется по желанию банка. В отличие от агентского договора, предусмотренного статьей 1005 ГК РФ, банки-агенты, как правило, не получают вознаграждения за работу от органов публичной власти, но могут получить выгоду косвенным путем — в виде потенциальных клиентов — потребителей услуг по выдаче кредитов (застройщики, сельскохозяйственные производители), банковских вкладов (вкладчики лишенных лицензии банков) и др.

Для соответствия юридического лица определенным критериям в Российской Федерации была создана система национальной аккредитации¹³.

Представляется, что отбор банков-агентов и уполномоченных банков для различных сфер деятельности можно заменить процедурой аккредитации, осуществляемой Банком России совместно с органом власти, реализующим полномочия в соответствующей сфере.

Полагаем возможным дать определение уполномоченного банка — это соответствующий специальным критериям банк, наделенный

публичными полномочиями по осуществлению банковского сопровождения и финансового контроля в определенной сфере деятельности.

Помимо уполномоченного банка, существует также понятие системно значимого банка. ЦБ РФ формирует перечень из 13 кредитных организаций, которые охватывают совокупно около 78 % активов российского банковского сектора и именуются системно значимыми¹⁴. Критериями для установления статуса системно значимого банка являются следующие количественные показатели деятельности кредитных организаций: размер кредитной организации (величина активов банка); взаимосвязанность с кредитными и иными финансовыми организациями (размещенные и привлеченные средства); объем вкладов физических лиц¹⁵. При этом ЦБ РФ имеет право требовать от банков, которые признаны системно значимыми, представлять планы по восстановлению финансовой устойчивости, а также установить для них требования по показателям краткосрочной ликвидности и достаточности капитала в соответствии с международными рекомендациями в области банковского регулирования.

Основное преимущество данного механизма для системно значимых банков — это более высокая степень финансовой устойчивости: ввиду особого значения для национальной экономики и денежного обращения ЦБ РФ не будет применять по отношению к ним отзыв лицензии, а окажет меры финансовой поддержки во избежание последующего банкротства.

Существование такой категории кредитных организаций, как системно значимые банки, свидетельствует о том, что обладание активами и привлеченными средствами в крупных размерах приводит к изменению правосубъ-

¹³ Аккредитация — это подтверждение национальным органом по аккредитации соответствия юридического лица или индивидуального предпринимателя критериям аккредитации, являющееся официальным свидетельством компетентности юридического лица или индивидуального предпринимателя осуществлять деятельность в определенной области аккредитации. См.: Федеральный закон от 28.12.2013 № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6977.

¹⁴ Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/SystemBanks.html/ (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁵ Указание Банка России от 13.04.2021 № 5778-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций» // Вестник Банка России. № 30. 26.05.2021.

ектности банков: на них налагаются особые обязанности и одновременно им предоставляются гарантии мер финансовой поддержки. Необходимо подчеркнуть, что дополнительные обязанности системно значимых банков не являются публичными и не делегируются им органами власти, но устанавливаются в публичных интересах.

Особенностью налоговой правосубъектности кредитных организаций является наделение их не только правовым статусом налогоплательщиков и налоговых агентов, но и статусом посредников между налогоплательщиком и бюджетом — по уплате налогов и иных обязательных платежей.

Как верно отмечает С. Г. Пепеляев, отношения налогоплательщика и банка по поводу уплаты налогов являются публично-правовыми, в рамках данных отношений банк действует не как представитель налогоплательщика перед государством, а как представитель публичных интересов государства, принимающий от плательщика исполнение публичной обязанности уплаты налога¹⁶. В данных отношениях банк выступает как агент государства или муниципального образования.

В свою очередь, отношения банка с клиентом, порождающие его посреднические функции по уплате налогов и сборов, опосредуются нормами гражданского законодательства и не регулируются НК РФ. Вместе с тем публичные полномочия, возложенные на банки в налоговых правоотношениях, являются делегированными от полномочий органов публичной власти, т.е. от непосредственных участников налоговых отношений (налоговых органов) или от других участников-налогоплательщиков, или обусловлены сущностью банковской деятельности и являются неотделимыми от правового статуса кредитной организации.

Необходимо отметить особую роль кредитных организаций при применении налоговыми органами таких способов обеспечения исполне-

ния обязанностей по уплате налогов и сборов, как банковская гарантия и приостановление операций по счетам, а также при осуществлении налогового контроля.

Банковская гарантия может быть предоставлена только банком, соответствующим требованиям финансовой стабильности и надежности и включенным в перечень Минфина России на основании сведений, полученных от ЦБ РФ, за исключением ГК «ВЭБ.РФ», чья надежность у законодателя и налоговых органов, очевидно, не вызывает сомнений в силу особого правового статуса. Следовательно, в налоговых отношениях к кредитным организациям применяются специальные критерии, поэтому банки, входящие в перечень Минфина России, можно также именовать аккредитованными.

В действующем налоговом законодательстве существует понятие уполномоченной кредитной организации, под которой понимается кредитная организация, осуществляющая информационный обмен с налоговыми органами в форме передачи в налоговый орган сведений о счетах и операциях налогоплательщика, перешедшего на автоматизированную упрощенную систему налогообложения (АУСН), а также информации, необходимой для исчисления и контроля за уплатой НДФЛ и страховых взносов таких налогоплательщиков¹⁷. Реестр уполномоченных кредитных организаций ведет ФНС России, включение в реестр осуществляется в заявительном порядке, но при этом на кредитную организацию возлагаются дополнительные обязанности. Такая кредитная организация считается уполномоченной налогоплательщиком на передачу в налоговый орган сведений, предусмотренных законом об установлении АУСН, в том числе уведомлений о переходе на АУСН или о возврате на другой режим налогообложения.

Уполномочить кредитную организацию на осуществление информационного обмена с налоговыми органами могут также плательщики налога на профессиональный доход.

---

¹⁶ Налоговое право : учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. М. : Альпина Пабlishер, 2015. С. 237–239.

¹⁷ Федеральный закон от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Автоматизированная упрощенная система налогообложения”» // СЗ РФ. 2022. № 9 (ч. I). Ст. 1249.

Таким образом, кредитным организациям делегируются часть прав и обязанностей налогоплательщиков, а также часть полномочий налоговых органов.

Неотъемлемой составляющей публично-правового статуса кредитных организаций является установление мер юридической ответственности за нарушение возложенных на данные организации обязанностей.

Особый статус кредитных организаций закреплён в главе 18 НК РФ, устанавливающей ответственность банков¹⁸ за нарушения законодательства о налогах и сборах. Особенностью данной главы НК РФ является то, что в ней одновременно закреплены обязанности банков и ответственность за их нарушение. Как отмечает А. В. Брызгалин, глава 18 НК РФ отражает деликтоспособность банков как специальных субъектов налоговых правоотношений¹⁹.

В национальной платёжной системе кредитные организации также наделены особым статусом: они могут выступать в роли операторов по переводу денежных средств, операторов электронных денежных средств, операторов платёжной системы, операторов услуг платёжной инфраструктуры, расчётных центров. Данные субъекты не наделяются публичными полномочиями, но действуют в публичных интересах.

Нормативно закреплённые обязанности кредитных организаций, призванные обеспечить реализацию публичных интересов, подразумевают взаимодействие субъектов национальной платёжной системы друг с другом, а также преимущественно направлены на внутреннюю

деятельность данных лиц. В отличие от, например, обязанностей в сфере валютного контроля, направленных на сбор информации о клиентах и третьих лицах, в национальной платёжной системе необходимо выполнять требования законодательства и Банка России в отношении самих себя. Аналогичные требования установлены законодательством в сфере ПОД/ФТ. Полагаем, что обязанности по осуществлению внутреннего контроля занимают особое место в правосубъектности частных лиц, потому что в процессе их реализации может возникнуть конфликт между публичными и частными интересами. В настоящее время для минимизации данных конфликтов установлен порядок наделения специальной правоспособностью путем регистрации ЦБ РФ в качестве специальных субъектов национальной платёжной системы, а также исключения из соответствующих реестров при неисполнении возложенных публичных обязанностей.

Среди субъектов национальной платёжной системы выделяются операторы и расчётные центры значимых платёжных систем, а также кредитные организации, играющие важную роль на рынке платёжных услуг. В законодательстве²⁰ установлены критерии системной или социальной значимости данных субъектов, а также повышенные требования к ним, выраженные в наложении дополнительных обязанностей²¹. Таким образом, обеспечивая устойчивость, бесперебойное функционирование, мониторинг и управление рисками значимых субъектов национальной платёжной системы,

¹⁸ В налоговом законодательстве понятие «банк» следует трактовать широко: ответственности подлежат все кредитные организации, в том числе небанковские кредитные организации, потому что возложенные на банки обязанности и ответственность за их неисполнение связаны в первую очередь с исполнением публичных полномочий, а не с организационно-правовой формой и частноправовым статусом.

¹⁹ Брызгалин А. В. Ответственность банков за нарушения в сфере налоговых правоотношений // *Налоги и финансовое право*. 2011. № 11. С. 88.

²⁰ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» // *СЗ РФ*. 2011. № 27. Ст. 3872.

²¹ См.: указание Банка России от 19.06.2012 № 2836-У «Об устанавливаемых Банком России требованиях к значимой платёжной системе» // *Вестник Банка России*. № 34. 28.06.2012 ; указание Банка России от 06.11.2014 № 3439-У «О порядке признания Банком России кредитных организаций значимыми на рынке платёжных услуг» // *Вестник Банка России*. № 111. 16.12.2014.

законодатель и ЦБ РФ формируют и изменяют их правовой статус, наделяя их публичными обязанностями.

Финансовая правосубъектность кредитных организаций характеризуется сочетанием публичных и частных начал, а также делегирова-

нием полномочий ЦБ РФ, налоговых и иных органов публичной власти. Кроме того, в отдельных случаях возможно делегирование прав и обязанностей частных лиц (налогоплательщиков, налоговых агентов) другим частным лицам (кредитным организациям).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брызгалин А. В. Ответственность банков за нарушения в сфере налоговых правоотношений // *Налоги и финансовое право*. — 2011. — № 11. — С. 83–197.
2. Загороднев Ю. А. Кредитные организации как субъекты финансово-правовой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. — Саратов, 2015. — 28 с.
3. *Налоговое право : учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева*. — М. : Альпина Пабlishер, 2015. — 796 с.
4. Ручкина Г. Ф. Особые условия допуска кредитных организаций к отдельным сферам экономической деятельности: к вопросу о понятии «уполномоченные банки» // *Банковское право*. — 2021. — № 1. — С. 7–16.
5. Ситник А. А. Финансовый контроль и надзор в сфере денежного обращения в Российской Федерации : монография. — М. : Проспект, 2020. — 240 с.

Материал поступил в редакцию 24 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bryzgalin A. V. Otvetstvennost bankov za narusheniya v sfere nalogovykh pravootnosheniy // *Nalogi i finansovoe pravo*. — 2011. — № 11. — S. 83–197.
2. Zagorodnev Yu. A. Kreditnye organizatsii kak subekty finansovo-pravovoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.04. — Saratov, 2015. — 28 s.
3. *Nalogovoe pravo: uchebnik dlya vuzov / pod red. S. G. Pepelyaeva*. — M.: Alpina Pablisher, 2015. — 796 s.
4. Ruchkina G. F. Osobyie usloviya dopuska kreditnykh organizatsiy k otdelnym sferam ekonomicheskoy deyatel'nosti: k voprosu o ponyatii «upolnomochennyye banki» // *Bankovskoe pravo*. — 2021. — № 1. — S. 7–16.
5. Sitnik A. A. Finansovyy kontrol i nadzor v sfere denezhnogo obrashcheniya v Rossiyskoy Federatsii: monografiya. — M.: Prospekt, 2020. — 240 s.

Исключение из конкурсной массы имущества гражданина-должника как гарантия защиты его имущественных и личных неимущественных прав

Аннотация. Предпосылкой исследования исключения из конкурсной массы имущества гражданина-должника как гарантии защиты его имущественных и неимущественных прав выступает длительное становление законодательства о банкротстве, оказавшее влияние на идеологию мер защиты прав и интересов гражданина-должника, переосмысление мер защиты имущественных и неимущественных прав должника в условиях обновляющегося экономически ориентированного и процессуального законодательства. Конфликт интересов должника и кредиторов является одной из трудноразрешимых проблем института банкротства, актуализирующих совершенствование механизмов защиты прав должника. То, что институт банкротства граждан предусматривает механизмы защиты личных неимущественных (естественных) прав гражданина, наряду с механизмами защиты его имущественных прав, не противоречит имущественно-правовым свойствам данного правового института, выделенным в цивилистической науке. Взаимосвязанность имущественных прав должника с его личными неимущественными правами служит идейным фактором, обосновывающим необходимость исключить из конкурсной массы определенные виды имущества и доходов должника, носящие социальный характер, поскольку они обслуживают быт должника, его личные потребности и потребности членов его семьи.

Ключевые слова: правовой институт банкротства граждан; правовой статус должника; имущественные права должника; личные неимущественные права должника; продажа имущества должника; конкурсная масса имущества должника; защита прав должника.

Для цитирования: Гладышева Е. В. Исключение из конкурсной массы имущества гражданина-должника как гарантия защиты его имущественных и личных неимущественных прав // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 54–60. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.054-060.

© Гладышева Е. В., 2024

* Гладышева Елена Викторовна, соискатель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lena.glad.77@mail.ru

Exclusion of the Debtor's Property from the Bankruptcy Estate as a Guarantee of Protection of Debtor's Property and Personal Non-Property Rights

Elena V. Gladysheva, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
lena.glad.77@mail.ru

Abstract. The need to exclude the debtor's property from the bankruptcy estate as a guarantee of protection of his property and non-property rights can be explained by a long-term formation of bankruptcy legislation, which influenced the ideology of measures to protect the rights and interests of the debtor, the need to rethink measures to protect the debtor's property and non-property rights in the context of an updated economically oriented and procedural legislation. The conflict of interests of the debtor and creditors is one of the intractable problems of the institution of bankruptcy, actualizing the improvement of mechanisms for protecting the rights of the debtor. The fact that the institution of bankruptcy of citizens provides mechanisms for the protection of personal non-property (natural) rights of a citizen along with mechanisms for the protection of his property rights does not contradict the property law criteria applied in this legal institution and highlighted in civil law science. The interconnectedness of the debtor's property rights with his personal non-property rights serves as an ideological factor justifying the need to exclude certain types of property and income of the debtor from the bankruptcy estate, which are of a social nature, since they serve the life of the debtor, his personal needs and the needs of his family members.

Keywords: legal institution of bankruptcy of citizens; legal status of the debtor; property rights of the debtor; personal non-property rights of the debtor; sale of the debtor's property; bankruptcy estate of the debtor; protection of the debtor's rights.

Cite as: Gladysheva EV. Exclusion of the Debtor's Property from the Bankruptcy Estate as a Guarantee of Protection of Debtor's Property and Personal Non-Property Rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):54-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.054-060

Реализация правового института банкротства граждан предусматривает ограничения в отношении правового статуса должника. Речь идет о допустимых в силу закона ограничениях в адрес гражданина в связи с реализацией его имущественных прав, а именно правомочий собственника имущества, подлежащего продаже в рамках банкротной процедуры реализации имущества. Имущественные права гражданина-должника взаимосвязаны с целым рядом личных неимущественных прав должника и членов его семьи. И если защита имущественных прав гражданина-должника — нечто само собой разумеющееся, присущее правовому институту банкротства, поскольку он носит имущественный характер, то защита личных неимущественных прав гражданина-должника

требует особого внимания, неся в себе потенциал для нарушений со стороны иных участников правоотношений банкротства.

Личные неимущественные права должника связаны с концепцией так называемых естественных (личных) прав человека и гражданина, выступающей предметом научных исследований¹. Естественные права приобретают «правовой облик» в результате закрепления в юридических нормах, выступая их «прообразами»². Естественные права человека (и гражданина) трансформированы в неимущественные, т.е. личные, права и свободы человека и гражданина: право на жизнь и здоровье, свободу, неприкосновенность личности и семейную тайну (неприкосновенность частной жизни), охрану достоинства личности, жилище, труд, право сво-

¹ См.: Козлитина М. Г. Права человека и гражданина как социально-юридический феномен: плюрализм концептуального осмысления // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 97; Фальшина Н. А. Понятие и генезис концепции естественных прав человека // Философия права. 2015. № 6. С. 59.

² Шагиева Р. В. Актуальные проблемы права. М.: Инфра-М: Норма, 2014. С. 33–38.

бодно передвигаться и выбирать место жительства. Права данного вида, базируясь на Основном законе государства — Конституции — как документе, «намечающим концептуальные основы общественной жизни»³, подлежат защите во всех сферах общественных отношений.

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ, законодатель, «обеспечивая возможность удовлетворения интересов и защиты имущественных прав управомоченного в силу гражданско-правового обязательства лица (кредитора, взыскателя)», «должен исходить из конституционной обязанности Российской Федерации как социального государства заботиться о благополучии... граждан, сохраняя им условия для нормального существования», т.е. защищать личные неимущественные права⁴.

Содержанием процедуры реализации имущества в деле о банкротстве гражданина-должника, обуславливающим ее значение в контексте защиты имущественных и личных неимущественных прав должника, выступает продажа имущества должника на основании ст. 213.26 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵. Специфика этой процедуры выражается в возможности прекращения обязательств добросовестного должника в виде освобождения от их исполнения (имущественное право должника на освобождение от долгов), однако только после реализации имущества должника, при этом не все виды имущества должника подлежат включению в конкурсную массу.

В ходе формирования конкурсной массы гражданина-должника между должником и кре-

диторами, финансовым управляющим разрешаются возможные разногласия относительно сохранения того или иного имущества за должником. Интересы должника и кредиторов являются противоположными: должник стремится сохранить свое имущество, кредиторы, наоборот, заинтересованы в максимальном объеме имущества должника, подлежащего включению в конкурсную массу для реализации и оплаты долгов. Придерживаясь линии защиты прав и интересов должника от притязаний кредиторов, закон очерчивает пределы применения указанного механизма защиты прав кредиторов, предусматривая виды и перечень имущества должника, подлежащего исключению из конкурсной массы, тем самым обеспечивая защиту прав должника.

Вопросу исключения из конкурсной массы имущества определенных видов посвящена статья 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ, применяющаяся во взаимосвязи со ст. 446 ГПК РФ⁶, определяющей виды имущества, на которое невозможно обращение взыскания в рамках исполнительного производства. В конкурсную массу также не включаются получаемые должником выплаты, предназначенные для содержания иных лиц (алименты на содержание несовершеннолетних детей; страховая пенсия по случаю потери кормильца, назначенная ребенку; социальные пенсии, пособия и меры социальной поддержки, установленные для детей-инвалидов, и др.)⁷. Установление в силу законоположений и сложившейся судебной практики исключений из реализации имущества должника отвечает интересам его и членов семьи, жизненно важным потребностям

³ Пешкова Х. В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства. М. : Инфра-М, 2019. С. 140.

⁴ П. 2.1 постановления Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Безменова и Н. В. Калабуна» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3988.

⁵ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁶ СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁷ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

пользования этим имуществом, что связано с защитой его личных (естественных) прав. В научной доктрине широко анализируется исключение из конкурсной массы имущества должника как социально ориентированный механизм, нацеленный прежде всего на защиту неимущественных прав должника⁸.

К настоящему времени в судебной практике сформированы следующие подходы, подтверждающие социальную значимость механизма исключения имущества из конкурсной массы.

1. Не подлежит включению в конкурсную массу земельный участок, предоставленный должнику в качестве социальной поддержки многодетной семьи, т.к. его продажа приведет к нарушению прав несовершеннолетних детей должника на достойные условия жизни⁹. Земельный участок, предоставленный гражданину-должнику в качестве меры социальной поддержки как ветерану боевых действий, также не подлежит включению в конкурсную массу. Такой вывод судов основан на том, что бесплатное предоставление должнику земельного участка вместо денежной выплаты представляет собой составляющую социальной поддержки граждан, являвшихся получателями натуральных льгот и гарантий.

Предоставление земельного участка в рассмотренных случаях — это особый вид социальных гарантий, обеспечивающих личные неимущественные права граждан на достойные условия жизни, выраженные в удобстве быта, благоприятной окружающей среде. Однако в судебной практике имеет место и подход, согласно которому земельный участок, предоставленный в указанных случаях, не обладает

исполнительским иммунитетом, если на нем не расположено единственное пригодное для постоянного проживания жилье¹⁰. Это означает, что защита имущественных прав должника и членов его семьи — права собственности на землю, жилую недвижимость — сопряжена с защитой их личных неимущественных прав на достойную жизнь, права на жилище, но в пределах сложившихся условий и ограничений владения соответствующими объектами для удовлетворения жизненных потребностей.

2. Суды при рассмотрении дел о банкротстве граждан учитывают также источники получения денежных средств, используемых для приобретения объектов имущественных прав. Имеются примеры дел, в рамках которых, исходя из целевого характера денежных средств, за счет которых приобретено имущество, суды исключили из конкурсной массы жилье, приобретенное на основании пособия (сертификата) специального целевого назначения, доля которого находится в собственности супруги должника. Такое имущество не соответствует правовому режиму совместной собственности в силу ст. 34 Семейного кодекса РФ, т.к. приобретается на основании пособия (сертификата), имеющего специальное целевое назначение — на предоставление адресной социальной помощи многодетным семьям¹¹.

3. В судебной практике получил развитие подход к удовлетворению заявления должника об исключении из конкурсной массы денежных средств, полученных в рамках СВО¹². Он основан на применении мер регулирования социальной поддержки военнослужащих и членов их семей и требований законодательства об исполнитель-

⁸ См.: Фролов И. В. Базовый фактор, формирующий специализированный правовой институт несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права // Вестник арбитражной практики. 2019. № 5. С. 3–15; Глинка В. И. К вопросу о защите прав гражданина-должника в исполнительном производстве // Исполнительное право. 2014. № 1. С. 37–39.

⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.12.2022 по делу № А08-7912/2020 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «Консультант-Плюс»).

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.12.2022 по делу № А50-3446/2021.

¹¹ Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2022 по делу № А84-5750/2021.

¹² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.07.2023 по делу № А45-6850/2022.

ном производстве, в части регламентации доходов, на которые не может быть обращено взыскание (п. 6, 21 ч. 1 ст. 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об исполнительном производстве»)¹³. Выплата денежных средств в связи с участием в боевых действиях имеет целевой характер: связана с особыми условиями службы (повышенный риск получения инвалидности, гибели).

Приведенные примеры свидетельствуют о повышенной защите личных неимущественных прав должника и членов его семьи (и имущественных — как сопутствующих!), основанной на внимании судов к социально ориентированному законодательству. Широкое толкование судами п. 3 ст. 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ отражает остроту вопросов исключения из конкурсной массы имущества, приобретаемого должником на целевые средства, выделяемые государством в качестве мер социальной поддержки граждан и их семей. Суды учитывают цели законодательного регулирования общественных отношений: защиту прав несовершеннолетних детей; поддержку многодетных семей, направленную на решение демографической проблемы; военнослужащих, в связи с чем оправданно подобное применение законодательства в делах о банкротстве граждан как формирующее повышенные гарантии защиты имущественных и связанных с ними личных неимущественных прав должника.

Помимо этого, применяется подход, согласно которому страховая пенсия по старости рассматривается как доход должника, на который может быть обращено взыскание, и подлежит включению в конкурсную массу за вычетом суммы прожиточного минимума¹⁴. Однако в судебной практике по данному вопросу встречаются противоречивые позиции¹⁵. Правовое регулирование подразумевает необходимость включения в конкурсную массу пенсии долж-

ника, который вправе обратиться к суду с ходатайством об исключении суммы доходов сверх прожиточного минимума, аргументируя обращение необходимостью защиты его имущественных и личных неимущественных прав на достойные условия жизни. Исключение всей суммы пенсии из конкурсной массы должника законодательством не предусмотрено.

Представляет интерес сложившаяся практика, согласно которой заявление об исключении из конкурсной массы денежных средств на оплату коммунальных услуг не подлежит удовлетворению, т.к. эти услуги представляют собой вид непроизводственных услуг (хотя и необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, т.е. для защиты его прав на здоровье, на достойную жизнь), при этом соответствующие расходы учтены в величине прожиточного минимума. Аналогичный подход сформирован судами в отношении расходов по найму жилья, оплата которых должником должна производиться за счет средств прожиточного минимума, если не доказана их недостаточность в силу объективных обстоятельств¹⁶. Суды ссылаются на отсутствие доказательств невозможности проживания гражданина в жилом помещении по месту регистрации, доказательств регистрации по месту временного пребывания в заявленном городе, в связи с чем сделать вывод о преимущественном или постоянном проживании должника в этом месте не представляется возможным. Судами усматривается сомнительность необходимости найма жилья должником, устанавливаются взятие должником на себя неисполнимого обязательства в виде оплаты найма жилого помещения и даже наличие признаков мнимости соответствующего договора.

Заслуживает внимания уточнение вопроса об исключении денежных средств из конкурсной массы в контексте соотношения объема денежных средств с правовым режимом про-

¹³ СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

¹⁴ См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.12.2021 № 309-ЭС21-8570.

¹⁵ По анализу материалов апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16.07.2020 № АПЛ20-162.

¹⁶ Определения Верховного Суда РФ от 27.06.2018 № 308-ЭС18-8361, от 22.03.2021 № 307-ЭС21-1527.

житочного минимума. В судебной практике сложился подход, согласно которому осуществление должником трудовой деятельности в ином регионе, отличном от места жительства, само по себе не свидетельствует о необходимости определения величины прожиточного минимума по месту трудоустройства должника и исключения денежных средств из конкурсной массы в указанном размере. В то же время в ряде случаев судами при подтверждении факта преимущественного проживания должника по месту работы допускается исключение из конкурсной массы доходов в размере прожиточного минимума в указанном регионе¹⁷.

С учетом выводов Конституционного Суда РФ¹⁸, несмотря на то, что ситуация банкротства является следствием действий (бездействия) самого гражданина, соблюдение неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования гражданина-должника и членов его семьи, должно быть неукоснительным, отвечая тенденции защиты и гарантированности его личных неимущественных прав. С учетом разного размера прожиточного минимума в субъектах РФ и того, что механизм обеспечения должника и членов его семьи денежными средствами в размере прожиточного минимума направлен на сохранение необходимого уровня их жизни в период процедуры банкротства, представляется верным исходить из того, что должник имеет право на исключение из конкурсной массы денежных средств в размере, установленном в регионе его фактического проживания.

Суды допускают отказ в исключении из конкурсной массы транспортного средства, необходимого по заявлению должника ему как инвалиду либо необходимого для перевозки члена семьи — инвалида (родителя, несовершенно-

летнего ребенка и т.п.) лишь на том основании, что должником не представлено доказательств внесения спорного автомобиля в федеральную государственную информационную систему, заключения врача о нуждаемости гражданина в транспорте¹⁹. Суды отклоняют доводы должника о нуждаемости в автомобиле для осуществления трудовой деятельности или для нужд семьи (оказание услуг такси и пр.), что связано с трактовкой судами содержания права на труд²⁰.

Верховный Суд РФ разъяснил критерии, которые должны быть ориентиром при оценке нуждаемости должника в транспортном средстве. В определении от 25.12.2023 № 306-ЭС23-17596 он указал, что факт нуждаемости должника в имуществе должен определяться с учетом обстоятельств конкретного дела. В их числе названы удаленность места жительства семьи должника от остановок и маршрутов движения общественного транспорта, состояние здоровья должника в случае использования автомобиля, являющегося единственным транспортным средством передвижения в многодетной семье. При таких обстоятельствах лишение семьи транспортного средства приведет к нарушению личных неимущественных прав несовершеннолетних детей на передвижение, получение образования.

Сложившаяся судебная практика свидетельствует о неоднозначных подходах к разрешению целого ряда вопросов, требующих дополнительного регулирования либо толкования, разъяснения законодательства о банкротстве. Основной задачей, поставленной перед судами при разрешении вопросов нуждаемости должника и членов его семьи в имуществе, на которое претендуют кредиторы для обеспечения исполнения обязательств должника перед ними, является соблюдение справедливого ба-

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.05.2023 по делу № А22-2728/2021.

¹⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П ; определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1325-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Викентьевой Татьяны Трофимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 68, 98 и 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве»».

¹⁹ См.: постановления Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2023 по делу № А40-69432/2022, от 02.10.2023 по делу № А41-80854/22.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.01.2023 по делу № А40-248233/2021.

ланса интересов указанных лиц. Однако понятие «справедливый баланс интересов» является дискуссионным, а для судов — всегда оценочным, в значительной степени основанным на судебном усмотрении. В условиях, когда провозглашенные законодательством о банкротстве интересы кредиторов (удовлетворение своих требований) и гражданина-должника (социальная реабилитация) находятся в конкуренции, создание равных правовых возможностей для противоборствующих сторон в обеспечение защиты их интересов является сложной задачей.

Исчерпывающая законодательная регламентация всех возможных видов имущества, подлежащего исключению из конкурсной массы, не приемлема, поскольку создает угрозу не-

оправданных ограничений для применения механизма защиты имущественных и личных неимущественных прав должника. Тем не менее практика применения законодательства о банкротстве свидетельствует о недостаточности регламентации оснований и условий исключения имущества должника из конкурсной массы как жизненно необходимого для защиты прав должника и членов семьи. В отсутствие ясной регламентации обозначенных вопросов суды исходят из таких критериев, как разумность, справедливость, добросовестность, т.е. категорий оценочных, определяющих содержание института потребительского банкротства в согласованности с социокультурными ценностями, нравственным сознанием и поведением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Глинка В. И. К вопросу о защите прав гражданина-должника в исполнительном производстве // Исполнительное право. — 2014. — № 1. — С. 37–39.
2. Козлитина М. Г. Права человека и гражданина как социально-юридический феномен: плюрализм концептуального осмысления // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2010. — № 3. — С. 97–101.
3. Пешкова Х. В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства. — М.: Инфра-М, 2019. — 315 с.
4. Фальшина Н. А. Понятие и генезис концепции естественных прав человека // Философия права. — 2015. — № 6. — С. 59–62.
5. Фролов И. В. Базовый фактор, формирующий специализированный правовой институт несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права // Вестник арбитражной практики. — 2019. — № 5. — С. 3–15.
6. Шагиева Р. В. Актуальные проблемы права. — М.: Инфра-М : Норма, 2014. — 191 с.

Материал поступил в редакцию 3 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Glinka V. I. K voprosu o zashchite prav grazhdanina-dolzhnika v ispolnitelnom proizvodstve // Ispolnitelnoe pravo. — 2014. — № 1. — S. 37–39.
2. Kozlitina M. G. Prava cheloveka i grazhdanina kak sotsialno-yuridicheskiy fenomen: plyuralizm kontseptualnogo osmysleniya // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). — 2010. — № 3. — S. 97–101.
3. Peshkova Kh. V. Teoretiko-pravovye osnovy byudzhetnogo ustroystva gosudarstva. — M.: Infra-M, 2019. — 315 s.
4. Falshina N. A. Ponyatie i genezis kontseptsii estestvennykh prav cheloveka // Filosofiya prava. — 2015. — № 6. — S. 59–62.
5. Frolov I. V. Bazovyy faktor, formiruyushchiy spetsializirovanny pravovoy institut nesostoyatelnosti (bankrotstva) grazhdanina v sisteme rossiyskogo prava // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2019. — № 5. — S. 3–15.
6. Shagieva R. V. Aktualnye problemy prava. — M.: Infra-M: Norma, 2014. — 191 s.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.061-067

Е. С. Гринь*

Онлайн-курсы как разновидность сложных объектов интеллектуальных прав

Аннотация. Онлайн-курсы в последнее время все чаще стали создаваться и использоваться в различных областях знаний. Благодаря распространению онлайн-обучения появилось больше возможностей для развития. Вместе с тем большое количество созданных авторских курсов начинают копировать и без согласия авторов правообладателей распространять в сети «Интернет». В статье автор рассматривает правовую природу онлайн-курсов, вопросы судебной практики, приводит примеры, когда онлайн-курсы могут быть признаны сложными объектами интеллектуальных прав. В статье 1240 ГК РФ содержится ограниченный перечень сложных объектов, однако онлайн-курсы могут быть отнесены к мультимедийным продуктам, базам данных или аудиовизуальным произведениям с учетом имеющихся признаков таких объектов. Автор также рассматривает наиболее частые случаи нарушения прав авторов и правообладателей на онлайн-курсы и приводит анализ судебной практики.

Ключевые слова: сложные объекты; интеллектуальные права; онлайн-курсы; фотографические произведения; сеть «Интернет»; личные неимущественные права; блог; видеотуры; рилс; мультимедийные продукты; массовые онлайн-курсы; служебные произведения.

Для цитирования: Гринь Е. С. Онлайн-курсы как разновидность сложных объектов интеллектуальных прав // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 61–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.061-067.

Online Courses as Complex Objects of Intellectual Rights

Elena S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Intellectual Rights,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
helenkotenko@yandex.ru

Abstract. Online courses have recently been increasingly created and used in various fields of knowledge. Due to the spread of online learning, there are more opportunities for development. At the same time, a large number of author's courses created are beginning to be copied and distributed on the Internet without the consent of the authors and copyright holders. In the paper, the author examines the legal nature of online courses, issues of judicial practice, and gives examples when online courses can be recognized as complex objects of intellectual

---

© Е. С. Гринь, 2024

* Гринь Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
helenkotenko@yandex.ru

property rights. Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation contains a limited list of complex objects, but online courses can be classified as multimedia products, databases or audiovisual works, taking into account the existing features of such objects. The author also examines the most frequent cases of violation of the rights of authors and copyright holders to online courses and provides an analysis of judicial practice.

Keywords: complex objects; intellectual property rights; online courses; photographic works; the Internet; personal non-property rights; blog; video tours; reels; multimedia products; mass online courses; office works.

Cite as: Grin ES. Online Courses as Complex Objects of Intellectual Rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):61-67. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.061-067

С развитием дистанционного обучения создается большое количество обучающих онлайн-курсов в сети «Интернет». Рост в их создании объясняется большим запросом в обучении и получении оперативной информации, в том числе достаточной даже для приобретения новых навыков, повышения квалификации, а иногда и получения новой профессии. При создании таких информационных или обучающих продуктов используются различные результаты интеллектуальной деятельности: тексты, видеолекции (аудиовизуальные произведения), интерактивные карты, фотографические произведения, произведения искусства, программы для ЭВМ, базы данных и др. И в настоящий момент правовая природа онлайн-курсов на законодательном уровне не определена. Вместе с тем в правоприменительной практике возникают вопросы правовой охраны данных курсов, прежде всего из-за копирования их содержания, методик, названий, товарных знаков и т.д. С другой стороны, с точки зрения защиты прав потребителей и качества предоставляемых услуг возникают также вопросы о методическом содержании, требованиям к онлайн-курсам. В настоящей статье рассматриваются вопросы, которые относятся прежде всего к правовой природе онлайн-курсов как результатов интеллектуальной деятельности.

В правоприменительной практике возникают споры относительно авторства, переработки произведений при создании образовательных онлайн-курсов, а также материалов, которые

используются в них. В результате работы над созданием онлайн-курса, как правило, используются объекты авторских прав, а также средства индивидуализации, например товарные знаки. И наиболее частым нарушением прав авторов и правообладателей онлайн-курсов является копирование или использование без согласования их содержания курса, которое может включать тексты, видеоматериалы, тесты, гайды и чек-листы (как правило, это текст и фотоматериалы), названия, товарные знаки и др. И прежде всего необходимо определить, как следует квалифицировать такой объект, как онлайн-курс, с точки зрения закона для корректной правовой охраны его авторов / правообладателей.

В постановлении Правительства РФ от 11.10.2023 № 1678, посвященном осуществлению дистанционного обучения, онлайн-курс определяется как учебный курс, который реализуется с помощью применения исключительно электронного обучения, а также дистанционных образовательных технологий, размещаемых на официальных сайтах образовательных организаций и образовательных платформах, доступ к которым предоставляется через сеть «Интернет»; он должен быть направлен на обеспечение достижения обучающимися определенных результатов обучения¹. В свою очередь под цифровым образовательным контентом понимаются материалы и средства обучения, воспитания, представленные в цифровом виде, включая информационные ресурсы, а также средства, способствующие определению уровня знаний,

¹ См.: постановление Правительства РФ от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

умений, навыков, компетенции и достижений обучающихся.

Соответственно, онлайн-курс представляет собой такой же учебный курс, как и иные традиционные образовательные программы, только он создается с помощью дистанционных технологий и доступ к нему возможен лишь в рамках электронного обучения. Вместе с тем его легального определения как результата творческой деятельности в законе не содержится.

В статье 1259 ГК РФ перечень объектов авторских прав открытый, поэтому онлайн-курсы можно рассмотреть, как традиционный объект (например, составное произведение, литературное произведение и т.д.), который уже определен в законе, если он соответствует критериям охраноспособности для объектов авторских прав: творческому характеру труда созданного произведения и объективной форме. Специальной регистрации для возникновения правовой охраны не требуется. В судебной практике есть разные подходы к определению правовой природы онлайн-курсов, и квалифицируют их либо как объект авторских прав, либо как аудиовизуальное произведение. Рассмотрим данные подходы².

Как уже было указано, онлайн-курс включает в себя различные результаты, как охраняемые по закону, так и не охраняемые. С одной стороны, рассматриваемый объект может быть квалифицирован как составное произведение (п. 2 ст. 1260 ГК РФ), т.е. как база данных либо интернет-сайт. Таким образом, автором или правообладателем онлайн-курса будет считаться составитель, который осуществил подбор или расположение материалов, либо продюсер курса. Онлайн-курсы можно квалифицировать в качестве базы данных (именно как составного произведения), определяемой по закону как совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов),

которые расположены и собраны с помощью программы для ЭВМ и могут быть найдены и обработаны. В данном случае авторские права возникают не на те материалы, которые входят в составное произведение, а на порядок их расположения внутри этого произведения.

Вместе с тем следует отметить, что процесс создания не всех онлайн-курсов может представлять собой исключительно составительство, т.е. подбор различных результатов творческого труда. Автор курса может самостоятельно разрабатывать материалы, уроки, проверять домашние задания учеников (онлайн), т.е. сам создавать различные результаты творческого труда и объединять их в одно произведение. Здесь речь может идти о создании самостоятельного творческого объекта, который не перечислен в ст. 1259 ГК РФ. В данном случае автор не просто объединяет различные объекты, но также и создает их. Таким образом, автор онлайн-курса выступает в роли автора и организатора создания единого произведения (сложного объекта). Коль скоро в создании рассматриваемого объекта часто принимают участие и иные лица, помимо его автора, например приглашенные эксперты-лекторы, фотографы и видеографы (операторы), дизайнеры, методологи, копирайтеры, продюсер, технические специалисты и т.д., при его квалификации речь может идти также о создании сложного объекта, ведь все названные лица на определенных этапах создают различные результаты интеллектуальной деятельности и при их объединении образуется единый объект, который состоит из различных результатов интеллектуальной деятельности. Как правило, права на созданные результаты они передают автору курса либо продюсеру (это может быть как сам автор курса, так и иное лицо, которое организует процесс его создания).

В правоприменительной практике онлайн-курсы, а также вебинары (отдельные онлайн-лекции) рассматривают в том числе как аудио-

---

² См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2023 № 09АП-59992/2023 по делу № А40-78541/2023.

³ См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.02.2023 № 09АП-53984/2022 по делу № А40-57270/2022 ; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2023 по делу № 8Г-6666/2023, 88-11951/2023.

визуальные произведения³, и при анализе содержания курсов и выявлении нарушений (в случае копирования содержания) сравнивают сходство предмета речи и композиционное сходство отдельных элементов, различия в представляемой информации и форме ее представления. Так, в одном из дел суд установил, что онлайн-курс «Про земли. Стань землевладельцем» является производным аудиовизуальным произведением курса «Земельный вопрос» и его элементы обладают разной степенью заимствования и творческого преобразования исходного произведения. Было выявлено нарушение прав автора курса «Земельный вопрос» еще и потому, что разная степень заимствования и творческого преобразования исходного произведения не делает такую переработку правомерной в отсутствие согласия автора изначального произведения. Более того, авторы обоих курсов пользовались одинаковой изначальной информацией, в частности законодательством в сфере землепользования, что и обуславливает значительное сходство произведений, и в ходе сравнительно-сопоставительного анализа на видеозаписях были выявлены текстовые и содержательные совпадения, не обусловленные какими-либо внешними обстоятельствами и связанные с заимствованием элементов одного произведения в другом.

Еще в одном судебном споре суд указал, что онлайн-продукт (курс, интенсив, марафон) включает в себя авторские тексты, графические материалы, аудио- и видеоматериалы и автором оказываются информационно-консультационные услуги заказчикам путем организации и проведения соответствующего курса. Согласно оферте, которая заключалась с учениками, онлайн-курс определялся как занятия, организуемые и проводимые истцом в режиме реального времени в месте, определяемом истцом, путем предоставления заказчику доступа к информа-

ции в форме текстовых, графических, аудио- и видеоматериалов, размещенных на сайте истца, проведения вебинаров и консультаций (интенсив «Скажи жизни “Да!” Восстановление энергетической связи с родителями (ВЭСР)»⁴). В данном деле были незаконно использованы товарные знаки, а также без согласия автора через социальную сеть «ВКонтакте» распространялись курсы. Это часто встречающееся нарушение прав авторов онлайн-курсов.

В приведенных примерах онлайн-курс рассматривается как состоящий из аудиовизуальных произведений объект, который включает изображение, видеозапись, дизайн, структуру, тексты, графические материалы и прочие элементы, содержащиеся в видеолекциях⁵.

Вместе с тем следует отметить, что сама методика обучения в онлайн-курсах не охраняется, поскольку согласно п. 5 ст. 1259 ГК РФ не охраняются авторским правом идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия. Аналогичного подхода придерживается и ВС РФ. Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств⁶. Поэтому при определении правовой природы онлайн-курса речь прежде всего идет о результатах интеллектуальной деятельности, которые вошли в состав данного объекта.

Если же рассматривать онлайн-курс как сложный объект, например как базу данных или аудиовизуальное произведение, необходимо, чтобы такой объект соответствовал признакам, которые выработаны для сложных объектов интеллектуальных прав. Согласно ст. 1240 ГК РФ к сложным объектам интеллектуальных прав относится ограниченное число объектов: аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты, театрально-зрелищные представле-

⁴ См.: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/P5VI63s4kNbx/?ysclid=itygq72m86126930852> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ См.: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2021 № 15АП-22053/2021 по делу № А32-19589/2021.

⁶ См.: п. 80 постановления Пленума от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

ния и базы данных. В законе нет четких признаков сложных объектов, но они вырабатываются в доктрине⁷ и судебной практике. Например, даже совокупность фотографий (в частности, видеотур, сделанный в жанре таймлапс), созданных с единым творческим замыслом для совместного использования, сопровождающихся единым звуковым рядом и объединенных под одним названием, может быть признана одним сложным объектом (аудиовизуальным произведением или мультимедийным продуктом)⁸. Согласно подходу, выработанному в судебной практике, режимом сложных объектов охватываются результаты, которые созданы для совместного использования в составе такого объекта⁹. Главными признаками, определяющими сложный объект, будут признак сложной структуры и множественности объектов, которые вместе образуют единое и неразрывное произведение. Вместе с тем следует отметить, что наличие только этих двух признаков не всегда позволяет определить правовую природу сложных объектов: создаются новые объекты, которые могут содержать и большее количество признаков, свидетельствующих о том, что данные объекты по своей природе являются сложными, однако не совпадающих с теми, которые уже выработаны существующей судебной практикой.

При квалификации онлайн-курсов как сложных объектов следует обратить внимание прежде всего на сложный состав и структуру результатов, которые входят в состав курса. Поскольку при создании онлайн-курсов могут быть использованы и ранее опубликованные произведения (например, книги, которые используются в создании методик или по которым создается

курс), при квалификации онлайн-курса как сложного объекта, на наш взгляд, необходимо анализировать такой продукт с учетом наличия либо отсутствия указанных выше признаков. Ведь если результат представляет собой подборку материалов (например, гайд или чек-лист), то даже при наличии ссылок на видео или фото он не может быть признан сложным объектом интеллектуальных прав, а будет квалифицироваться как составное произведение — база данных.

Важность правовой оценки признаков сложных объектов в онлайн-курсах свидетельствует и о том, что база данных может быть квалифицирована и как составное произведение (ст. 1260 ГК РФ), и как сложный объект (ст. 1240 ГК РФ). При наличии такой двоякой правовой природы, по выражению В. А. Дозорцева, «висящей между двумя стульями»¹⁰, возникает сложность в разграничении правового режима рассматриваемого объекта и в оценке в том числе тех результатов, которые были созданы в процессе работы над курсом или иным онлайн-продуктом. В данном случае необходимо руководствоваться также и тем, что авторским правом охраняется форма, а не содержание. По смыслу ст. 1240 ГК РФ в сложных объектах одним правовым режимом охватывается то, что создано для совместного использования в составе такого объекта¹¹. Если рассматривать онлайн-курс как сложный объект, то необходимо проанализировать его на соответствие признакам сложных объектов интеллектуальных прав.

Помимо этого, при определении правового режима онлайн-курса авторы и правообладатели часто перерабатывают уже созданные курсы, материалы, книги и создают производные про-

---

⁷ См.: Котенко Е. С. Виртуальность как признак мультимедийного продукта: методологический анализ // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3 (20). С. 138–147.

⁸ См.: протокол № 30 Заседания НКС Суда по интеллектуальным правам // URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/protocol-30?ysclid=ltzx6dmtdf788647309> (дата обращения: 20.03.2024).

⁹ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.08.2022 № C01-1109/2022 по делу № A12-10588/2021.

¹⁰ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / Исслед. центр частного права. М. : Статут, 2005. С. 136.

¹¹ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.08.2022 № C01-1109/2022 по делу № A12-10588/2021.

изведения — производные онлайн-курсы. Под переработкой произведения понимается перевод произведения или создание иного производного произведения (пп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). В судебной практике отмечается, что авторско-правовой охране подлежат такие произведения, которые могут быть достигнуты параллельно лицами, работающими независимо друг от друга¹². На практике при создании курса некоторые лица неправомерно используют не весь оригинальный курс, а его часть, например презентации, часть образовательной программы. Дизайн может отличаться, но сфера обучения идентичная, и примеры домашних заданий для учеников аналогичные. В указанном примере судом рассматривался спор между автором курса и лицом, которое незаконно переработало часть произведения. Суд отметил, что слайды со спорным решением задачи не обладают признаками самостоятельного произведения и согласно положениям п. 7 ст. 1259 ГК РФ авторские права на такую часть произведения не распространяются¹³.

Суд по интеллектуальным правам отмечает, что при создании производного произведения принципиальное значение имеет его сходство с первоначальным (исходным) произведением. Следовательно, суд должен установить, что одно произведение создано на основе другого. Похожее произведение может быть создано при использовании авторами одной и той же исходной информации, что не является нарушением прав автора более раннего произведения. В данном случае оба произведения являются творчески самостоятельными объектами авторского права¹⁴. Как отмечается в абз. 4 и 5 п. 88 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», право автора производного произведения возникает в силу факта создания такого произведения, и использование производного

произведения, созданного с нарушением прав правообладателей использованных произведений, является нарушением прав последних. Использование переработанного произведения без согласия правообладателя онлайн-курса на такую переработку само по себе образует нарушение исключительного права на него независимо от того, является ли лицо, использующее переработанное произведение, лицом, осуществившим переработку (п. 91). Соответственно, если лица перерабатывают онлайн-курс, они не нарушают чужое право, но если они сами используют производное произведение, созданное без согласия правообладателя исходного произведения, то нарушают исключительное право на исходное произведение.

Переработка часто используется при создании онлайн-курсов, поэтому основные споры между авторами / правообладателями и нарушителями возникают из-за заимствований, которые не обладают признаками переработки произведений.

Онлайн-курсы создаются также в вузах и могут обладать правовой охраной как служебные произведения (ст. 1295 ГК РФ). Чаще всего такие примеры характерны для курсов, создаваемых в вузах, научных центрах, в случаях, когда научные сотрудники, преподаватели создают курсы в рамках трудовых договоров. И вуз уже может без согласования с работником вносить изменения в данные онлайн-курсы, если иное не предусмотрено по договору.

В зарубежных странах вопросы правового регулирования онлайн-курсов рассматриваются также применительно к массовым открытым онлайн-курсам (MOOC, Massive Open Online Courses), которые начали активно создавать в 2001 г. Эта система предполагает наличие в открытом доступе большого количества онлайн-курсов, которые часто используются и в вузах. В практике США правовое регулирование онлайн-курсов рассматривается с точки зре-

¹² См., например: решение Московского городского суда от 05.05.2017 по делу № 3-139/2017.

¹³ См. подробнее по теме: *Гринь Е. С.* К вопросу об основных категориях стандартизации процедур распределения интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5. С. 70–73.

¹⁴ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.02.2024 № C01-2722/2023 по делу № А40-52953/2023.

ния правил свободного использования произведений в образовательной деятельности, и любое использование различных творческих результатов в таких курсах должно быть с согласия автора / правообладателя либо с применением доктрины fair use (§ 107 Закона об авторском праве США)¹⁵. Онлайн-курсы и их содержание рекомендуется регистрировать в Copyright Office для правовой охраны, и курс регистрируется как единое произведение (как и любое иное произведение, которое охраняется по закону, по аналогии с составным произведением (creative work)). В целях охраны содержания курсов от копирования предлагается предусматривать в договорах с учениками соответствующего курса отдельные условия об ответственности в случае плагиата либо

нарушения интеллектуальных прав автора / правообладателя. В Германии, как отмечается в юридической литературе, напротив, онлайн-курсы не подпадают под правила свободного использования, которые применяются только к произведениям, созданным в письменной форме¹⁶. С учетом проанализированной судебной практики и зарубежного опыта можно сделать вывод о том, что при определении правовой природы рассматриваемых объектов, необходимо проанализировать их содержание на предмет множественности объектов (состава и структуры), субъектов, которые принимали участие в их создании, поскольку они могут рассматриваться и как составное произведение, и как база данных либо аудиовизуальное произведение (сложный объект).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волкова А. А. Свободное использование музыкальных произведений в праве России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 2. — С. 141–171.
2. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / Исслед. центр частного права. — М. : Статут, 2005.

Материал поступил в редакцию 25 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volkova A. A. Svobodnoe ispolzovanie muzykalnykh proizvedeniy v prave Rossii i Germanii // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 2. — S. 141–171.
2. Dozortsev V. A. Intellektualnye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii: sbornik statey / Issled. tsentr chastnogo prava. — M.: Statut, 2005.

---

¹⁵ См.: Copyright Best Practices for Online Courses // URL: https://techsupport.aces.illinois.edu/sites/techsupport.aces.illinois.edu/files/images/Copyright%20Best%20Practices%20for%20Online%20Courses_handout.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁶ См.: Волкова А. А. Свободное использование музыкальных произведений в праве России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 141–171.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.068-081

А. И. Минакова*

Правовая охрана фирменного стиля: российский и зарубежный опыт

Аннотация. В работе рассматриваются понятие и сущность фирменного стиля как правового явления. Анализируются зарубежные подходы к правовой охране фирменного стиля. Делается вывод о близости российского института фирменного стиля к европейскому, который предполагает предоставление правовой охраны фирменному стилю либо в качестве объекта интеллектуальной собственности, либо в рамках конкурентного права. В сфере недобросовестной конкуренции фирменный стиль является квазиобъектом правовой охраны, субъективное право на который не возникает, что предопределяет сложности обеспечения защиты частного интереса. Исследуются проблемные аспекты установления нарушения законодательства о защите конкуренции, связанного с созданием смещения, а также доказывания связанных с ним убытков. Делается вывод о меньшей эффективности данного правового института по сравнению с традиционными правовыми режимами признанных объектов интеллектуальных прав, что объясняется направленностью законодательства о защите конкуренции на защиту публичного, а не частного интереса.

Ключевые слова: фирменный стиль; товарный знак; квазиобъект; недобросовестная конкуренция; конкурентные отношения; хозяйствующие субъекты-конкуренты; создание смещения; введение в заблуждение; имитация; копирование; возмещение убытков.

Для цитирования: Минакова А. И. Правовая охрана фирменного стиля: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 68–81. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.068-081.

Legal Protection of Corporate Identity: Russian and Foreign Experience

Alina I. Minakova, Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law, Faculty of Law, Novosibirsk State University of Economics and Management; Lawyer, ООО «Intelight,» Novosibirsk, Russian Federation
ms.khomenko.ai@gmail.com

Abstract. The paper examines the concept and essence of corporate identity as a legal phenomenon. The author analyzes foreign approaches to the legal protection of corporate identity. The conclusion is made about the

---

© Минакова А. И., 2024

* Минакова Алина Игоревна, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», юрист ООО «Интелайт»
Каменская ул., д. 56, г. Новосибирск, Россия, 630099
ms.khomenko.ai@gmail.com

proximity of the Russian institute of corporate identity to the European one, which involves providing legal protection to corporate identity either as an object of intellectual property or within the framework of competition law. In the field of unfair competition, corporate identity is a quasi-object of legal protection, the subjective right to which does not arise. This determines the complexity of ensuring the protection of a private interest. The author examines problematic aspects of establishing a violation of competition protection legislation related to the creation of a confusion, as well as proving losses associated with it. It is concluded that this legal institution is less effective than traditional legal regimes of recognized intellectual property rights, which can be explained by the focus of competition protection legislation on protecting public rather than private interests.

Keywords: corporate identity; trademark; quasi-object; unfair competition; competitive relations; business competing entities; creation of confusion; misleading; imitation; copying; compensation for losses.

Cite as: Minakova AI. Legal Protection of Corporate Identity: Russian and Foreign Experience. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):68-81. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.068-081

Введение

«Фирменный стиль» — это достаточно размытое понятие, вызывающее различные ассоциации в связи с неопределенностью его содержания. Отсутствие конкретного перечня элементов, которые могут составлять фирменный стиль, и отсюда невозможность разработки точного определения данного понятия на основе синтеза входящих в него элементов (что подтверждается, в частности, отсутствием легальной дефиниции) объясняются объективной причиной — неограниченным спектром элементов, которые могут быть использованы хозяйствующим субъектом в целях выделения своего предприятия и (или) продукции среди конкурентов и (или) аналогичных товаров. В фирменный стиль могут включаться различные характеристики продукции или предприятия, например колористическое решение, логотип, слоган, изображения, оформление интерьера, музыкальное сопровождение, расстановка (расположение) товара, дресс-код сотрудников, приветствие покупателей.

Обобщения путем определения фирменного стиля как совокупности входящих в него элементов также оказывается недостаточно, поскольку оно не отражает индивидуализирующей сущности фирменного стиля, которая заключается в том, что использование какого-либо внешнего оформления не является самоцелью, но направ-

лено на формирование ассоциативной связи между таким оформлением и конкретным хозяйствующим субъектом в глазах потребителей и конкурентов. Следовательно, для того чтобы дать точное (с точки зрения сущности) определение фирменного стиля, необходимо применение иных подходов, например системного и функционального в их взаимосвязи, т.е. рассмотрение объекта как с точки зрения целостной системы (совокупности взаимосвязанных элементов), так и с точки зрения функции, для выполнения которой объект создается и применяется.

В этой связи весьма точным представляется определение, данное А. В. Снопковой: фирменный стиль — это «совокупность охраняемых и неохраняемых элементов внешнего оформления компании и ее продукции... используемых бизнесом для индивидуализации, идентификации и дифференциации товаров, работ и услуг»¹. В похожей дефиниции, предложенной С. Ю. Филипповой и Ю. С. Харитоновой, также учитывается, что совокупность элементов внешнего оформления товаров способствует формированию единого восприятия продукции хозяйствующего субъекта, а также идентификации товаров, объединенных фирменным стилем, как исходящих от конкретного субъекта хозяйственной деятельности².

Таким образом, исходя из содержания и назначения фирменного стиля, его можно опре-

---

¹ Снопкова А. В. Фирменный стиль: средства и способы правовой защиты // Право цифровой экономики — 2022 (18) : ежегодник-антология / рук. и науч. ред. д-ра юрид. наук. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2022. С. 235.

² Цит. по: Червяков А. С. Как защитить свой бренд с помощью фирменного стиля // Право и бизнес. 2021. № 4.

делить как совокупность элементов, индивидуализирующих товары (работы, услуги) и (или) хозяйствующего субъекта (его предприятие) посредством особой внешней атрибутики. Как отмечает Т. Ю. Антропова, фирменный стиль имеет внутреннюю и внешнюю направленность³. С одной стороны, фирменный стиль выступает конвергирующим фактором, который помогает создать особую атмосферу единения внутри организации или сети, а с другой стороны, является инструментом формирования общей узнаваемой концепции на рынке.

Фирменный стиль как правовое явление был воспринят российской правовой системой из зарубежных правопорядков, в которых он называется по-разному — «trade dress», «get-up». По этой причине для того, чтобы разобраться в сущности фирменного стиля и в том, на чем основывается его правовая охрана, представляется правильным обратиться в первую очередь к зарубежным институтам фирменного стиля.

Правовая охрана фирменного стиля (trade dress) в США

В американском статутном праве определение фирменного стиля (trade dress) отсутствует. Из системного толкования Закона Лэнхема, который инкорпорирован в Кодекс США⁴, следует, что законодательное регулирование ограничивается только правовой объективацией trade dress, т.е. признанием фирменного стиля в качестве самостоятельного объекта прав (в терминологии закона (15 U.S.C. § 1125(a)(1)) фирменный

стиль относится к «символам» («symbol») или «изобразительным элементам» («device»))⁵, а также закреплением условий, в совокупности формирующих стандарт охраноспособности, которому должен соответствовать фирменный стиль, чтобы претендовать на правовую охрану в рамках данного правового режима (15 U.S.C. § 1125).

Для правовой системы США характерно, что большая часть правовых позиций формулируется в рамках прецедентных решений, которые позволяют установить в том числе содержание понятия «trade dress». Так, предлагаемые в судебных решениях дефиниции объединяет то, что trade dress определяется как «общий вид продукта, включающий такие черты, как размер, форма, цвет или комбинации цветов, текстура, графика и даже определенные техники (способы) продаж»⁶. Из данного определения следует, что режим trade dress не ограничивается исключительно продуктом и выходит за его пределы. Так, например, в качестве trade dress охраняются оформление и планировка розничных магазинов Apple⁷, которые получили правовую охрану также в качестве зарегистрированных товарных знаков (например, № US 4277913, № US 4277914).

Важно отметить, что trade dress рассматривается как вид товарных знаков, а именно как незарегистрированный товарный знак⁸, т.е. самостоятельный объект правовой охраны. Данный тезис подтверждается совокупностью факторов: структурой Кодекса США (нормы, регулирующие trade dress, включены в гл. 22 «Товарные знаки») и сущностью товарного знака, которая

³ Антропова Т. Ю. Внутренний PR — как сделать коллектив командой? // Руководитель бюджетной организации. 2021. № 12.

⁴ United States Code: Title 15, Chapter 22 «Trademarks» // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/chapter-22> (дата обращения: 07.10.2023).

⁵ Wal-Mart Stores, Inc. v. Samara Brothers, Inc., 529 U.S. 205 (2000) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/529/205/> (дата обращения: 07.10.2023).

⁶ См., например: Duraco Products, Inc. v. Joy Plastic Enterprises, Ltd., 40 F.3d 1431, 1439 (3d Cir. 1994) // URL: https://digitalcommons.law.villanova.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1657&context=thirdcircuit_1994 (дата обращения: 07.10.2023).

⁷ Farkas Th. Trademark protection for store designs. One trademark a day keeps Apple's competitors away // URL: <https://revistas.uexternado.edu.co/index.php/propin/article/view/3920/4353> (дата обращения: 07.10.2023).

⁸ Wal-Mart Stores, Inc. v. Samara Brothers, Inc., 529 U.S. 205 (2000).

определяется через его способность отличать товары одних производителей от продукции других (15 U.S.C. § 1052, 15 U.S.C. § 1127). Поскольку одним из условий охраноспособности фирменного стиля по правовому режиму *trade dress* является наличие различительной способности, *trade dress* охватывается понятием товарного знака.

Для того чтобы уяснить содержание *trade dress* как объекта правовой охраны, остановимся подробнее на условиях охраноспособности фирменного стиля. Одним из таких условий, как было отмечено выше, является наличие различительной способности, вторым — отсутствие функциональности⁹. Требование о наличии различительной способности *trade dress* напрямую в законе не закреплено, однако вытекает из его содержания по способу толкования *a contrario*. Так, в отсутствие различительной способности фирменный стиль не мог бы вызывать смешения относительно источника происхождения товара¹⁰, что является одним из оснований для подачи иска о нарушении прав на *trade dress* (15 U.S.C. § 1125(a)(1)(A)).

Внешний вид изделия может изначально обладать различительной способностью (*be inherently distinctive*) либо приобрести ее (*acquire a secondary meaning*) посредством интенсивного использования¹¹, в результате которого потребитель начинает ассоциировать *trade dress* с определенным источником происхождения, даже если такой источник неизвестен. В узком смысле (т.е. с точки зрения внешнего вида изделия) правовой режим фирменного стиля может применяться как к упаковке продукции, так и к дизайну самого продукта¹². При этом по общему правилу считается, что раз-

личительная способность имманентна внешнему виду изделия, воплощенному в упаковке товара, поскольку именно упаковка призвана выполнять идентифицирующую функцию: с ее помощью потребитель узнает товар и ассоциирует его с определенным источником происхождения. В то же время дизайн самого изделия охраняется как *trade dress* только в том случае, если установлено, что он приобрел различительную способность, так как в большинстве случаев внешний вид изделия не служит идентификации источника происхождения товара, но разрабатывается для того, чтобы усовершенствовать продукт с точки зрения его привлекательности для потребителя¹³.

Подход, согласно которому дизайн самого изделия по общему правилу не охраняется как *trade dress*, продиктован доктриной эстетической функциональности, которая состоит в том, что дизайн продукта может охраняться как товарный знак, в том числе *trade dress*, только в том случае, если он идентифицирует источник происхождения товара. Если дизайнерское решение направлено на выполнение иной, а именно эстетической функции, заключающейся в том, чтобы способствовать повышению привлекательности продукта в глазах потребителей, то такое решение не может охраняться как средство индивидуализации. Однако, как было указано выше, дизайн продукта все же может получить правовую охрану в рамках режима *trade dress*, если будет установлено, что он приобрел различительную способность, т.е. стал для потребителей указанием не столько на сам товар, сколько на определенного производителя¹⁴. Таким образом, доктрина эстетической функциональности направлена на то, чтобы от-

---

⁹ Wong M. M. Aesthetic Functionality Doctrine and the Law of Trade-Dress Protection // Cornell Law Review. 1998. Vol. 83. No. 4. P. 1131.

¹⁰ Wal-Mart Stores, Inc. v. Samara Brothers, Inc., 529 U.S. 205 (2000).

¹¹ Two Pesos, Inc. v. Taco Cabana, Inc., 505 U.S. 763 (1992) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/763/> (дата обращения: 19.08.2023).

¹² Fromer J. C., McKenna M. P. Claiming Design // University of Pennsylvania Law Review. 2018. Vol. 167. No. 1. P. 134.

¹³ Wal-Mart Stores, Inc. v. Samara Brothers, Inc., 529 U.S. 205 (2000).

¹⁴ Christian Louboutin S. A. v. Yves Saint Laurent America Inc., No. 11-3303 (2d Cir. 2012) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/11-3303/11-3303-2012-09-05.html> (дата обращения: 19.08.2023).

граничить режим товарных знаков, в том числе trade dress, от правовых режимов авторского права и промышленного образца¹⁵, что соответствует общей тенденции американского права по разграничению правовых режимов, применяемых к охране одних и тех же объектов.

Если наличие эстетической функциональности не препятствует правовой охране дизайна как trade dress (при условии, что идентифицирующая функция дизайна превалирует над эстетической, в результате чего дизайн приобретает различительную способность), то утилитарная функциональность дизайнерского решения исключает возможность его правовой охраны в качестве trade dress (15 U.S.C. § 1125(a)(3)). Согласно судебной практике, дизайн считается функциональным, если он «важен для использования или назначения изделия либо оказывает влияние на стоимость или качество изделия»¹⁶.

Таким образом, в американском праве trade dress признается самостоятельным объектом прав, что упрощает его правовую защиту, поскольку стандарт доказывания истца в данном случае минимален: ему нужно доказать лишь три юридических факта:

- 1) то, что дизайнерские решения истца и ответчика сходны до степени смешения;
- 2) то, что черты дизайна истца не носят функционального характера;
- 3) то, что дизайн истца либо изначально обладает различительной способностью, либо приобрел ее в результате использования¹⁷.

Правовая охрана фирменного стиля (trade dress, get-up) в Европейском Союзе и Великобритании

В Европейском Союзе фирменный стиль охраняется в рамках правового режима зарегистрированного товарного знака (в этом случае фирменный стиль не является самостоятельным объектом правовой охраны, как в американской правовой системе: охране подлежит зарегистрированный товарный знак, но не trade dress сам по себе) либо по законодательству о недобросовестной конкуренции¹⁸. В последнем случае trade dress также не является самостоятельным объектом правовой охраны, однако по другому основанию. Механизм защиты от недобросовестной конкуренции направлен на то, чтобы не допустить негативное влияние недобросовестных действий на конкуренцию и введение потребителей в заблуждение, т.е. имеет место защита не частного, а публичного интереса: объектом правовой охраны в данном случае выступает конкуренция (конкурентные отношения). Так как при восстановлении конкурентной среды защита частного интереса все же имеет место (хотя и опосредованно), trade dress можно рассматривать как квазиобъект прав.

Условиями охраноспособности фирменного стиля как товарного знака являются наличие различительной способности и отсутствие функциональности¹⁹ (так же как в американском праве). Антимонопольное законодательство Европейского Союза устанавливает запрет на любое введение продукта в оборот, которое создает

¹⁵ Wong M. M. Op. cit. P. 1161.

¹⁶ Traffix Devices, Inc. v. Marketing Displays, Inc., 532 U.S. 23 (2001) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/532/23/> (дата обращения: 19.08.2023).

¹⁷ Dippin' Dots, Inc., Plaintiff-appellant, v. Frosty Bites Distribution, LLC, Defendant-appellee, 369 F.3d 1197 (11th Cir. 2004) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/369/1197/532261/> (дата обращения: 19.08.2023).

¹⁸ Llewelyn G. I. D. Product shape and trade dress protection under trademark law in Europe // International intellectual property law and policy. 2001. Vol. 6. Chapter 24. P. 24-1.

¹⁹ Ст. 4(1)(b)–(e) Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks (recast) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32015L2436> (дата обращения: 26.08.2023) ; ст. 7(1)(b)–(e) Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trade mark (codification) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017R1001> (дата обращения: 26.08.2023).

смешение с товарами, товарными знаками, торговыми названиями и другими отличительными чертами субъекта-конкурента²⁰. Конкретные признаки недобросовестной конкуренции определяются на уровне национального законодательства стран — членов Европейского Союза, а также вырабатываются судебной практикой.

В этой связи представляется интересным опыт бывшего члена Европейского Союза — Великобритании. В делах о недобросовестной конкуренции (passing-off) истцу следует доказать наличие трех признаков данного деяния (classic trinity):

1) репутации (известности) товаров истца, которая проявляется в том, что адресная группа потребителей ассоциирует определенный фирменный стиль (get-up) с продукцией истца;

2) действительного или вероятного введения потребителей в заблуждение (совершенного ответчиком намеренно или случайно), в результате чего происходит смешение или создается опасность смешения товаров ответчика с продукцией истца;

3) действительного или возможного причинения вреда истцу действиями ответчика в результате введения потребителей в заблуждение²¹.

Правовая охрана фирменного стиля в России

Правовая природа фирменного стиля и условия его охраноспособности

В Российской Федерации воспринята европейская модель правовой охраны trade dress, согласно которой внешний вид продукта (фирменный стиль) может охраняться как объект интеллектуальной собственности (товарный

знак, промышленный образец, произведение дизайна) либо как квазиобъект в рамках законодательства о недобросовестной конкуренции.

По российскому законодательству на состояние конкуренции влияют действия хозяйствующих субъектов, вызывающие смешение товаров одного производителя с продукцией другого; такая ситуация приводит к получению необоснованных преимуществ недобросовестным субъектом в ущерб добросовестным участникам рынка и потребителям, что проявляется в оттоке покупателей, упущенной выгоде, утрате репутации, введении потребителей в заблуждение, следовательно, такие действия запрещены антимонопольным законодательством (п. 2 ст. 14.6 Федерального закона «О защите конкуренции»²²). Так, недопустимо копировать или имитировать внешний вид товара, который вводится в гражданский оборот хозяйствующим субъектом-конкурентом, упаковку данного товара, фирменный стиль в целом (в совокупности фирменную одежду, оформление торгового зала, витрины) и иные элементы, которые индивидуализируют хозяйствующего субъекта-конкурента и (или) его товар.

Таким образом, фирменный стиль должен обладать различительной способностью, что представляется логичным, поскольку при ее отсутствии смешение невозможно (если внешний вид изделия или его упаковка не идентифицируют соответствующий продукт в глазах потребителей, то использование похожего дизайнерского решения не может привести к смешению и введению потребителей в заблуждение, поскольку потребители не ассоциируют данный дизайн с конкретным производителем).

С различительной способностью связано еще одно требование, предъявляемое к фирменно-

---

²⁰ Ст. 6(2) Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No. 2006/2004 of the European Parliament and of the Council (Unfair Commercial Practices Directive) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32005L0029> (дата обращения: 26.08.2023).

²¹ Reckitt & Colman Products Ltd. v. Borden Inc // URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff85f60d03e7f57ebee7c> (дата обращения: 26.08.2023).

²² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 27.07.2006. № 162.

му стилю как квазиобъекту правовой охраны: он не должен быть функциональным²³, поскольку характеристики товара, связанные с задачами, для выполнения которых он приобретает, либо обусловленные общепринятыми шаблонами восприятия, присущи всем товарам определенного вида либо выполняют информационную функцию, следовательно, такие признаки изделия не способны идентифицировать товар (не обладают различительной способностью), вследствие чего не могут вызвать смешение. К примеру, Суд по интеллектуальным правам, соглашаясь с выводами судов нижестоящих инстанций, отметил, что упаковка колбасы, состоящая из вязки, клипс и представляющая собой форму батона, является традиционной для колбасных изделий²⁴, следовательно, ее использование не свидетельствует о недобросовестных действиях какого-либо хозяйствующего субъекта, поскольку она должна быть свободна для использования всеми производителями колбасной продукции.

Таким образом, условия охраноспособности по российскому законодательству совпадают с зарубежными подходами, что обусловлено объективным фактором — индивидуализирующей сущностью фирменного стиля. Однако между российским и зарубежными институтами trade dress больше различий, чем сходных черт, что будет показано ниже.

Установление правонарушения, связанного с созданием смешения в отношении фирменного стиля

Отличие российского института фирменного стиля от зарубежных прежде всего связано с более высоким стандартом доказывания состава правонарушения, предусмотренного пунктом 2 ст. 14.6 Федерального закона «О защите конкуренции». Так, к примеру, для признания дейст-

вий хозяйствующего субъекта актом недобросовестной конкуренции, заключающимся в имитации упаковки товара другого лица, подлежат установлению следующие обстоятельства:

- 1) факт широкого использования истцом упаковки товара, в отношении которой в последующем совершены действия по имитации;
- 2) получение товаром истца в этой упаковке известности среди потребителей;
- 3) известность ответчику факта использования истцом соответствующей упаковки до начала введения им в гражданский оборот товара в упаковке, в отношении которой выдвинуто предположение об имитации упаковки товара конкурента (истца);
- 4) наличие на момент введения ответчиком в гражданский оборот товара конкурентных отношений между ответчиком и истцом;
- 5) наличие вероятности смешения между товарами истца и ответчика;
- 6) наличие у ответчика умысла причинить вред истцу, вытеснить его с товарного рынка, нанести вред его деловой репутации;
- 7) причинение либо вероятность причинения истцу вреда путем введения в гражданский оборот товаров в упаковке, в отношении которой выдвинуто предположение об имитации²⁵.

Наличие столь объемного бремени доказывания и ряд иных обстоятельств не позволяют считать механизм антимонопольной защиты фирменного стиля в равной степени эффективным по сравнению с правовыми режимами, предусмотренными для признанных объектов интеллектуальной собственности и призванными стоять на страже прежде всего частных интересов правообладателей.

Как было отмечено выше, законодательство о защите конкуренции опосредует защиту публичных интересов государства по обеспечению конкурентного рынка; защита частного интереса

²³ П. 3 письма ФАС России от 30.06.2017 № АК/44651/17 «О практике доказывания нарушений, квалифицируемых в соответствии с пунктом 2 статьи 14.6 “О защите конкуренции”» (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

²⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.12.2021 № С01-2005/2021 по делу № А52-487/2021.

²⁵ См., например: решение Суда по интеллектуальным правам от 17.03.2023 по делу № СИП-53/2022.

осуществляется аксессуарно. Однако в некоторых случаях публичные и частные интересы в контексте защиты конкуренции могут даже расходиться.

В одном из дел, рассмотренных Федеральной антимонопольной службой (ФАС России)²⁶, заявитель обратился в антимонопольный орган с заявлением в отношении в том числе ООО «Т» и ООО «Е». По мнению заявителя, указанные лица вводили в гражданский оборот на территории Российской Федерации леденцы, дизайн которых был сходен до степени смешения с внешним видом леденцов, которые производит заявитель. Антимонопольный орган возбудил дело только в отношении ООО «Т», указав, что именно данный субъект является ответственным за утверждение дизайна упаковки леденцов, производимых по его заказу, тогда как ООО «Е» является только покупателем продукции по договору поставки, заключенному с ООО «Т».

Впрочем, такое решение представляется спорным, поскольку, как следует из материалов дела, ООО «Е» не является конечным потребителем продукции и тоже реализует леденцы посредством сайта. Иными словами, ООО «Е» выступает хозяйствующим субъектом — конкурентом заявителя и в отсутствие запрета может продолжать использование фирменного стиля заявителя на еще не реализованной продукции, приобретенной у ООО «Т», вызывая отток потребителей в свою пользу и вводя покупателей в заблуждение. Таким образом, защитить частный интерес не удастся. В то же время публичный интерес также оказывается в уязвимой позиции, поскольку состояние конкуренции не восстанавливается и дисбаланс сохраняется.

Сложности для защиты фирменного стиля могут возникнуть также в связи с установлением конкурентных отношений, которые возможны

только в пределах одного товарного рынка, имеющего продуктовые и географические границы, в каждом конкретном случае определяемые антимонопольным органом либо самим истцом (если нарушение антимонопольного законодательства не устанавливалось антимонопольным органом, бремя доказывания факта нарушения, в том числе проведение анализа рынка, возлагается на истца²⁷).

Если, например, хозяйствующий субъект использует дизайн упаковки духов, идентичный дизайнерскому решению, используемому иным субъектом предпринимательской деятельности в отношении упаковки краски для волос, то по российскому антимонопольному законодательству такое использование не будет считаться нарушением, поскольку субъекты оперируют на разных товарных рынках (товары не взаимозаменяемы, имеют разное назначение). Однако если представить, что упаковка духов обладает широкой известностью, то вероятность смешения возрастает, поскольку потребитель может допустить, несмотря на различие товаров («духи» — «краска для волос»), что краска для волос производится тем же производителем (при установлении возможности смешения в расчет принимается не только прямое отождествление товара одного производителя с продукцией другого изготовителя, но и допущение потребителя о том, что, несмотря на отдельные отличия, два товара могут производиться одним лицом; в данном случае главным фактором является наличие или отсутствие риска введения потребителя в заблуждение относительно производителя товара²⁸).

В этой связи представляется правильным согласиться с подходом, выработанным Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС)²⁹, согласно которому в случае

---

²⁶ Решение ФАС России от 28.12.2021 по делу № 08/01/14.6-92/2021.

²⁷ Абз. 4 п. 61 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 2).

²⁸ См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.07.2021 № С01-760/2021 по делу № А27-5932/2020.

²⁹ Типовые положения о защите от недобросовестной конкуренции. Статьи и примечания / Международное бюро ВОИС. Женева, 1997. С. 18.

широкой известности обозначения смешение может произойти не только в отношении однородных товаров и услуг, но и в отношении отличных позиций. В этом случае допустимо утверждать, что, применяя сходный дизайн, имитатор пытается увеличить свою долю рынка за счет ассоциативной связи, сложившейся у потребителей между известным обозначением (упаковкой) и товарами, для маркировки или в упаковке которых используется оригинальный дизайн, что *per se* считается проявлением недобросовестного поведения на рынке.

Как было отмечено выше, у продуктового рынка есть также географические границы, которые выступают своеобразным препятствием для обеспечения всеобъемлющей (в этом случае с точки зрения территории) защиты фирменного стиля. Товарный рынок может быть федеральным (если охватывает территорию всей страны), межрегиональным (включает в себя территорию нескольких субъектов Российской Федерации), региональным (ограничивается территорией одного субъекта Российской Федерации) и местным, или локальным (если находится в пределах муниципального образования)³⁰. Соответственно, если два хозяйствующих субъекта используют один и тот же дизайн в упаковке своего товара и каждый из них действует на территории своего локального рынка, то они не являются конкурентами. Такой подход представляется вполне оправданным с точки зрения конкуренции: субъекты предпринимательской деятельности не конкурируют друг с другом, не перераспределяют между собой долю рынка, поскольку оперируют на разных товарных рынках; риск введения потребителей в заблуждение при территориальных ограничениях отсутствует. Иными словами, негативного воздействия на состояние конкурентной среды не происходит.

В то же время с позиции защиты частного интереса добросовестного субъекта режим *trade*

dress оказывается бессильным, поскольку не обладает правовым механизмом воздействия на другого хозяйствующего субъекта, воспользовавшегося дизайном первого, если использование дизайнерского решения происходит на другом локальном рынке. В этой связи, несомненно, более «сильными» являются правовые режимы признанных объектов интеллектуальной собственности, прежде всего товарного знака и промышленного образца, обеспечивающие правовую охрану упаковки на всей территории Российской Федерации, независимо от того, пересекаются ли фактически правообладатель и нарушитель.

Наличие конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами предполагает осуществление указанными лицами фактической деятельности на одном товарном рынке. Так, в правоприменительной практике выработан подход, согласно которому наличие конкурентных отношений устанавливается исходя не из предполагаемой, а из фактически осуществляемой деятельности³¹. Таким образом, фирменный стиль должен фактически использоваться в обороте для того, чтобы подлежать защите. Данное требование качественно отличает режим *trade dress* от правовых режимов товарного знака и иных объектов интеллектуальной собственности, связанных с дизайном, которые обеспечивают правовую охрану упаковки независимо от того, используются объекты в обороте или нет. Например, для правовой защиты исключительного права на товарный знак достаточно того, что он зарегистрирован в отношении товаров, однородных тем, которые реализует нарушитель под спорным обозначением. Сам товарный знак *de facto* может не использоваться³².

Стандарт доказывания нарушения п. 2 ст. 14.6 Федерального закона «О защите конкуренции» включает в себя также обстоятельство известности дизайнерского решения, исполь-

³⁰ Абз. 5 п. 4.1 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утв. приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220 (в ред. по состоянию на 12 марта 2020 г.).

³¹ См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.05.2022 № С01-605/2022 по делу № А40-118972/2021 ; решение Иркутского УФАС России от 25.03.2022 по делу № 038/01/14.6-84/2022.

³² Тем не менее следует учитывать, что при определенных обстоятельствах неиспользование товарного знака при предъявлении правообладателем требований о взыскании компенсации за нарушение исключитель-

зуюемого хозяйствующим субъектом, среди потребителей. Следовательно, антимонопольное законодательство является неэффективным в вопросе защиты фирменного стиля, который только начал использоваться на рынке и еще не приобрел известность. С этой точки зрения правовые режимы объектов интеллектуальной собственности вновь оказываются более действенными, поскольку обеспечивают правовую охрану дизайна независимо от его известности (в случае авторского права — с момента создания, в случае товарного знака и промышленного образца — с даты приоритета).

Доказывание убытков, причиненных нарушением законодательства о защите конкуренции в отношении фирменного стиля

Поскольку фирменный стиль не является самостоятельным объектом правовой охраны, субъективное право на него, в том числе исключительное право, у хозяйствующего субъекта отсутствует, что предопределяет невозможность взыскания компенсации как особого способа защиты исключительного права³³. Антимонопольное законодательство предоставляет возможность взыскания убытков, причиненных хозяйствующему субъекту в результате нарушения иным субъектом хозяйственной деятельности антимонопольного законодательства (ч. 3 ст. 37 Федерального закона «О защите конкуренции»), но не в связи с нарушением субъективного права на фирменный стиль (которое у истца отсутствует), а в связи с вторжением в имущественную сферу потерпевшего. При этом следует отметить, что стандарт доказывания

является высоким не только по самому составу правонарушения (что было предметом рассмотрения выше), но и с точки зрения бремени доказывания обстоятельств, определяющих возможность взыскания убытков. Так, в рамках рассмотрения дела о возмещении убытков, причиненных нарушением законодательства о защите конкуренции, установлению подлежат обстоятельства (п. 63 Постановления Пленума ВС РФ № 2):

- 1) наличие нарушения антимонопольного законодательства;
- 2) ответчик — лицо, в результате действия (бездействия) которого у истца возникли убытки;
- 3) наличие факта причинения вреда;
- 4) наличие убытков (реального ущерба или упущенной выгоды).

В целом данные элементы корреспондируют традиционному составу гражданского правонарушения (противоправное деяние, вред, наличие причинно-следственной связи между противоправным деянием и вредом, вина нарушителя)³⁴, что позволяет применять такую меру гражданско-правовой ответственности, как возмещение убытков. Соответственно, при наличии приведенных выше условий гражданско-правовой ответственности нарушение антимонопольного законодательства, т.е. административное правонарушение, также является правонарушением гражданским (деликтом³⁵), поскольку опосредованно затрагивает имущественную сферу потерпевшего. В результате возникает необходимость восстановления имущественных интересов данного лица, которое осуще-

---

ного права на товарный знак может быть признано злоупотреблением правом (см., например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.01.2023 № C01-2436/2022 по делу № А63-11305/2021). Кроме того, неиспользование товарного знака правообладателем может учитываться при установлении вероятности смешения обозначений (см., например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.08.2023 № C01-1334/2023 по делу № А40-198294/2022).

³³ Грибанова С. В. Защита исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: некоторые вопросы теории и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9.

³⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. 3-е изд., стер. М. : Статут, 2001.

³⁵ Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Возмещение вреда, причиненного картелем, в российском и зарубежном праве // Юрист. 2022. № 4.

ствляется в рамках гражданских правоотношений гражданско-правовыми способами. Таким образом, между нарушением антимонопольного законодательства, которое совершается и пресекается в рамках публичных правоотношений, и гражданско-правовыми отношениями охранительного содержания³⁶ возникает особая связь³⁷, предопределенная возможной двойственностью правовой природы нарушения антимонопольного законодательства.

Сложность обеспечения гражданско-правовой защиты связана, во-первых, с материальными критериями (бремя доказывания определяется на основании материальных норм³⁸), поскольку истец должен доказать наличие всех условий гражданско-правовой ответственности, что представляется непростой задачей, а во-вторых, с процедурными (процессуальными) особенностями. Так, решение антимонопольного органа, если в нем установлено наличие нарушения антимонопольного законодательства, на первый взгляд помогает истцу в рамках спора о возмещении убытков уменьшить бремя доказывания, поскольку ему не нужно повторно доказывать наличие правонарушения, однако он не освобождается от доказывания иных обстоятельств, в частности наличия убытков и причинно-следственной связи между нарушением и неблагоприятными последствиями³⁹. Более того, акт антимонопольного органа не имеет

преюдициального значения для суда⁴⁰, в связи с чем ответчик имеет право представлять доказательства, опровергающие выводы антимонопольного органа (абз. 3 п. 61 Постановления Пленума ВС РФ № 2). Следовательно, наличие решения антимонопольного органа, принятого в пользу истца, не является гарантией удовлетворения требований истца о взыскании убытков или уменьшения бремени его доказывания.

С этой точки зрения, несмотря на то что возможность взыскания убытков не ставится законом в зависимость от того, в каком порядке — судебном или административном — установлено нарушение антимонопольного законодательства⁴¹, в целях установления акта недобросовестной конкуренции представляется целесообразным обращаться напрямую в суд (тем более что законом не предусмотрен обязательный административный порядок разрешения спора перед обращением в суд (абз. 2 п. 61 Постановления Пленума ВС РФ № 2)), решение которого о признании действий ответчика актом недобросовестной конкуренции будет иметь преюдициальное значение в споре о взыскании убытков.

Несмотря на то что установленный факт недобросовестной конкуренции может послужить основанием для последующего предъявления иска о взыскании убытков⁴², из модальности «может» следует, что данное правовое послед-

³⁶ Егорова М. А. К вопросу о возмещении убытков, причиненных нарушениями антимонопольного законодательства // Юрист. 2019. № 4.

³⁷ Егорова М. А. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав при нарушении антимонопольного законодательства // Lex russica. 2017. № 5. С. 99.

³⁸ П. 15 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.

³⁹ Разъяснение № 6 Президиума ФАС России «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства», утв. протоколом Президиума ФАС России от 25.05.2016 № 7.

⁴⁰ Алексеева А. А., Борзило Е. Ю., Корнеев В. А., Писенко К. А., Разгильдеев А. В., Сафонов В. В. Обновление концепции антимонопольного регулирования. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5–7.

⁴¹ См., например: постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2022 № С01-2013/2022 по делу № СИП-78/2021.

⁴² См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.04.2021 № С01-1860/2020 по делу № А56-110340/2019.

ствие не всегда возможно обеспечить даже в случае установления факта недобросовестной конкуренции. Так, состав недобросовестной конкуренции может быть установлен в тех случаях, когда отсутствует фактическое причинение убытков другому хозяйствующему субъекту, но существует угроза их причинения. В этом случае иск о взыскании убытков будет лишен правового основания ввиду отсутствия вреда.

При наличии фактических убытков истец сталкивается с необходимостью приведения расчета размера убытков (однако невозможность определения точного размера убытков не является основанием для отказа в иске (абз. 2 п. 63 Постановления Пленума ВС РФ № 2)) и, как было отмечено выше, доказывания прямой причинно-следственной связи между убытками и нарушением антимонопольного законодательства. Так как при недобросовестной конкуренции, связанной с созданием смешения, как правило, имеет место упущенная выгода, ее расчет требует не механического подсчета, но достаточно серьезного финансового анализа. К примеру, для определения контрфактуальной прибыли (прибыли, которую получил бы истец при отсутствии нарушения) требуется формулирование максимально точных предположений об издержках, ценах, объемах продаж, общем размере рынка, прибыльности и прочих параметрах конкурентной среды⁴³. Также необходимо учитывать временной лаг (ценность прибыли, недополученной в предшествующих периодах, не равна ее ценности в текущем периоде при одном и том же номинального размера, что объясняется инфляцией, колебаниями курса и иными экономическими показателями) и возможность инвестирования упущенной при-

были⁴⁴. При этом правообладатель исключительного права может избежать необходимости расчета убытков, заявив вместо возмещения убытков требование о взыскании компенсации.

Заключение

Фирменный стиль понимается достаточно широко и включает в себя различные внешние атрибуты хозяйственной деятельности и ее результатов, которые направлены на привлечение внимания потребителей и формирование узнаваемости конкретного хозяйствующего субъекта и его продукта на рынке.

В отличие от американского права, в российской правовой системе фирменный стиль не признается объектом правовой охраны, субъективное право на него не возникает. В российской правовой действительности фирменный стиль рассматривается как квазиобъект правовой охраны, поскольку антимонопольное законодательство защищает фирменный стиль опосредованно — в процессе восстановления конкурентной рыночной среды, т.е. стоит на страже публичных, а не частных интересов.

Данное обстоятельство в совокупности со сложностью и значительным бременем доказывания правонарушений, связанных с созданием смешения, а также возникающих вследствие них убытков способствует тому, что антимонопольное законодательство не может считаться универсальным и эффективным механизмом защиты частного интереса по сравнению с более «сильными» в этом смысле правовыми режимами признанных объектов интеллектуальной собственности.

---

⁴³ П. 2.1.1 разъяснения Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20).

⁴⁴ П. 2.1.2 разъяснения Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева А. А., Борзило Е. Ю., Корнеев В. А., Писенко К. А., Разгильдеев А. В., Сафонов В. В. Обновление концепции антимонопольного регулирования. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2022. — № 5–7.
2. Антропова Т. Ю. Внутренний PR — как сделать коллектив командой? // Руководитель бюджетной организации. — 2021. — № 12.
3. Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Возмещение вреда, причиненного картелем, в российском и зарубежном праве // Юрист. — 2022. — № 4.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — 3-е изд., стереотип. — М. : Статут, 2001.
5. Грибанова С. В. Защита исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: некоторые вопросы теории и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 9.
6. Егорова М. А. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав при нарушении антимонопольного законодательства // Lex russica. — 2017. — № 5. — С. 95–104.
7. Егорова М. А. К вопросу о возмещении убытков, причиненных нарушениями антимонопольного законодательства // Юрист. — 2019. — № 4.
8. Снопкова А. В. Фирменный стиль: средства и способы правовой защиты // Право цифровой экономики — 2022 (18) : ежегодник-антология / рук. и науч. ред. д-ра юрид. наук. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2022. — С. 235–263.
9. Червяков А. С. Как защитить свой бренд с помощью фирменного стиля // Право и бизнес. — 2021. — № 4.
10. Farkas Th. Trademark protection for store designs. One trademark a day keeps Apple's competitors away // URL: <https://revistas.uexternado.edu.co/index.php/propin/article/view/3920/4353> (дата обращения: 07.10.2023).
11. Fromer J. C., McKenna M. P. Claiming Design // University of Pennsylvania Law Review. — 2018. — Vol. 167. — № 1. — P. 123–210.
12. Llewelyn G. I. D. Product shape and trade dress protection under trademark law in Europe // International intellectual property law and policy. — 2001. — Vol. 6. — Chapter 24. — P. 24–1–14–15.
13. Wong M. M. Aesthetic Functionality Doctrine and the Law of Trade-Dress Protection // Cornell Law Review. — 1998. — Vol. 83. — № 4. — P. 1116–1167.

Материал поступил в редакцию 25 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseeva A. A., Borzilo E. Yu., Korneev V. A., Pisenko K. A., Razgildeev A. V., Safonov V. V. Obnovlenie kontseptsii antimonopolnogo regulirovaniya. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k postanovleniyu Plenuma VS RF ot 04.03.2021 № 2 «O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh v svyazi s primeneniem sudami antimonopolnogo zakonodatelstva» // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2022. — № 5–7.
2. Antropova T. Yu. Vnutrenniy PR — kak sdelat kollektiv komandoy? // Rukovoditel byudzhethnoy organizatsii. — 2021. — № 12.

3. Bogdanov D. E., Bogdanova S. G. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo kartelem, v rossiyskom i zarubezhnom prave // Yurist. — 2022. — № 4.
4. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshchie polozheniya. — 3-e izd., stereotip. — M.: Statut, 2001.
5. Gribanova S. V. Zashchita isklyuchitelnogo prava na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii: nekotorye voprosy teorii i pravoprimenitel'noy praktiki // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2019. — № 9.
6. Egorova M. A. Vozmeshchenie ubytkov kak sposob zashchity grazhdanskikh prav pri narushenii antimonopol'nogo zakonodatel'stva // Lex russica. — 2017. — № 5. — S. 95–104.
7. Egorova M. A. K voprosu o vozmeshchenii ubytkov, prichinennykh narusheniyami antimonopol'nogo zakonodatel'stva // Yurist. — 2019. — № 4.
8. Snopkova A. V. Firmennyy stil: sredstva i sposoby pravovoy zashchity // Pravo tsifrovoy ekonomiki — 2022 (18): ezhegodnik-antologiya / ruk. i nauch. red. d-ra yurid. nauk. M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2022. — S. 235–263.
9. Chervyakov A. S. Kak zashchitit svoj brend s pomoshchyu firmennogo stilya // Pravo i biznes. — 2021. — № 4.
10. Farkas Th. Trademark protection for store designs. One trademark a day keeps Apple's competitors away // URL: <https://revistas.uexnado.edu.co/index.php/propin/article/view/3920/4353> (data obrashcheniya: 07.10.2023).
11. Fromer J. C., McKenna M. P. Claiming Design // University of Pennsylvania Law Review. — 2018. — Vol. 167. — № 1. — P. 123–210.
12. Llewelyn G. I. D. Product shape and trade dress protection under trademark law in Europe // International intellectual property law and policy. — 2001. — Vol. 6. — Chapter 24. — P. 24–1–14–15.
13. Wong M. M. Aesthetic Functionality Doctrine and the Law of Trade-Dress Protection // Cornell Law Review. — 1998. — Vol. 83. — № 4. — P. 1116–1167.

Уголовно-правовое значение упущенной выгоды

Аннотация. Оценка причиненного преступлением вреда является одним из сложных вопросов теории уголовного права и практики применения закона. Правовая характеристика упущенной выгоды как разновидности убытков в настоящее время не исследована в полной мере даже в гражданско-правовом аспекте, что влияет на определение характера материального вреда в уголовном праве и, как следствие, ущерба от преступлений. В статье рассматриваются различные подходы к уголовно-правовому значению упущенной выгоды, сформулирован вывод, что уголовно-правовая характеристика упущенной выгоды в преступлениях в сфере экономики заключается в неотъемлемой составляющей (упущенной выгоде и реальном ущербе) характера и размера ущерба, поскольку определение упущенной выгоды влияет на качественные и количественные критерии ущерба. О необходимости учета упущенной выгоды в составах преступлений в сфере экономики свидетельствует особенность родового, непосредственного объекта, объективной стороны применительно к конкретному деянию. Для целей уголовного законодательства имеет значение установление упущенной выгоды в форме неполучения должного, в то время как форма неполучения вероятного для квалификации не имеет значения.

Ключевые слова: уголовно-правовая характеристика упущенной выгоды; объект преступного посягательства; формы упущенной выгоды; неполучение должного; неполучение вероятного.

Для цитирования: Довгань М. А. Уголовно-правовое значение упущенной выгоды // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 82–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.082-090.

Criminal Law Meaning of Lost Profits

Maksim A. Dovgan, Postgraduate Student, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Trainee Lawyer, R&MDefence Moscow Bar Association, Moscow, Russian Federation
dovgan.maksim@list.ru

Abstract. Assessing the damage caused by a crime is one of the complex issues in the theory of criminal law and the practice of applying the law. The legal characteristics of lost profits as a type of damages have not yet been fully explored even in the civil law aspect, which affects the definition of the nature of material damage in criminal law and, as a consequence, damage resulting from crimes. The paper examines various approaches to the criminal law meaning of lost profits. It is concluded that the criminal law specifics of lost profits in economic crimes imply an integral component (lost profits and actual damage) of the nature and amount of damage, since the assessment of lost profits affects the qualitative and quantitative criteria of damage. The need to consider loss profits as an element of a crime in the economic sphere is evidenced by the peculiarity of the generic, direct

---

© Довгань М. А., 2024

* Довгань Максим Андреевич, аспирант Института государства и права РАН, стажер адвоката коллегии адвокатов г. Москвы «R&MDefence»
Знаменка ул., д. 10, г. Москва, Россия, 119019
dovgan.maksim@list.ru

object, the objective side in relation to a specific act. For the purposes of criminal law, it is important to establish lost profits in the form of failure to receive what is due, while the form of failure to receive what is probable is not important for classification of a crime.

Keywords: criminal legal characteristics of lost profits; object of criminal encroachment; forms of lost profit; failure to receive what is due; failure to receive what is probable; criminal legal characteristics of lost profits; object of criminal encroachment; forms of lost profit; failure to receive what is due; failure to receive what is probable.

Cite as: Dovgan MA. Criminal Law Meaning of Lost Profits. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):82-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.082-090.

В различных отраслях права законодатель использует термин «ущерб». Так, в ч. 3 ст. 42, ст. 44, ч. 1 ст. 299 УПК РФ указывается на правила возмещения физического, материального вреда, а также ущерба, причиненного потерпевшему от преступления.

В УК РФ понятие «ущерб» используется как признак, ограничивающий преступное деяние от непроступного (ст. 185), служащий квалифицирующим и особо квалифицирующим обстоятельством (ч. 2 ст. 170), для определения момента окончания преступления и объема вменяемых общественно опасных последствий (ст. 159), при применении поощрительных норм, норм об освобождении от уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового воздействия (ст. 61, 75, 76.1, 76.2, 79, 80, 104.3).

Содержание категорий «ущерб» и «упущенная выгода» в уголовном праве вызывает дискуссии, поскольку отсутствуют законодательное определение и позиция Пленума Верховного Суда РФ, а также нормативные критерии оценки ущерба.

Для выявления содержания упущенной выгоды и ее форм необходимо обратиться к смежным научным отраслям. Упущенная выгода в экономической науке характеризуется, как правило, косвенным ущербом, представляющим собой дополнительные затраты, которые возникают в связи с нарушениями либо изменениями структуры хозяйственных связей. К такому косвенному ущербу относятся и иные потери на

восстановление положения, существовавшего до возникновения нарушений¹.

В гражданском законодательстве закреплено родовое понятие «убытки»; под ними подразумеваются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (ст. 15 ГК РФ). Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, и указанное определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства (п. 5 ст. 393 ГК РФ).

Эта позиция подтверждается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было (п. 17)². В этом же постановлении разъясняется, что поскольку упущенная выгода представляет собой неполученный доход, то при разрешении споров, связанных с ее возмещением, следует принимать во внимание, что ее расчет,

---

¹ См.: Тулупов А. С. Экономика ущерба: проблемы и решения // Российская акад. наук, Ин-т проблем рынка. М. : Наука, 2009. С. 272.

² См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

представленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер. Данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске.

В целях применения антимонопольного законодательства также используется термин «убытки», содержание которого определяется в соответствии со ст. 15 ГК РФ. При этом, согласно разъяснениям Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее — ФАС России), в гражданском судопроизводстве ущерб необходимо определять в зависимости от характера последствий совершенного правонарушения, а не на основе его содержания. Одно и то же нарушение (например, отказ в поставке товара, предоставлении услуги) может вызвать различные последствия (уменьшение объема производства, снижение качества продукции и др.). Для взыскания убытков с нарушителя законодательства необходимо доказать факт нарушения, факт наличия и размера убытков, причинно-следственную связь между нарушением и причиненными убытками³.

Для установления уголовно-правового значения упущенной выгоды необходимо учитывать следующее:

1) при характеристике вреда и ущерба в уголовном и гражданском законодательстве используется различная терминология;

2) «ущерб» и «убытки» в уголовном законодательстве отождествляются; при этом отсутствуют теоретические разработки о соотношении указанных понятий;

3) в гражданском законодательстве существуют пробелы в части структуры убытков, что,

в свою очередь, влияет на определение характера материального вреда в уголовном праве и, как следствие, ущерба от преступлений (убытки являются составляющей материального вреда);

4) законодательство России, как и законодательство зарубежных стран, определяет понятие «упущенная выгода» через оценочные категории («которые получила бы», «при обычных условиях гражданского оборота» и т.д.), что входит в противоречие с уголовным законодательством, поскольку в данном случае ответственность должна строго вытекать из принципа вины⁴.

В доктрине уголовного права сложилось несколько позиций относительно содержания упущенной выгоды в целях применения уголовного законодательства и разрешения возникающих проблем квалификации. Можно выделить три группы позиций, толкующих указанный термин: расширительное понимание (общие правила), расширительное понимание с изъятиями и узкое понимание.

Согласно первой точке зрения (расширительное толкование), необходимо использовать гражданско-правовой подход для характеристики оценки ущерба от преступления⁵. Сторонники данной точки зрения отождествляют ущерб от преступлений с гражданско-правовыми убытками, поскольку придерживаются позиции межотраслевых связей уголовно-правовых и регулятивных норм⁶. В частности, они ссылаются на положение о необходимости использования институтов, понятий и терминов гражданского и других отраслей законодательства Российской Федерации в том значении, в каком они

³ См.: Разъяснение Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 11 по определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Агафонова М. А. Упущенная выгода при незаконном предпринимательстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 6. С. 64. URL: <https://rucont.ru/efd/447730> (дата обращения: 06.12.2023).

⁵ См.: Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2007 ; Ермолович Я. Н. Упущенная выгода как общественно опасное последствие совершения преступления // Российский следователь. 2019. № 3. С. 43 ; Бриллиантов А. В. Четвертакова Е. Ю. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб. пособие. М. : РГУП, 2018. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1194833> (дата обращения: 02.12.2023).

⁶ См.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере : [сборник статей] / Фонд «Либерал. миссия» ; редкол.: В. И. Радченко [и др.]. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 183.

используются в этих отраслях законодательства, что также касается характеристики упущенной выгоды. Позиция о необходимости использования гражданско-правовой терминологии в части характеристики оценки ущерба является довольно распространенной⁷.

Вторая точка зрения (узкое толкование) сводится к тому, что упущенная выгода не имеет уголовно-правового значения, поскольку для уголовного законодательства характерен только реальный ущерб⁸. Сторонники этой позиции указывают, что термин «упущенная выгода» используется в гражданском законодательстве не сам по себе, а только применительно к институту возмещения убытков, который является одним из способов защиты гражданских прав в соответствии со ст. 12 ГК РФ и не имеет отношения к уголовному законодательству. Как писал Л. Д. Гаухман, расходы на восстановление нарушенного права и неполученные доходы не могут быть включены в объем обвинения⁹.

В соответствии с третьим подходом (расширительным толкованием с определенными изъятиями), при решении вопроса о необходимости включения упущенной выгоды в уголовно-правовую характеристику ущерба следует применять логико-юридический анализ, который свидетельствует о необходимости учета характера, размера ущерба, его качественных и количественных критериев, иных обстоятельств (приостановления деятельности предприятия, заболевания потерпевшего, разрыва хозяйст-

венных связей, срыва крупной сделки и др.), влияющих на решение вопроса о включении упущенной выгоды в состав ущерба. Количественным критерием является размер вреда (например, в случае порчи товара или необоснованного запрета его реализации), качественным критерием — срыв выгодной для предпринимателя сделки в результате необоснованного запрета на занятие определенным видом деятельности со стороны должностного лица¹⁰.

По нашему мнению, последняя точка является наиболее аргументированной и логичной. Она также встречается в актах толкования судебных органов. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» обратил внимание судов на необходимость учета размера упущенной выгоды, доходов при нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности исходя из перечисленных объектов интеллектуальной собственности (п. 24)¹¹.

Целесообразность учета упущенной выгоды при квалификации отдельных преступлений обусловлена необходимостью принимать во внимание специфику объекта преступления, а именно отношения в экономической сфере, при характеристике которых используются такие показатели, как ценообразование, финансово-экономическое состояние и доходность. Данные

---

⁷ См.: *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 1997 ; *Амиянц К. А.* Последствия преступлений в сфере экономики: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 21.

⁸ См.: *Каримов А. М.* Добровольное возмещение ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. С. 37–38.

⁹ См.: *Гаухман Л. Д.* Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ // *Законность*. 2001. № 1. С. 32–35.

¹⁰ См.: *Осипов И. В.* Уголовно-правовая характеристика ущерба как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности // *Евразийский юридический журнал*. 2019. № 2. С. 274 ; *Яцеленко Б. В., Жилкин М. Г.* Ущерб как последствие преступлений в сфере экономической деятельности // *Налоговые и иные экономические преступления : сборник науч. статей. Вып. 5.* Ярославль, 2002. С. 21.

¹¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс».

показатели, соответственно, находят отражение в следующих признаках преступления: размер дохода от противоправной деятельности, а также крупный и особо крупный ущерб. Все это свидетельствует об определенной зависимости указанных критериев, которые обобщенно можно назвать экономическими критериями криминализации деяния. Так, упущенная выгода учитывается при квалификации преступлений, совершаемых в сфере интеллектуальных прав и ограничения предпринимательской деятельности, а также при нарушении режима коммерческой, налоговой и банковской тайны, поскольку посягательство осуществляется на личные неимущественные права и, соответственно, реальный ущерб в виде снижения стоимости имущества либо его утраты у потерпевшего невозможен. Например, объектом посягательства, предусмотренного статьей 169 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие свободу и гарантии осуществления экономической деятельности; ст. 180 УК РФ — общественные отношения по законному использованию средств индивидуализации и защите конкуренции; ст. 183 УК РФ — общественные отношения по охране коммерческой, налоговой и банковской тайны.

Объективная сторона в данных деяниях направлена не на уменьшение имущества потерпевшего, а на причинение ему вреда иными действиями (бездействием) (в случае со ст. 169 УК РФ — отказом в государственной регистрации, выдаче лицензии, уклонением от регистрации и иным незаконным вмешательством в деятельность, что препятствует извлечению прибыли юридическим лицом либо иным субъектом предпринимательской деятельности; в случае со ст. 180 УК РФ — введением в экономический оборот контрафактной продукции и снижением качества продукции правообладателя; в случае со ст. 183 УК РФ — действиями, направленными на получение конфиденциальных сведений).

Неоднозначным является вопрос о необходимости учета упущенной выгоды при квалификации налоговых преступлений. Так, объектом преступного посягательства по налоговым преступлениям является совокупность общественных отношений по взиманию налогов и сборов, а также отношений, возникающих в процессе осуществления налогового контроля. Объективная сторона данного состава преступления состоит в действиях, направленных не на изъятие имущества Российской Федерации (права пользования, владения, распоряжения не могут быть применены в отношении обязанности по уплате налогов), а на недополучение должных отчислений в пользу государства. Применительно к налоговым преступлениям Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» указал, что «для определения размера ущерба бюджетной системе, причиненного налоговым преступлением, необходимо устанавливать действительный размер обязательств по уплате налогов, сборов, страховых взносов и учитывать в совокупности все факторы, как увеличивающие, так и уменьшающие размер неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов» (п. 14)¹².

Как отмечают авторы концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, если в примечаниях к нормам УК РФ не оговорено иное, бланкетные признаки употребляются в значении базового законодательства¹³. Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ упущенная выгода относится к разновидности убытков. В налоговом законодательстве термины «убыток» и «ущерб» являются равнозначными, и их возникновение влечет одинаковые налоговые последствия для налогоплательщика¹⁴. Так, если с полученной суммы упущенной выгоды налогоплательщиком не установлен действительный размер обязательств по уплате налогов, то

¹² См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. С. 183.

¹⁴ См.: определение Верховного Суда РФ от 11.09.2015 № 305-КГ15-6506 по делу № А40-84941/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

в указанной части данная сумма может быть включена в объем ущерба, причиненного совершенным преступлением, а именно в результате неисполнения обязательства по уплате налогов¹⁵. В свою очередь, это свидетельствует, что размер отчислений с полученной упущенной выгоды входит в размер обязательств налогоплательщика, устанавливаемый применительно к составам налоговых преступлений, однако по своей природе подлежащие уплате налоговые отчисления с полученной упущенной выгоды не влияют на необходимость установления упущенной выгоды в уголовном судопроизводстве.

Исходя из специфики объекта посягательства в сфере налоговых правоотношений, невозможно сделать вывод о праве налогового органа на взыскание упущенной выгоды в связи с либо несвоевременностью, либо отсутствием взыскания с налогоплательщика должных отчислений, что позволяет сделать вывод о нецелесообразности учета упущенной выгоды при квалификации налоговых преступлений.

На основании изложенного можно сформулировать вывод, что упущенная выгода может приниматься во внимание при совершении отдельных преступлений с учетом специфики их объекта¹⁶. Так, например, по делам, связанным с разглашением правового режима информации, отказом в государственной регистрации либо иным вмешательством в деятельность субъектов предпринимательства, незаконным использованием товарных знаков и других объектов интеллектуальной деятельности специфика объекта преступного посягательства позволяет сделать вывод о необходимости учета упущенной выгоды при установлении ущерба. Что касается вопроса об учете упущенной выгоды в налоговых преступлениях, то, напротив, упущенная выгода не может быть установлена в

связи с особенностью охраняемого объекта — общественных отношений по взиманию налогов и сборов, а также отношений, возникающих в процессе осуществления налогового контроля.

Относительно форм упущенной выгоды в уголовном праве следует изначально указать, что проблема учета некоторых форм упущенной выгоды обусловлена тем, что упущенная выгода характеризуется последствиями, которые представляют собой материальные потери, возникающие по истечении некоторого промежутка времени. В статье автором приведены не все формы упущенной выгоды, а лишь те, которые вызывают наибольшее количество вопросов, а именно формы упущенной выгоды по критерию последствий без учета формы упущенной выгоды в виде проведения излишних выплат (расходов).

В гражданском законодательстве выделяют две разновидности упущенной выгоды — неполучение должных доходов, получение которых предусматривалось в силу законных оснований, и неполучение вероятных доходов. В уголовном законодательстве учет таких форм представляется спорным.

Упущенная выгода в форме неполучения вероятного, по нашему мнению, не подлежит учету в рамках уголовного законодательства в связи с невозможностью установления однозначных критериев вероятности, причинной связи между нарушением и упущенной выгодой и, как следствие, ее «оценочностью», что в конечном счете приводит к нарушению принципов законности и вины. Кроме того, необходимо принять во внимание, что установление вероятных доходов и расходов требует специальных расчетов, предполагающих учет моделей вероятностей, что также неприменимо в области уголовного законодательства.

---

¹⁵ См.: письмо ФНС России от 27.08.2013 № БС-4-11/15526 «О порядке налогообложения возмещения убытков» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 т. / А. А. Грави́на, О. А. Зайцев, М. Г. Жилкин [и др.] ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Контракт, 2020 ; Арямов А. А., Басова Т. Б., Благов Е. В. [и др.] Уголовное право России. Общая и Особенная части. М. : Контракт, 2017. С. 382 ; Бимбинов А. А., Боженко С. А., Воронин С. Н. [и др.] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023.

Иным образом дело обстоит с неполучением должного, т.е. удержанием объекта экономического оборота, который в силу закона или других законных оснований должен быть передан. Именно эта форма, по мнению некоторых исследователей, имеет уголовно-правовое значение, поскольку возможно с высокой вероятностью установить ее размер¹⁷.

Действительно, такая форма подлежит установлению в тех ситуациях, когда стороны договора согласовывают условия сотрудничества, в том числе размер выполняемых услуг и работ. Они совершают предварительные действия, свидетельствующие о намерении выполнить работы. В случае невозможности исполнить договор у сторон имеется документация, позволяющая определить размер ущерба в форме неполучения должного. Так, в судебной практике по ст. 169, 183 УК РФ встречаются случаи, когда правоприменителем в состав ущерба включается сумма упущенной выгоды в размере, определенном при подписании различного рода договоров, которые были не исполнены по причине их срыва¹⁸. Например, по одному уголовному делу потерпевшему — обществу с ограниченной ответственностью — был причинен материальный ущерб, обусловленный убытками вследствие вынужденной невозможности продолжать строительство планируемого

объекта¹⁹. В других обстоятельствах лицо путем дачи устного распоряжения 30 дошкольным образовательным учреждениям отказаться от заключения договоров с индивидуальным предпринимателем, причинило тем самым ущерб в размере стоимости 30 муниципальных контрактов вследствие невозможности ИП заключить договоры с образовательными учреждениями²⁰.

Итак, целесообразность учета упущенной выгоды при квалификации отдельных преступлений обусловлена необходимостью принимать во внимание специфику объекта преступления, а именно отношения в экономической сфере, при характеристике которых используются такие показатели, как ценообразование, финансово-экономическое состояние и доходность. Данные показатели, соответственно, находят отражение в следующих признаках преступления: размер дохода от противоправной деятельности, а также крупный и особо крупный ущерб. Все это свидетельствует об определенной зависимости указанных критериев, которые обобщенно можно назвать экономическими критериями криминализации деяния.

В уголовном законодательстве возможен учет упущенной выгоды исключительно в форме неполучения должных доходов, т.е. тех, которые должны были поступить в силу закона, договора или иного законного основания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агафонова М. А. Упущенная выгода при незаконном предпринимательстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2014. — № 6. — С. 60–66. — URL: <https://rucont.ru/efd/447730> (дата обращения: 06.12.2023).
2. Арямов А. А., Басова Т. Б., Благов Е. В. [и др.] Уголовное право России. Общая и Особенная части. — М. : Контракт, 2017. — ISBN: 978-5-990060-4-4.

¹⁷ См.: Мурзаков С. И. Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Н. Новгород, 1997. С. 173.

¹⁸ См.: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2021 по делу № 77-2454/2021 // URL: <https://8kas.sudrf.ru>.

¹⁹ См.: приговор Октябрьского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 15.08.2017 по делу № 1-151/2017 (09/1295-2016) // URL: <http://oktyabrskiy.udm.sudrf.ru>.

²⁰ См.: апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 27.03.2018 по делу № 22-1249/2018 // URL: <http://vs.tat.sudrf.ru>.

3. Бимбинов А. А., Боженко С. А., Воронин С. Н. [и др.] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2023. — 1000 с.
4. Бриллиантов А. В. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб. пособие. — М. : РГУП, 2018. — 108 с. — ISBN: 978-5-93916-657-7. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1194833> (дата обращения: 02.12.2023).
5. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2007. — ISBN: 978-5-94201-532-9.
6. Гаухман Л. Д. Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ // Законность. — 2001. — № 1. — С. 32–35.
7. Ермолович Я. Н. Упущенная выгода как общественно опасное последствие совершения преступления // Российский следователь. — 2019. — № 3. — С. 42–45.
8. Каримов А. М. Добровольное возмещение ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Казань, 2020. — 242 с.
9. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере: [сборник статей] / Фонд «Либерал. миссия»; [редкол.: В. И. Радченко [и др.]]. — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. — 194 с.
10. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — Саратов, 1997. — 43 с.
11. Мурзаков С. И. Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Н. Новгород, 1997. — 252 с.
12. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 т. / А. А. Гравина, О. А. Зайцев, М. Г. Жилкин [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М. : Контракт, 2020.
13. Осипов И. В. Уголовно-правовая характеристика ущерба как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 2. — С. 274–277.
14. Тулупов А. С. Экономика ущерба: проблемы и решения / Российская акад. наук, Институт проблем рынка. — М. : Наука, 2009. — 283 с.
15. Яценко Б. В., Жилкин М. Г. Ущерб как последствие преступлений в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления : сборник науч. статей. — Вып. 5. — Ярославль, 2002. — С. 21–32.

Материал поступил в редакцию 16 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agafonova M. A. Upushchennaya vygoda pri nezakonnem predprinimatelstve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — 2014. — № 6. — S. 60–66. — URL: <https://rucont.ru/efd/447730> (data obrashcheniya: 06.12.2023).
2. Aryamov A. A., Basova T. B., Blagov E. V. [i dr.] Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chast. — M.: Kontrakt, 2017. — ISBN: 978-5-990060-4-4.
3. Bimbinov A. A., Bozhenok S. A., Voronin S. N. [i dr.] Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. 14-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2023. — 1000 s.
4. Brilliantov A. V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: ucheb. posobie. — M.: RGUP, 2018. — 108 s. — ISBN: 978-5-93916-657-7. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1194833> (data obrashcheniya: 02.12.2023).

5. Volzhenkin B. V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti po ugolovnomu pravu Rossii. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2007. — ISBN: 978-5-94201-532-9.
6. Gaukhman L. D. Sootnoshenie krupnogo razmera i krupnogo ushcherba po UK RF // Zakonnost'. — 2001. — № 1. — S. 32–35.
7. Ermolovich Ya. N. Upushchennaya vygoda kak obshchestvenno opasnoe posledstvie soversheniya prestupleniya // Rossiyskiy sledovatel. — 2019. — № 3. — S. 42–45.
8. Karimov A. M. Dobrovolnoe vozmeshchenie ushcherba ili zaglazhivanie inym obrazom vreda, prichinennogo prestupleniem: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — Kazan, 2020. — 242 s.
9. Kontseptsiya modernizatsii ugolovnogo zakonodatelstva v ekonomicheskoy sfere: [sbornik statey] / Fond «Liberal. missiya»; [redkol.: V. I. Radchenko [i dr.]]. — M.: Fond «Liberalnaya missiya», 2010. — 194 s.
10. Lopashenko N. A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: ponyatie, sistema, problemy kvalifikatsii i nakazaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. — Saratov, 1997. — 43 s.
11. Murzakov S. I. Stoimostnye kriterii prestupnosti i nakazuemosti deyanii, sovershaemykh v sfere ekonomiki: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — N. Novgorod, 1997. — 252 s.
12. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k glave 22 «Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti» Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: v 2 t. / A. A. Gravina, O. A. Zaytsev, M. G. Zhilkin [i dr.]; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. — M.: Kontrakt, 2020.
13. Osipov I. V. Ugolovno-pravovaya kharakteristika ushcherba kak priznaka sostavov prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2019. — № 2. — S. 274–277.
14. Tulupov A. S. Ekonomika ushcherba: problemy i resheniya / Rossiyskaya akad. nauk, Institut problem rynka. — M.: Nauka, 2009. — 283 s.
15. Yatselenko B. V., Zhilkin M. G. Ushcherb kak posledstvie prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Nalogovye i inye ekonomicheskie prestupleniya: sbornik nauch. statey. — Vyp. 5. — Yaroslavl, 2002. — S. 21–32.

О дистанционном похищении людей

Аннотация. Современный криминал претерпевает цифровую трансформацию, о чем свидетельствует характер совершаемых преступлений. В настоящее время преступниками активно применяются новые технологии с целью минимизации объема офлайн-действий при выполнении объективной стороны преступления. Развитие онлайн-сервисов позволяет злоумышленникам совершать преступные деяния руками третьих лиц, действующих из корыстных побуждений либо в результате обмана, зачастую не осознавая свое соучастие в преступлении. Современные технологии дают возможность совершать неvirtуальные преступления полностью дистанционно благодаря сервисам онлайн-услуг. Перечень таких преступлений постоянно расширяется. Новым трендом стали дистанционные похищения людей, о проблемах квалификации которых пойдет речь в настоящей статье. Формируются идеи *de lege ferenda*, выраженные в изменении действующей конструкции состава о похищении человека и актуализации разъяснений Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ; Пленум Верховного Суда РФ; преступление; похищение человека; похищение; дистанционное похищение человека; дистанционные преступления; использование информационно-телекоммуникационных технологий; использование Интернета; ИТТ; киберпреступность; уголовное право; квалификация; вымогательство; криминальные аватары.

Для цитирования: Марченко Д. А. О дистанционном похищении людей // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 91–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.091-098.

On Remote Kidnapping of People

Denis A. Marchenko, Deputy Prosecutor for Tagansky Interdistrict of Moscow, Junior Justice Advisor,
Moscow, Russian Federation
outcomeweb@gmail.com

Abstract. Modern crime is undergoing a digital transformation, as evidenced by the nature of the crimes committed. Currently, criminals are actively using new technologies to minimize the volume of offline actions when committing a crime as to its objective part. The development of online services allows criminals to commit criminal acts through third parties acting for selfish reasons or as a result of deception, often without realizing their complicity in the crime. Modern technologies make it possible to commit non-virtual crimes completely remotely, thanks to online services. The list of such crimes is constantly expanding. Remote kidnappings of people have become a new trend, the problems of classification of which will be discussed in this paper. Ideas *de lege ferenda* are being formed, expressed in the change of the current structure of the offence of kidnapping and the updating of the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; crime; kidnapping; abduction; remote kidnapping; remote crimes; use of information and telecommunication technologies; use of the Internet; ITT; cybercrime; criminal law; qualification; extortion; criminal avatars.

© Марченко Д. А., 2024

* *Марченко Денис Андреевич*, заместитель Таганского межрайонного прокурора г. Москвы, младший советник юстиции
Талалихина ул., д. 39, г. Москва, Россия, 109316
outcomeweb@gmail.com

Cite as: Marchenko DA. On Remote Kidnapping of People. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):91-98. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.091-098.

Не только государственное управление, но и современный криминал претерпевает цифровую трансформацию, о чем свидетельствует характер совершаемых преступлений. Преступностью активно применяются новые технологии с целью минимизации объема офлайн-действий при выполнении объективной стороны преступления. Цифровая среда позволяет совершать преступные деяния руками дропперов¹ или других «криминальных аватаров», т.е. людей, которые за денежное вознаграждение либо под воздействием обмана или принуждения, не всегда осознавая свое соучастие в преступлении, выполняют ключевую часть объективной стороны преступления — от незаконного сбыта запрещенных к обороту предметов и дистанционного хищения имущества до поджогов автомобилей², объектов транспортной инфраструктуры³ и зданий⁴.

Новым трендом стали дистанционные похищения людей, на квалификации которых стоило бы остановиться отдельно.

Под влиянием новых технологий способы похищения людей эволюционировали. Развитие сервисов онлайн-доставки, заказа такси, бронирования жилья, а также онлайн-банкинга и IP-телефонии позволяет не только совершать дистанционные хищения материальных ценностей, но и похищать людей без физического контакта с ними, находясь при этом в любом удаленном месте. В последнее время правоохранительная система регулярно сталкивается с мистическими на первый взгляд похищениями граждан, за которыми стоят извечные корист-

ные мотивы и довольно высокая организация преступной деятельности.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем такой случай. Следственными органами столичного региона в мае 2023 г. возбуждено уголовное дело о вымогательстве крупной денежной суммы у местного жителя под предлогом освобождения ранее похищенной супруги последнего.

Из материалов уголовного дела следует, что 63-летняя женщина под воздействием телефонного обмана злоумышленников покинула место жительства, вышла из подъезда и проследовала в неизвестном направлении. После этого вечером того же дня ее супругу поступил звонок с ранее неизвестного номера телефона. В ходе разговора неустановленное лицо потребовало от потерпевшего передачи денежных средств за освобождение похищенной жены, а в случае отказа злоумышленник высказал угрозу причинения физического насилия в отношении пожилой женщины.

Спустя несколько суток в ходе следственно-оперативных мероприятий место нахождения потерпевшей было установлено на территории Московской области, в съемной квартире. При обнаружении она сообщила, что причиной ухода из дома стала убедительная, по ее мнению, легенда мошенников, представившихся сотрудниками спецслужб, о грозящей ей и ее близким лицам опасности со стороны преступников, для поимки которых необходимо следовать определенным инструкциям и скрываться от кого бы то ни было некоторое время.

¹ С учетом позиции Таганской межрайонной прокуратуры суд избрал в отношении ранее судимого 30-летнего мужчины меру пресечения в виде заключения под стражу // URL: <https://t.me/moscowproc/2078> (дата обращения: 23.08.2023).

² В Ростове по подозрению в поджоге автомобиля с символикой Z задержаны двое местных жителей // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5515174> (дата обращения: 23.08.2023).

³ В Петербурге возбудили уголовное дело после попытки поджечь релейный шкаф // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5986152> (дата обращения: 23.08.2023).

⁴ Генпрокуратура напомнила, что поджоги военкоматов могут расцениваться как теракты // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6148223> (дата обращения: 23.08.2023).

Другим примером являются обстоятельства совсем недавнего похищения ребенка в Ямало-Ненецком автономном округе⁵.

В ноябре этого года неизвестный позвонил 10-летней девочке и сообщил, что ее родители попали в дорожно-транспортное происшествие и им нужны деньги. Ребенок не обнаружил денежных средств в квартире и рассказал об этом собеседнику. Тогда злоумышленник сообщил ребенку о необходимости выбросить мобильный телефон и сесть в такси, которое увезло его из Салехарда в пригород. В определенный момент злоумышленник в ходе телефонного разговора стал вымогать деньги у родителей за информацию о местонахождении их дочери, угрожая при этом убить ребенка в случае отказа выполнить требования. До момента обнаружения малолетней девочки таксист стоял в пункте назначения своего маршрута, опасаясь высаживать ребенка одного в неизвестном месте.

Похожим способом была похищена пожилая мать сотрудницы Совета Федерации РФ, обнаруженная правоохранителями спустя неделю поисков в одном из санаториев Тверской области⁶, а также 21-летний сын владельца крупной медицинской компании⁷.

И это только часть преступных посягательств, получивших широкую огласку в Интернете и СМИ. Фактически преступлений исследуемого вида значительно больше в силу высокого уровня латентности преступлений, связанных с похищением человека⁸. Вместе с тем, несмотря на значительное количество фактов похищений людей подобным способом, практика уголовного преследования отсутствует.

О проблеме применения уголовно-правовой нормы

Современная норма уголовного закона о похищении человека (ст. 126 УК РФ) неоднозначна в своем применении; квалификация уголовных деяний такого рода осложнена правовой лакуной, о чем достаточно сказано в юридической литературе. Эксплуатировать эту тему в настоящем исследовании не имеет смысла — стоит лишь остановиться на основных тезисах.

Главное затруднение в правоприменении — отсутствие в законе прямого закрепления дефиниции похищения человека. Простая диспозиция о похищении человека, которая лишь называет соответствующее преступное деяние, но не раскрывает его признаки, играет в этом ключевую роль.

Некоторую ясность внесли решения судов высших инстанций по конкретным делам, первым из которых стало широко известное дело Абдуллина⁹, где конкретизированы признаки преступления. Квинтэссенцией судебной практики нескольких десятилетий по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных главой 17 УК РФ, стало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми».

Вместе с тем давно назревшие разъяснения Верховного Суда РФ при всех положительных моментах нельзя назвать исчерпывающими: многие принципиально важные вопросы оставлены без должного внимания.

Как отмечает профессор М. А. Кауфман, в постановлении Пленума ВС РФ № 58 не затронута тема квалификации похищения человека, неза-

---

⁵ Мошенники вплотную взялись за детей // URL: <https://t.me/bazabazon/23067> (дата обращения: 20.11.2023).

⁶ В Москве похитили мать помощницы сенатора и потребовали выкуп // URL: <https://iz.ru/1501537/2023-04-20/v-moskve-pokhitali-mat-pomoshchnitsy-senatora-i-potrebovali-vyкуп> (дата обращения: 23.08.2023).

⁷ МВД сообщило подробности о похищении сына главы «Гемотеста» // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/646652849a7947a0ec046e46> (дата обращения: 23.08.2023).

⁸ Корнакова С. В. Актуальные вопросы квалификации похищения человека // Российский судья. 2020. № 12. С. 45–50.

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2-й квартал 2000 г. [постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.10.2000 № 207П2000 по делу Абдуллина] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1.

конного лишения свободы и торговли людьми в случае, если последствия насилия выразились в умышленном причинении вреда здоровью различной тяжести; опущены вопросы соучастия, толкования квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных статьями 126 и 127 УК РФ; не даны разъяснения, касающиеся освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 126 УК РФ¹⁰.

Таким образом, указанные разъяснения Пленума ВС РФ, не решающие в должной мере проблемы квалификации «классических» похищений людей, несовершенно по своей сути, и малоиспользуемый уголовный состав остается экзотическим для национального судопроизводства. В случае же с дистанционными способами похищения людей Пленум ВС РФ и вовсе показывает низкую универсальность своих рекомендаций, и к этому мы еще вернемся ниже.

Оценка общественно опасных последствий

Большинство из предлагаемых методов предупреждения преступлений против свободы человека¹¹ лишены смысла в свете указанных выше кибернетических способов похищения человека.

Основная проблема в том, что жертва преступления, будучи введенной злоумышленником в заблуждение, самостоятельно покидает место жительства, не уведомляя об этом своих близких, и сознательно под воздействием обмана или психического насилия скрывается от них и сотрудников правоохранительных органов, добросовестно заблуждаясь в своих действиях. При этом злоумышленники удаленно заказывают жертве такси, доставляют через курьеров

анонимные средства связи, одежду и парики для конспирации, приобретают билеты на авиа- и железнодорожный транспорт, арендуют жилье для размещения и пр.

Розыск безвестно отсутствующих лиц осуществляется в рамках совместного приказа правоохранительных органов о поиске без вести пропавших лиц¹², однако далеко не всегда силами следователей Следственного комитета РФ, как то предписывается данным нормативным документом.

В основе процессуальных решений органов следствия об отказе в возбуждении уголовного дела или отказе в приеме и регистрации сообщения о преступлении лежит довод о том, что действия похищаемых таким образом людей являются не более чем выражением их собственной воли и общественная опасность в данном случае отсутствует.

В это время органы внутренних дел наряду с расследованием вымогательства оперативным и следственным путем фактически устанавливают обстоятельства похищения человека, подменяя тем самым процессуальную работу следователей Следственного комитета РФ по защите конституционных прав граждан.

Безусловно, виктимизация, т.е. процесс становления жертвой преступления, вызывает большие вопросы в исследуемой категории преступлений. Однако неосмотрительное или, откровенно говоря, наивное поведение потерпевших в силу их возраста или правового и финансового нигилизма не отменяет того факта, что их конституционное право на свободу перемещения в пространстве нарушено преступлением о похищении человека.

Стоит заметить, что жертвами преступных посягательств кибервымогателей-похитителей становятся, как правило, дети или пожилые

¹⁰ Кауфман М. А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»: обзор правовых позиций // Уголовное право. 2020. № 5. С. 70–77.

¹¹ Кравцов Д. А. Некоторые аспекты предупреждения похищения людей // Российский следователь. 2020. № 6. С. 50–52.

¹² Приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 «Об утверждении инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц».

люди. Они обладают обостренным чувством тревоги и подвержены панике. Всё это способствует совершению ими малоосмысленных действий. При этом никто не знает, чем обернутся скитания безвестно отсутствующего ребенка или пожилого человека по стране, а то и за рубежом. Существует ненулевая вероятность стать жертвой другого преступления, заняться бродяжничеством, погибнуть на улице.

В этой связи аргументы об отсутствии признаков состава преступления при дистанционном похищении человека выглядят едва ли адекватными задачам уголовного закона в части определения того, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями.

Квалификация дистанционных похищений

Не ограничиваясь доводами о наличии общественной опасности дистанционных похищений, перейдем к ключевым элементам состава данного преступления.

Исходя из доктринальных положений, объектом преступления о похищении человека является возможность индивидуума самостоятельно определять свое положение и перемещение в пространстве; никто не может быть лишен свободы иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

Субъектом преступления выступает физическое вменяемое лицо, достигшее пониженного до 14 лет возраста привлечения к уголовной ответственности. Совершение преступления возможно только с прямым умыслом, т.е. виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения конституционного права гражданина на свободу перемещения и желает их наступления.

Нами поддерживается позиция большинства ученых-юристов в части того, что эмоции не являются конститутивными признаками и на квалификацию не влияют. Мотив и цель относятся в данном случае к факультативным признакам субъективной стороны преступления. Однако есть и обратная точка зрения¹³.

Как указывалось выше, состав о похищении человека имеет простую диспозицию, и криминообразующие признаки она не содержит. Именно поэтому определение объективной стороны данного преступления вызывает наибольшие затруднения. Попробуем рассмотреть дистанционное похищение человека через призму разъяснений Верховного Суда РФ. Так, согласно определению, предложенному в п. 2 постановления Пленума ВС РФ № 58, *под похищением человека необходимо понимать его незаконный захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют*.

Из дефинитивного положения приведенных разъяснений можно выделить три основных этапа объективной стороны похищения человека — **захват, перемещение и удержание**, которые, как отмечает Пленум ВС РФ, каждый по отдельности и в совокупности могут быть совершены с использованием беспомощного состояния потерпевшего, а также с применением угроз и насилия. При этом не раскрывается понятие беспомощного состояния потерпевшего. Такое состояние описывается в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» как неспособность потерпевшего в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному в совокупности с осознанием виновным этого обстоятельства. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности,

---

¹³ Колоколов Н. А. А был ли похищен мальчик? Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации круто изменила траекторию движения уголовного дела // Российский судья. 2023. № 5. С. 7–14.

тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. Умышленно Пленум ВС РФ не стал повторяться или же не придавал значения необходимости конкретизации беспомощного состояния, остается только догадываться. Однако в случае с дистанционным похищением человека понимание критериев определения беспомощного состояния имеет важное значение. Относятся ли к ним старики и дети — вопрос для квалификации критически важный.

Кроме того, не конкретизирован вид применяемого насилия. Непонятно, позволительно ли к таковому отнести как физическое, так и психическое воздействие на потерпевшего, к коему в некоторых случаях прибегают дистанционные похитители.

Далее стоит отметить, что высшим судебным органом при публикации указанных разъяснений были учтены предложения Генеральной прокуратуры РФ и детализированы криминальные способы похищения человека¹⁴. В частности, Пленум ВС РФ разъяснил, что похищение человека может быть совершено в том числе путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания.

И вот тут два важных нюанса. Во-первых, при похищении человека обманным способом возникает иная последовательность этапов преступления: **перемещение, захват и удержание**, т.е. два первых этапа меняются местами, что фактически модифицирует конструкцию состава преступления.

Во-вторых, Пленум ВС РФ указывает, что *похищение человека может быть совершено также и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания*.

Таким образом, при разъяснении обманного способа похищения человека используется общий термин **«похищение»** человека, а не

его **«изъятие»**, что позволяет допустить выполнение всех трех этапов путем обмана жертвы преступления, включая ее захват и удержание.

Возможно, эта игра слов свидетельствует о ранее уже подмеченном М. А. Кауфманом¹⁵ несовершенстве юридической техники при написании текста постановления Пленума ВС РФ № 58. Между тем указанное не противоречит разъяснениям относительно момента окончания преступления и определения места его совершения. Так, в абз. 2 п. 2 постановления Пленума ВС РФ № 58 оговаривается момент окончания преступления в зависимости от способа похищения: *по общему правилу похищение человека следует считать оконченным с момента захвата человека и начала перемещения. Однако в случае, если перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось*.

Пленум ВС РФ различает **перемещение** вследствие обмана и **перемещение** принудительное, но должны ли **захват и удержание** потерпевшего быть контактными или допускается бесконтактность таковых, не оговаривается. Учитывались ли данные нюансы при подготовке постановления Пленума ВС РФ № 58 — неясно.

Полагаем, что рассматриваемые разъяснения 2019 г. писались в большей степени для ситуаций, когда жертву «выманивают» из безопасного места для совершения физически контактного похищения. Едва ли учитывалась возможность полностью дистанционных похищений по телефону, появившихся в наши дни. Таким образом, руководствоваться постановлением Пленума ВС РФ № 58 при квалификации дистанционных похищений трудно, — на наш взгляд, оно требует доработки.

Тем не менее, интерполируя столь неоднозначные разъяснения Пленума ВС РФ на совре-

¹⁴ Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 28.01.2020 № 12-09-2020 «О постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 “О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми”».

¹⁵ Кауфман М. А. Указ. соч.

менное дистанционное похищение человека, полагаем, что **перемещать, захватывать и удерживать** жертву без физического контакта с ней возможно, т.е. такие действия подлежат квалификации по ст. 126 УК РФ, в том числе исходя из умысла виновного. Фактически при столь изощренном похищении цель виновным достигается, хотя жертва еще и не осознает этого.

Вместе с тем злоумышленником на всех этапах преступления могут использоваться как беспомощное состояние потерпевшего (детский или пожилой возраст, нарушения психического здоровья), так и угрозы, физическое или психическое насилие, а также обман или злоупотребление доверием.

Согласно п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 58, если похищение человека сопряжено с одновременным требованием передачи чужого имущества, то при наличии оснований действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и соответствующей частью ст. 163 УК РФ.

Исходя из проанализированных разъяснений высшего суда, в том числе отраженных в п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 58 о совокупности преступлений, и фактических обстоятельств произошедшего, в приведенных в начале статьи примерах похищения усматривается совокупность признаков преступлений, предусмотренных пунктом «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и соответствующей частью ст. 163 УК РФ, в виде объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон, а также признака, сосредоточенного во всех элементах составов данных преступлений, — общественной опасности.

В этой связи незамедлительное начало уголовного преследования целесообразно — как для оперативного обнаружения человека, изъятых из места его пребывания, так и для последующего восстановления его нарушенных прав путем привлечения виновного лица к ответственности.

При дистанционном похищении преступление следует считать оконченным с момента начала удержания, т.е. прибытия похищенного

лица в подготовленное место (например, заселение в жилище, заранее арендованное онлайн виновным).

Согласно сложившейся судебной практике, нереализованная попытка классического офлайн-перемещения и удержания захваченного лица образует покушение на похищение человека¹⁶. Аналогичного подхода следовало бы придерживаться при квалификации дистанционного похищения человека в случае невозможности его захвата или его неприбытия по тем или иным причинам в точку удержания.

Разрешая вопрос «добровольности» освобождения потерпевшего, необходимо исходить из сложившейся практики, трактующей несостоятельность института прекращения преследования вследствие добровольного освобождения от ответственности, когда необходимость дальнейшего удержания похищенного утрачена в связи с выполнением или невыполнением условий, выдвинутых виновным.

Научно-практические выводы

Простая диспозиция нормы о похищении человека опровергает излюбленное юристами чеховское изречение: «Краткость — сестра таланта»: сформулировать в уголовной статье все криминообразующие признаки состава данного преступления было бы резонно. Однако, учитывая то обстоятельство, что, согласно Пленуму ВС РФ, последовательность его этапов меняется в зависимости от способа его совершения, конструирование адекватной диспозиции статьи в таком случае кажется задачей архисложной.

В этой связи в настоящее время целесообразнее актуализировать разъяснения Верховного Суда РФ; будет нелишним отдельно уточнить, что при похищении человека его перемещение, захват и удержание возможны в том числе вследствие использования беспомощного состояния потерпевшего, его обмана либо злоупотребления доверием, а также в результате оказания в отношении него физического или психического насилия.

---

¹⁶ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.04.2014 № 207-АПУ14-1.

Очевидный факт: преступность эволюционирует и, трансформируясь, уходит с улиц в Интернет либо же, используя его, все чаще выполняет объективную сторону уголовно наказуемых деяний руками третьих лиц. Совершение «кри-

минальными аватарами» убийств — вопрос времени. В этой незамысловатой связи работа правоохранительных органов в борьбе с дистанционной преступностью требует принципиально иного подхода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кауфман М. А.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»: обзор правовых позиций // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 70–77.
2. *Колоколов Н. А.* А был ли похищен мальчик? Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации круто изменила траекторию движения уголовного дела // Российский судья. — 2023. — № 5. — С. 7–14.
3. *Колотова Ю. А., Сердюков А. В.* Объект преступления — похищение человека: исторический аспект // Российский следователь. — 2022. — № 3. — С. 72–75.
4. *Корнакова С. В.* Актуальные вопросы квалификации похищения человека // Российский судья. — 2020. — № 12. — С. 45–50.
5. *Кравцов Д. А.* Некоторые аспекты предупреждения похищения людей // Российский следователь. — 2020. — № 6. — С. 50–52.

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kaufman M. A. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O sudebnoy praktike po delam o pokhishchenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i trgovle lyudmi»: obzor pravovykh pozitsiy // Uголовное право. — 2020. — № 5. — S. 70–77.
2. Kolokolov N. A. A byl li pokhishchen malchik? Sudebnaya kollegiya po ugovolnym delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kruto izmenila traektoriyu dvizheniya ugovolnogo dela // Rossiyskiy sudya. — 2023. — № 5. — S. 7–14.
3. Kolotova Yu. A., Serdyukov A. V. Obekt prestupleniya — pokhishchenie cheloveka: istoricheskiy aspekt // Rossiyskiy sledovatel. — 2022. — № 3. — S. 72–75.
4. Kornakova S. V. Aktualnye voprosy kvalifikatsii pokhishcheniya cheloveka // Rossiyskiy sudya. — 2020. — № 12. — S. 45–50.
5. Kravtsov D. A. Nekotorye aspekty preduprezhdeniya pokhishcheniya lyudey // Rossiyskiy sledovatel. — 2020. — № 6. — S. 50–52.

Толкование права: история становления (с акцентом на уголовно-правовую интерпретацию)

Аннотация. В статье исследуются закономерности исторического развития толкования как интеллектуальной деятельности через синергию правового и религиозного знания. Автором делается ряд важных выводов, представляющих собой новый взгляд на хронологические рамки возникновения толкования и разработки его методологического аппарата, а также выявляется ряд закономерностей, связанных с его последующим многовековым развитием. К числу последних относятся, в частности: 1) приоритет буквальной интерпретации над «не буквальной» как в области богословия, так и в нормативном толковании; 2) политизированность и «телеологичность» толкования в широком смысле; 3) использование в правовом поле аналогии как средства расширения социального регулирования там, где прибегать к толкованию невозможно или нецелесообразно. Для достижения целей исследования автором использованы теоретические методы диалектического анализа и синтеза, методы обобщения и сравнительного правоведения (в основном в ретроспективном (историческом) аспекте), формально-юридический метод.

Ключевые слова: право; толкование права; экзегетика; богословие; уголовное право; аналогия; герменевтика; интерпретация; римское право; история толкования; нормативное толкование.

Для цитирования: Ларионов П. А. Толкование права: история становления (с акцентом на уголовно-правовую интерпретацию) // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 99–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.099-110.

Interpretation of Law: History of Formation (with an Emphasis on Criminal Law Interpretation)

Pavel A. Larionov, Master of Laws (Ural State Law University named after V.F. Yakovlev), LLM
(University of Illinois, College of Law), Champaign, Illinois, United States
larionov2299@gmail.com

Abstract. The paper examines the patterns of historical development of interpretation as an intellectual activity through the synergy of legal and religious knowledge. The author makes a number of important conclusions, representing a new look at the chronological framework of the emergence of interpretation and the development of its methodological apparatus, and identifies a number of patterns associated with its subsequent centuries-long development. The latter include, in particular: 1) the priority of literal interpretation over «non-literal» interpretation both in the field of theology and in normative interpretation; 2) the politicization and «teleological» nature of interpretation in the broad sense; 3) the use of analogy in the legal field as a means of expanding social regulation where it is impossible or inappropriate to resort to interpretation. To achieve the objectives of the

---

© Ларионов П. А., 2024

* Ларионов Павел Алексеевич, магистр права (Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева), LLM (University of Illinois, College of Law)
Пенсильвания ав. 504Е, Шампейн, Иллинойс, США, 61820 (504 E Pennsylvania Ave, Champaign, Illinois, United States 61820)
larionov2299@gmail.com

study, the author used theoretical methods of dialectical analysis and synthesis, methods of generalization and comparative law (mainly in the retrospective (historical) aspect), and the formal legal method.

Keywords: law; interpretation of law; exegesis; theology; criminal law; analogy; hermeneutics; interpretation; Roman law; history of interpretation; normative interpretation.

Cite as: Larionov PA. Interpretation of Law: History of Formation (with an Emphasis on Criminal Law Interpretation). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):99-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.099-110.

В юридической доктрине принято считать, что «основоположником теории толкования»¹ или «первым ученым, систематизировавшим его методы»² являлся Ф. К. фон Савиньи, чьи работы, датированные XIX в., безусловно, внесли огромный вклад в развитие интерпретации. Однако эта точка зрения исторически неточна. Разработка методологического аппарата интерпретации берет свое начало почти за два с половиной тысячелетия до появления на свет работ немецкого философа, а потому «отрезание» столь существенного исторического периода попросту непозволительно. Как будет показано далее, именно анализ этого периода позволяет сделать ряд важных выводов о происхождении толкования как интеллектуальной деятельности (вне привязки к конкретному толкуемому материалу), причинах и закономерностях его развития, единстве интерпретационных проблем и их решений сквозь завесу времени.

В качестве предварительного замечания оговоримся, что толкование уголовного закона во многом воспроизводило общие интерпретационные закономерности, а до того вообще не выделялось в отдельную методологическую группу. Как будет показано далее, первые особенности толкования уголовно-правовых запретов появятся лишь в первой половине XIX в., а потому для исчерпывающего их понимания необходимо проследить развитие интерпретации как общеправового явления.

Теория толкования права развивалась крайне медленно. Интерпретация, как справедливо отмечает Х. И. Гаджиев, «это в первую очередь аргументы»³, а потому с древности ее методология сводилась к изобретению наиболее убедительной конструкции, связывающей регулирование с ситуацией, которую оно должно разрешить. Подобный ораторско-казуистичный подход, единственным содержательным наполнением которого выступало субъективное представление толкователя о справедливости, не требовал от последнего создания универсального инструментария. Объясняется это тем, что суть первых правовых положений прецедентна — это либо казуальные писанные правила, которые уже описывают саму ситуацию и порядок ее разрешения, а потому не требуют дополнительных умозаключений в отношении их конструкции, либо обычаи, которые по своей неписаной природе и широте распространения допускают различные понимания, а оттого легче поддаются «истолкованию» под нужды конкретного случая.

На чем тогда строится наша гипотеза о зарождении теории толкования еще в период до нашей эры? Косвенный ответ на этот вопрос дал уже упомянутый Ф. К. фон Савиньи, который писал, что «толкование законов не отличается от толкования любой другой выраженной мысли (как, например, это практикуется в филологии)»⁴. Перефразируя философа, скажем, что методы толкования не имманентны лишь

¹ Матвеев А. Г. Защита права на наименование средства массовой информации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 9. С. 10.

² Гаджиев Х. И. Судебная риторика как фактор эффективности правовой аргументации // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 5.

³ Гаджиев Х. И. Указ. соч. С. 6.

⁴ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. Т. 1. С. 391.

нормативной интерпретации, а в определенном смысле универсальны в отношении сходных источников. Таким, безусловно, является религия как мощнейший социальный регулятор эпохи, с которой, по нашему мнению, началось формирование теории толкования.

Религиозная интерпретация (экзегетика), как будет показано далее, значительно быстрее разработала собственный интеллектуальный арсенал, необходимый для понимания священных текстов. Предполагаем, что одна из причин этого — содержательное различие между писанием и правовыми нормами. Последние, как указывает один из юрико-технических принципов, должны быть ясными и недвусмысленными, тогда как религиозные произведения, а в особенности священные книги, как будто исходят из прямо противоположного, специально избирая такую манеру повествования, которая предполагает множество интерпретаций различной степени глубины. Экзегеты времен Ветхого Завета просто не могли не выработать методики, которые бы позволили им понять, а затем и объяснить многослойную религиозную истину, сокрытую в тексте Писания. При этом цели толкования священных текстов, очевидно, весьма сходны с целями нормативной интерпретации — выработать механизм социального регулирования, провести водораздел между ожидаемым и нежелательным поведением и снабдить широкий круг людей принципами совместного общежития. Различие же между экзегетикой и толкованием права, которое мы уже вскользь обозначили выше, состоит скорее в стилистических особенностях предмета толкования, его имманентных свойствах неоднозначности (или, наоборот, ясности) и способе закрепления социальных норм (казуистичное изложение по формуле «если... то...» либо от-

крытое повествование, требующее отдельного авторского осмысления и вычленения этих норм путем построения логических цепочек).

Из приведенного гипотетического обобщения следует, что на первоначальных этапах развития толкования как интеллектуальной деятельности (без привязки к конкретному материалу) авторство его методологического аппарата во многом принадлежит религиозным деятелям, а не юристам. В этой связи всё дальнейшее изложение нами будет построено на основе синергии религиозной и правовой мысли. Последняя, несмотря на отсутствие заметных подвижек в области методологии на первоначальных этапах, тем не менее играла значимую роль в решении других фундаментальных вопросов — изучала место толкования в государственно-правовом механизме и анализировала его полезность.

Зарождение и развитие экзегетики. История религиозного толкования в большинстве профильных источников связывается с именем Ездры (Эзры) — священника, считающегося «основоположником раввинистического иудаизма»⁵. В разных переводах книги Неемии (8:8) вклад Ездры в интерпретацию Слова Божьего описывается неодинаково: «И читали из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное»⁶, «Они читали из книги Божьего Закона, поясняя и истолковывая, чтобы народ мог понимать прочитанное»⁷, «Книгу, закон Божий, читали внятно, присоединяли толкование, поясняли прочитанное»⁸. Принято считать, что именно Ездра был первым толкователем Библии, а потому историю мирового толкования можно отсчитывать с его работ⁹. Тем не менее есть предположения, что толкования священного писания встреча-

⁵ Эзра // URL: <https://eleven.co.il/bible/hagiographa/14988/> (дата обращения: 08.10.2023).

⁶ Неемия 8. Русский синодальный перевод (Russian Synodal Version (RUSV)) // URL: <https://www.biblegateway.com/> (дата обращения: 08.10.2023).

⁷ Неемия 8 глава // URL: <https://bible.by/nrt/16/8/> (дата обращения: 08.10.2023).

⁸ Книга Неемии. Архим. Макария // Православное обозрение. М. : Университетская типография, 1867. Т. 24. С. 166.

⁹ Верклер Г. А. Герменевтика : Принципы и процесс толкования Библии. Schaumburg : Gospel Literature Services, 1995. С. 38.

лись задолго до Ездры, однако существенных подтверждений тому не обнаружено¹⁰.

Толкование Ездры сводилось к зачитыванию положений Писания и их последовательному переводу с «подлинного еврейского языка» на «халдейский»¹¹. Несмотря на это, существо его интеллектуальной деятельности сообразно сегодняшнему представлению о толковании — Ездра в своей роли религиозного глашатая *уяснял* и *разъяснял* положения религиозного текста, комментируя неперебиваемые или особо сложные его части.

В то же время методологической наполненностью такое толкование не отличалось. Существенной его частью был адаптированный перевод как передача оригинального смысла средствами другой языковой системы. Толкование же еще с начала времен стремилось не только передать буквальный смысл произведения, но и видоизменить его — расширить или сузить в зависимости от задачи, поставленной перед толкующим субъектом. Именно от того, что деятельность экзегета требовала большего ораторского, логического, философского и религиозного искусства, он нуждался в развитом интеллектуальном инструментарии, который бы обеспечил ему достижение поставленных целей.

Подобный инструментарий начал разрабатываться много позднее времен Ездры, но уже к началу новой эры фактически приобрел очертания современных методов толкования, какими их зафиксировал Ф. К. фон Савиньи. Наиболее примечательны среди них толкования священных текстов аккадских и иудейских экзегетов, датированные I в. до н. э. — I в. н. э. Уже к этому времени первые активно использовали аналог грамматического толкования,

анализируя толкуемые слова не в их лингвистическом единстве, а как составное от независимых слогов, имевших в аккадском языке самостоятельный смысл¹². Как результат подобного филологического подхода, интерпретатор получал «буквальный» или «небуквальный» результат, разницу между которым усматривали уже тогда¹³.

Дальше аккадских экзегетов в вопросе методологии толкования продвинулись раввины, которые не просто предпочитали толковать писание «не буквально», но, основываясь на божественном происхождении текста, утверждали, что «каждое повторение, метафора, параллелизм, синоним, слово, буква и даже конфигурация букв имеют сокрытое значение»¹⁴. Помимо уже известного грамматического (филологического) метода, Рабби Гиллель заложил основы систематического толкования, предложив «сравнивать мысли, слова, фразы, обнаруженные более чем в одном тексте, [устанавливать] взаимоотношение общих принципов с отдельными примерами и контекстом»¹⁵.

Особо примечательно, что в тот же период начало формироваться и телеологическое толкование, которое, как предполагается в зарубежной доктрине¹⁶, появилось лишь в XIX в. благодаря комплексу английских прецедентов во главе с «Грей против Пирсона» (Grey v. Pearson, 1857)¹⁷. Если сравнить современные представления о телеологическом толковании с практикой древнееврейских экзегетов, можно сказать, что древнееврейские экзегеты исходят из необходимости придавать тексту то значение, которое соответствует цели его написания. Раввины за такую цель принимали «пророческую силу текста», предполагая, что «все написанное древними пророками имеет скрытое пророче-

¹⁰ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 39.

¹¹ Библейская энциклопедия. М. : Локид-Пресс ; Рипол Классик, 2005. С. 237.

¹² Gabbay U. Akkadian Commentaries and Early Hebrew Exegesis // URL: <https://ccp.yale.edu/introduction/akkadian-hebrew-exegesis> (дата обращения: 17.10.2023).

¹³ Gabbay U. Op. cit.

¹⁴ Gabbay U. Op. cit.

¹⁵ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Driedger E. A. Construction of Statutes. Toronto: Butterworths, 1983. P. 1.

¹⁷ Grey v. Pearson (1857) 6 HLC 61, Lord Wensleydale.

ское значение и должно в недалеком будущем исполниться через деятельность их общин»¹⁸. Интерпретируя текст таким образом, экзегеты стремились объяснить события произошедшие или будущие сквозь призму религиозного текста по формуле «это нынешнее явление есть исполнение того древнего пророчества», что со всей очевидностью требовало существенных интеллектуальных затрат¹⁹.

Продолжая превозносить «небуквальное» толкование над буквальным, Филон Александрийский писал, что «буквальное значение Писания рассчитано на уровень понимания духовно незрелых людей, а аллегорическое значение — для мудрецов»²⁰. Причем основанием для перехода к аллегорической интерпретации являлось предположение, что буквальный смысл является «недостойным Бога»²¹. Содержание описанной аллегорической интерпретации сводится к корректированию смысла толкуемого текста под текущие «общественные настроения» и представления о «достойном» и «недостойном» смысле, который по своей природе является не чем иным, как субъективной оценкой текущей церковной доктрины. Отсюда закономерным является предположение, что в период I в. до н. э. — I в. н. э. свое зарождение получила и эволютивная интерпретация, знакомая отечественному юристу по судебным решениям Европейского Суда по правам человека.

Новый виток религиозного толкования связывается с личностью Иисуса Христа, который отвергал аллегорические методы и наказывал придерживаться буквального смысла: «И еще многое, подобное этому, совершаете вы, подменяя слово Божье нелепыми обычаями вашими, которые вы сами же и установили»²². Именно со времен Христа началась традиция приори-

тета буквальной интерпретации, подхваченная апостолами и переживавшая серьезные пертурбации вплоть до XIX в., когда большинство экзегетов согласилось с заветами Мартина Лютера и Кальвина, считавших аллегорическое («небуквальное») толкование «выдумкой Сатаны, имеющей целью затемнить смысл Писания»²³. Кальвинистский подход даже выработал интерпретационную формулу, применяемую до сих пор, — «Писание толкуется Писанием»²⁴. Транспонируя эту максиму на язык методов интерпретации, ее автор призывал выявлять буквальный смысл религиозных текстов, используя систематический метод.

Сильно позднее, в IV–V вв., тексты начали толковать «согласно фактам истории»²⁵. Представители Сирийско-Антиохийской школы использовали эту экзегетическую формулу для обоснования роли исторического контекста описываемых в тексте событий для их верного понимания. Сомнительно, однако, что первое упоминание об историческом методе интерпретации действительно свидетельствует о его возникновении столь позднее остальных методов, тем более что еще в I в. экзегетика Иисуса Христа с таким же уважением относилась к историческим фактам, закрепленным в Ветхом Завете, используя их для интерпретации действительной воли Божьей. Тем не менее заслуга Антиохийской школы во многом в «напоминании» религиозному миру о необходимости синергетического применения исторических и религиозных знаний в рамках любой интерпретации, потому как события и персоналии, упомянутые в Писании, считаются реально существовавшими. Разрыв же связи церковного и религиозного учения, а равно волюнтаризм толкователей, подрывает авторитет обеих версий.

¹⁸ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 43.

²⁰ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 44.

²¹ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 44.

²² Евангелие от Марка, глава 7, стих 13 // URL: <http://superbook.org/LUT/MK/mk7.htm> (дата обращения: 12.10.2023).

²³ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

²⁴ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

²⁵ Верклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

В дальнейшем церковная экзегетика развивалась более степенно, разрабатывая всё новые и новые толкования с уже сложившимся интеллектуальным инструментарием, а потому для целей настоящего исследования его изучение представляется излишним. Главным выводом по результатам проведенного анализа является закономерное предположение о том, что методологический аппарат интерпретации во многом разработан и заимствован у церковных экзегетов, выделявших еще с I в. до н. э. грамматический (филологический), систематический, телеологический, исторический и даже эволютивный методы толкования, а также подразделявших полученные с помощью толкования результаты как минимум на буквальное и небуквальное.

Становление и развитие толкования права.

Как было отмечено выше, толкование нормативных положений на первоначальных этапах не задумывалось над методологией этой интеллектуальной деятельности. Более того, по свидетельству Аристотеля, в Древней Греции VI–VII вв. до н. э. толкование законов отсутствовало, а нормы права, вызывавшие споры, попросту «убирали из Ареопага»²⁶. Дискурс, посвященный интерпретации, не мог возникнуть в ситуации отказа от признания ее ценности.

Веком позднее в Древнем Риме, только что принявшем Законы 12 таблиц, толкование вновь созданных нормативных предписаний было крайне необходимо. Как писал Т. Бевер еще во второй половине XVIII в., «законы хотя и были единственным источником древнеримского права, но их поразительная неясность делала их практически бесполезными»²⁷. Развивая эту

мысль, Р. Зом пишет: «Несмотря на то что даже по прошествии тысячелетия юридическая сила Законов 12 таблиц осталась неприкосновенна, в конце этого периода, когда был издан “Свод Юстиниана”, ни одно их положение не сохранило своего буквального значения»²⁸. Цели устранения неясности законов служили понтифики — «первые римские юристы»²⁹, обладавшие «монополией на толкование XII таблиц»³⁰. Значение толкования понтификов сводилось к абсолютному — их разъяснения и советы использовались как частными лицами в рамках юридических консультаций при составлении исков, так и самими магистратами, разрешавшими судебные споры³¹. Понтифик, а следовательно, и его толкование являлись, таким образом, неотъемлемой частью правовой системы, без которой не мыслилась ни судебная деятельность, ни развитие права в целом.

В то же время, несмотря на позицию И. А. Покровского, который утверждал, что «в коллегии [понтификов] вырабатывались правила и приемы толкования»³², иных подтверждений этому доводу не обнаружено. Гораздо ближе к конвенциональной точке зрения Д. В. Дождев, который пишет, что понтифики «распространяли значение слов на другие явления, создавая новые институты на основе старых ритуальных форм»³³. По своей юридической природе эта деятельность напоминает аналогию закона, яркий пример которой приводит Р. Зом: когда между лицом, желающим получить титул собственности, и действующим собственником достигнуто согласие о передаче права, потенциальный приобретатель заявлял «фиктивный

²⁶ *Аристотель*. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-е изд. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 49.

²⁷ *Bever T.* The History of the Legal Polity of the Roman State; and of the Rise, Progress, and Extent of the Roman Laws. London, 1781. P. 63.

²⁸ *Sohm R.* The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. 3rd ed. Oxford : Clarendon Press, 1907. P. 30.

²⁹ *Покровский И. А.* История римского права. Минск : Харвест, 2002. С. 18.

³⁰ *Дождев Д. В.* Римское частное право. М. : Инфра-М ; Норма, 1996. С. 18.

³¹ *Abbot F. F.* A History and Description of Roman Political Institutions. 3rd ed. Boston : The Athenaeum Press, 1911. P. 405.

³² *Покровский И. А.* Указ. соч. С. 18.

³³ *Дождев Д. В.* Указ. соч. С. 18.

виндикационный иск» к собственнику, который в судебном процессе публично признавал за истцом его право³⁴.

В остальном же, когда случай не требовал создания новых правовых формул, внимание юристов «было сосредоточено именно на адекватном (читай: буквальном. — П. Л.) понимании слов закона»³⁵. Последнее достигалось путем «объяснения значения слов Законов»³⁶, то есть грамматического толкования как наиболее распространенного способа интерпретации, признаваемого римским правом. Той же позиции придерживается и один из самых авторитетных ученых, исследовавших историю римского права, — Ф. Шульц³⁷.

Наряду с грамматическим толкованием, упоминается также и категория *aequitas*, заимствованная римскими юристами из трудов Аристотеля³⁸. Она воспринималась материальным элементом всего права: «С содержательной [стороны] оно [гражданское право] совпадает с *aequitas*»³⁹. Подобное позволяет судить об использовании римскими юристами II—I вв. до н. э. своеобразной вариации телеологического толкования, рассматриваемого в широком смысле. Целью любого законодательного установления они видели справедливость, а потому любую писаную норму можно и нужно было применять только в том значении, в котором она не противоречит торжеству *aequitas*. Примечательно, что техника телеологического толкования со времен Древнего Рима практически не претерпела изменений. Единственное отличие того времени — «отказ от выяснения намерения законодателя»⁴⁰ в пользу презумпции, что всё право создано ради достижения *aequitas* (абсолютная цель).

Наряду с грамматическим и телеологическим толкованием, римские юристы рубежа эпох предпринимают и попытки систематизировать знания о праве. Первой из них справедливо отмечена *Tripertita* Секста Элия Пета, в которой посредством простой компиляции собраны Законы 12 таблиц, позднейшие комментарии к ним и исковые формулы. Следом за Петом уже более систематизированные комментарии в форме «основных принципов права» попытался дать Марк Порций Катон. Как пишет Р. Зом, «это была попытка высечь статую из необработанной мраморной глыбы»⁴¹.

Однако важнейшим научным трудом, послужившим первым шагом на пути превращения «знаний о праве в науку о праве»⁴², была работа Квинта Муция Сцеволы, написанная в начале I в. до н. э. Как пишет Д. В. Дождев, ее концептуальным источником выступила диалектика Аристотеля, которая «предполагала анализ и синтез изучаемого материала»⁴³. С учетом примененных методов труд Квинта Муция Сцеволы есть первое применение систематического метода толкования разрозненного и фрагментированного права, выполненное с целью «примирить» между собой эти фрагменты и вывести из них общее абстрактное правило.

Факторы, повлиявшие на развитие толкования. Анализ шагов римской юридической мысли на пути становления и развития толкования позволил выявить качественный дисбаланс такого развития в сопоставлении с церковной экзегетикой. Представляется, что описанные выше шаги, предпринятые параллельно с развитием богословия, были скорее вынужденными, чем намеренными. До времен заимствования аристотелевской диалектики юристы Древнего

³⁴ *Sohm R. Op. cit.* P. 56–57.

³⁵ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 26.

³⁶ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 26.

³⁷ *Schulz F. History of Roman Legal Science.* Oxford : Oxford University Press, 1963. P. 30.

³⁸ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 30.

³⁹ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 30.

⁴⁰ *Schulz F. Op. cit.* P. 75.

⁴¹ *Sohm R. Op. cit.* P. 90.

⁴² *Sohm R. Op. cit.* P. 91.

⁴³ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 27.

Рима не мыслили абстрактными правилами и общими принципами: задача юриспруденции была казуистична — разрешить «конкретную жизненную ситуацию, а не мучиться над вечными проблемами методологии и, в частности, теории интерпретации»⁴⁴. Именно казуистичный характер права и предопределил теоретическое отставание в вопросах интеллектуального инструментария толкователя.

Помимо этого, причиной методологического разрыва могли служить и имманентные качества самих объектов толкования — их происхождение и ясность. Религиозные тексты и их нормативные положения священны по своему происхождению, а потому не позволяют открыто дополнять их методом аналогии. От церковного экзегета требовалось подкрепить «Писание Писанием»⁴⁵, то есть методологически аргументировать состоятельность своей версии, чтобы придать ей религиозный авторитет. Нормативные документы же подобной сакральностью не обладали, так как выводились толкователями казуистично из их собственных представлений «о взаимоотношениях людей и Бога»⁴⁶. Этому выводу вторит и социальный статус самих толкователей римского права — понтификов, которые не были «божьими избранниками, <...> а были представителями высшего сословия, достаточно состоятельными, чтобы справляться с делами государственной важности без угрозы подкупа»⁴⁷. Таким образом, «идея, что право даровано Богом, <...> начисто отсутствовала»⁴⁸, равно как и порождаемые ею характеристики текста. Именно благодаря свободе от религиозных гонений за присвоение статуса Бога при дополнении социальных правил римские юристы предпочитали попросту увеличивать количество

правовых предписаний, а когда требовалось не дополнить, а изменить закон, «любой гимназист мог аргументировать приоритет *aequitas* перед писанным правом»⁴⁹.

Ясность и лингвистическая простота построения текстов, безусловно, оказали свое влияние на развитие толкования. Как уже отмечено выше, Писание, в отличие от права, составлено двусмысленно и витиевато, что само по себе требует повышенных интеллектуальных затрат на его уяснение. Нормативные источники же были написаны яснее, что исключает необходимость применения специально разработанных методов поиска сокрытого смысла.

Влияние описанных факторов и самого толкования на развитие права Древнего Рима переоценить сложно. Неясность Законов 12 таблиц, которая породила множество толкований и, в свою очередь, плюрализм восприятия *aequitas*, привели к усилению контроля за юридической техникой в последующих законодательных источниках, которые стали «составляться профессиональными юристами, стремившимися к безоговорочной ясности, исключая всякое [небуквальное. — П. Л.] толкование»⁵⁰.

Развитие толкования отечественного права. В России официальный дискурс, посвященный толкованию, начал Петр I, издавший 17 апреля 1722 г. Указ «О хранении прав гражданских», в котором сравнил интерпретацию с «ловлей рыбы в мутной воде» и предписал правоприменителю «не дерзать иным образом всякие дела вершить и располагать против регламентов»⁵¹. Очевидно, что Петр I к толкованию относился негативно — видел его средством извращения текста созданного им закона, а потому заставлял правоприменителей на местах толковать

⁴⁴ Schulz F. Op. cit. P. 70.

⁴⁵ Вепклер Г. А. Указ. соч. С. 45.

⁴⁶ Schulz F. Op. cit. P. 15.

⁴⁷ Schulz F. Op. cit. P. 6–7.

⁴⁸ Schulz F. Op. cit. P. 8.

⁴⁹ Schulz F. Op. cit. P. 74.

⁵⁰ Schulz F. Op. cit. P. 96.

⁵¹ Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца Всероссийского, состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число, 1725 г. СПб., 1739. С. 60–61.

нормативные акты исключительно буквально. С этого началась почти полутравековая традиция, установившая полный запрет на интерпретацию законов. Последняя рассматривалась как посягательство на абсолютную власть суверена, который должен был единолично определять курс отечественной правовой системы, издавая необходимые нормативные акты и решая любые вопросы их реализации. Как пишет Л. П. Рассказов, в случае неясности правоприменители «были обязаны обратиться к монарху за разъяснениями»⁵². Причем, учитывая абсолютно неопределенные санкции памятников права петровской и последующих эпох (например, Артикул воинский 1714 г. предусматривал в качестве санкции требование «бить кнутом нещадно»), такие разъяснения были частым явлением. В то же время в доктрине преобладает мнение, что неопределенность правовых предписаний не всегда указывала на необходимость беспокоить монарха. В. И. Тюнин и Н. В. Радошнова пишут, что в таких случаях суды, как и римские юристы времен Законов 12 таблиц, прибегали к аналогии⁵³. Высказанная гипотеза вполне укладывается в существо взаимоотношений суверена и его подчиненных: аналогия прямо не подрывала авторитет октроированных правовых предписаний, а потому концептуально допускалась.

Подобное отношение к толкованию было характерно для абсолютных монархий — аналогичный нормативный запрет на любую интерпретацию установлен и в Баварском уложении 1813 г.⁵⁴ Во Франции Кодекс Наполеона 1804 г. занял прямо противоположную позицию, допуская судебное толкование даже путем выявления и применения «духа и разума закона»⁵⁵.

Во второй половине XIX в. отношение высших государственных органов России к толкованию сменилось с гнева на милость. Как отмечает Н. И. Биюшкина, в этот период Правительствующий Сенат как высшая судебная инстанция рассматривал интерпретацию скорее не как правоприменительный инструмент, а как основу судебного нормотворчества в попытках «решения сложной задачи восполнения пробелов в праве»⁵⁶. В то время «Сенат являлся сосредоточением механизма судебного нормотворчества в Российской империи... [которое] изначально было присуще деятельности Сената, однако окончательная институционализация произошла после Судебной реформы 1864 г.»⁵⁷, пишет А. Н. Верещагин. Как закономерно следует из процитированного исследования, методологической основой деятельности Сената являлась аналогия, которая и позволяла пополнять нормативную базу новыми установлениями. Тем не менее подобная практика представляла «исключение в развитии российского права, <...> нехарактерное для отечественной правовой традиции»⁵⁸.

Помимо Правительствующего Сената, после реформы 1864 г. даже ординарным судебным органам предписывалось толковать право. Как пишет про тот период И. В. Михайловский, «законодатель дает лишь основу правовой жизни, указывает общий путь; он не может предусмотреть все бесконечное разнообразие жизни», а потому «теория о судье как о механическом применителе закона была оставлена и заменена господствующей ныне теорией <...>, [которая] предоставляет суду значительные полномочия в деле толкования закона и определении раз-

⁵² Рассказов Л. П. Теория государства и права : углубленный курс. М. : РИОР : Инфра-М, 2015. С. 423.

⁵³ Тюнин В. И., Радошнова Н. В. Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 83.

⁵⁴ The Use of Analogy in Criminal Law // Columbia Law Review. 1947. Vol. 47. No. 4. P. 614.

⁵⁵ Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2002. С. 287.

⁵⁶ Биюшкина Н. И. Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 92.

⁵⁷ Верещагин А. Н. О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 6.

⁵⁸ Биюшкина Н. И. Указ. соч. С. 92.

меров наказания»⁵⁹, «судья должен служить только одному праву, быть его первым и самым надежным охранителем и истолкователем»⁶⁰.

Советская власть, стремясь как можно быстрее поставить страну на путь противодействия контрреволюции, буквально в первые дни своего существования издала знаменитый Декрет о суде, в котором предоставила широчайшие полномочия по применению и интерпретации законов: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»⁶¹. По своей сути подобная посылка должна была обеспечить использование всеми судами своеобразного телеологического толкования. Отличием его от современной модели было только то, что судьи за методологическую основу принятых решений брали не «цель создания нормы», а цель ее применения в конкретном деле, которая определялась как «воспитание революционной совести и поддержание революционного правосознания»⁶². Решения судов, таким образом, вне зависимости от их законности и справедливости, были направлены на достижение именно этого результата, что превращало правосудие в политический, а не правовой инструмент.

Политизированность правовой системы и стремление наиболее оперативно реагировать на любые социальные девиации привели в том числе к прямому дозволению аналогии закона в уголовном праве. На основании ст. 10 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. судьи фактически приобретали неограниченную свободу усмотрения при решении вопроса о преступности и наказуемости деяний. Просуществовав почти четыре десятилетия, это положение, нашедшее отражение в ст. 16 Уголовного кодекса РСФСР

1926 г., было упразднено после вступления в силу Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., который в ст. 7 прямо закрепил, что преступлением признается лишь такое деяние, которое прямо запрещено уголовным законом. Указанная норма окончательно вычеркнула аналогию из сферы уголовно-правовой интерпретации под угрозой отмены состоявшегося судебного решения как незаконного.

Выводы. Проведенный анализ, помимо смещения исторического периода, с которым связывается возникновение толкования и основных его методов, на V в. до н. э., позволил выявить ряд важных закономерностей развития интерпретации (как в целом, так и нормативной).

Ключевой из них является приоритет буквальной интерпретации над остальными результатами толкования. Выявленная закономерность характерна для не только права, но и для религии, которая, пройдя долгий и тернистый путь, окончательно закрепила его в качестве основного.

Вторая тенденция развития толкования как интеллектуальной деятельности демонстрирует его политизированность и «телеологичность» в широком смысле. Аналогично библейским экзегетам, толковавшим Писание таким образом, чтобы в конкретный исторический период оно было «достойным Бога», древнеримские понтифики придавали Законам 12 таблиц такое наполнение, которое бы отвечало их представлениям о справедливости и общественных интересах. То же явление было присуще и советским судам в первой половине XX в., которые руководствовались идеями революции при отправлении правосудия. Подобное умозаключение не вызывает удивления — и религия, и право всегда были и навсегда останутся сильнейшими социальными регуляторами, толкование которых не может оставаться без внимания и контроля государства.

⁵⁹ Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование // Известия Императорского университета. 1905. № 25. С. 68.

⁶⁰ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 106.

⁶¹ Декрет Совета народных комиссаров от 05.12.1917 «О суде» // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶² Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 423.

Третья закономерность напрямую связана лишь с нормативной интерпретацией и нехарактерна для богословия. Ее содержание сводится к использованию аналогии в качестве средства восполнения пробелов при невозможности или нецелесообразности внесения изменений законодательным путем. Подобным образом со второй половины XIX в. разрешались сложные правовые вопросы или компенсировалось бездействие законодателя, в том числе в области уголовного права. Однако с 1960 г. выявлен-

ная тенденция правомерно скорректирована совместным действием принципа законности, запрета установления уголовно-правовых запретов *ex post facto* и аналогии.

Выявленные закономерности по своей научной ценности не только направлены на объяснение характера интерпретационной деятельности в ретроспективе, но и обладают серьезным потенциалом для объяснения ряда нынешних реалий нормативного толкования в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Афинская полиция. Государственное устройство афинян. — 2-е изд. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — 254 с.
2. Библийская энциклопедия. — М. : Локид-Пресс ; Рипол классик, 2005. — 795 с.
3. *Биушкина Н. И.* Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2019. — № 6. — С. 92–98.
4. *Верещагин А. Н.* О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2014. — № 11. — С. 4–33.
5. *Верклер Г. А.* Герменевтика: Принципы и процесс толкования Библии. Schaumburg : Gospel Literature Services, 1995. — 177 с.
6. *Гаджиев Х. И.* Судебная риторика как фактор эффективности правовой аргументации // Журнал российского права. — 2023. — № 7. — С. 5–20.
7. *Дождев Д. В.* Римское частное право. — М. : Инфра-М ; Норма, 1996. — 704 с.
8. *Матвеев А. Г.* Защита права на наименование средства массовой информации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2021. — № 9. — С. 10–18.
9. *Михайловский И. В.* Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование // Известия Императорского университета. — 1905. — № 25. — С. 1–336.
10. *Покровский И. А.* История римского права. — Минск : Харвест, 2002. — 528 с.
11. *Рассказов Л. П.* Теория государства и права: углубленный курс. — М. : Риор: Инфра-М, 2015. — 559 с.
12. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права : в 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М. : Статут, 2011. — 510 с.
13. *Тюнин В. И., Радошнова Н. В.* Аналогия уголовного закона как инструмент криминализации деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 2 (58). — С. 83–86.
14. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права : учебник для вузов. — М. : Юрайт, 2002. — 432 с.
15. *Abbot F. F.* A History and Description of Roman Political Institutions. — 3rd ed. — Boston : The Athenaeum Press, 1911. — 451 p.
16. *Bever T.* The History of the Legal Polity of the Roman State; and of the Rise, Progress, and Extent of the Roman Laws. — London, 1781. — 515 p.
17. *Driedger E. A.* Construction of Statutes. — Toronto : Butterworths, 1983. — 385 p.
18. *Gabbay U., 2016,* Akkadian Commentaries and Early Hebrew Exegesis // URL: <https://ccp.yale.edu/introduction/akkadian-hebrew-exegesis> (дата обращения: 17.10.2023).
19. *Schulz F.* History of Roman Legal Science. — Oxford : University Press, 1963. — 375 p.

20. *Sohm R.* The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. 3rd Ed. — Oxford : Clarendon Press, 1907. — 606 p.
21. The Use of Analogy in Criminal Law // *Columbia Law Review*. — 1947. — Vol. 47. No. 4. — P. 613–629.

Материал поступил в редакцию 19 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aristotel. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustroystvo afinyan. — 2-e izd. — M.: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1937. — 254 s.
2. Bibleyskaya entsiklopediya. — M.: Lokid-Press; Ripol klassik, 2005. — 795 s.
3. Biyushkina N. I. Akty tolkovaniya Pravitelstvuyushchego Senata deystvuyushchego zakonodatelstva Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. — 2019. — № 6. — S. 92–98.
4. Vereshchagin A. N. O formakh sudebnogo normotvorchestva v Rossiyskoy imperii // *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. — 2014. — № 11. — S. 4–33.
5. Verkler G. A. Germenevtika: Printsipy i protsess tolkovaniya Biblii. Schaumburg: Gospel Literature Services, 1995. — 177 s.
6. Gadzhiev Kh. I. Sudebnaya ritorika kak faktor effektivnosti pravovoy argumentatsii // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2023. — № 7. — S. 5–20.
7. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo. — M.: Infra-M; Norma, 1996. — 704 s.
8. Matveev A. G. Zashchita prava na naimenovanie sredstva massovoy informatsii // *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost*. — 2021. — № 9. — S. 10–18.
9. Mikhaylovskiy I. V. Osnovnye printsipy organizatsii ugovnogo suda. Ugolovno-politicheskoe issledovanie // *Izvestiya Imperatorskogo universiteta*. — 1905. — № 25. — S. 1–336.
10. Pokrovskiy I. A. Istoriya rimskogo prava. — Minsk: Kharvest, 2002. — 528 s.
11. Rasskazov L. P. Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyy kurs. — M.: Rior: Infra-M, 2015. — 559 s.
12. Savini F. K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. T. 1 / per. s nem. G. Zhigulina; pod red. O. Kutateladze, V. Zubarya. — M.: Statut, 2011. — 510 s.
13. Tyunin V. I., Radoshnova N. V. Analogiya ugolovnogo zakona kak instrument kriminalizatsii deyaniy // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. — 2013. — № 2 (58). — S. 83–86.
14. Cherdantsev A. F. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyy dlya vuzov. — M.: Yurayt, 2002. — 432 s.
15. Abbot F. F. A History and Description of Roman Political Institutions. — 3rd ed. — Boston: The Athenaeum Press, 1911. — 451 p.
16. Bever T. The History of the Legal Polity of the Roman State; and of the Rise, Progress, and Extent of the Roman Laws. — London, 1781. — 515 p.
17. Driedger E. A. Construction of Statutes. — Toronto: Butterworths, 1983. — 385 p.
18. Gabbay U., 2016, Akkadian Commentaries and Early Hebrew Exegesis // URL: <https://ccp.yale.edu/introduction/akkadian-hebrew-exegesis> (data obrashcheniya: 17.10.2023).
19. Schulz F. History of Roman Legal Science. — Oxford: University Press, 1963. — 375 p.
20. *Sohm R.* The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. 3rd Ed. — Oxford: Clarendon Press, 1907. — 606 p.
21. The Use of Analogy in Criminal Law // *Columbia Law Review*. — 1947. — Vol. 47. No. 4. — P. 613–629.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.111-118

М. А. Городилов*

Судебная экспертная деятельность: публично-правовой аспект

Аннотация. Обсуждение поправок к Федеральному закону от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» совпало с принятием Конституционным Судом РФ постановления от 20.07.2023 № 43-П, впервые закрепившего публично-правовой статус судебно-экспертной деятельности. Проблема наделения той или иной профессиональной деятельности публично-правовым статусом имеет не только теоретическое, но и важное прикладное значение, поскольку тесным образом связывается со степенью обоснованного вмешательства государства (либо напрямую — через органы государственной власти, либо посредством подконтрольных им негосударственных институтов в форме саморегулируемых организаций, палат, экзаменационных комиссий и иных квазирегулирующих органов) в деятельность субъектов соответствующего рынка (профессиональную деятельность). В статье анализируются актуальные вопросы, связанные с развитием законодательства о судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза; эксперт; судебный эксперт; судебно-экспертная деятельность; государственное регулирование; саморегулирование; публично-правовой аспект судебно-экспертной деятельности; конституционное право; качество экспертизы; общественная значимость работы эксперта.

Для цитирования: Городилов М. А. Судебная экспертная деятельность: публично-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 111–118. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.111-118.

Forensic Expert Activities: Public Law Aspect

Mikhail A. Gorodilov, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State National Research University, General Director, Chamber of Forensic Expertise ANO, Perm, Russian Federation
gorodilov59@yandex.ru

Abstract. The discussion of amendments to the Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ «On State Forensic Activities in the Russian Federation» coincided with the adoption of the resolution of 20.07.2023 No. 43-P by the Constitutional

---

© Городилов М. А., 2024

* *Городилов Михаил Анатольевич*, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой учета, аудита и экономического анализа Пермского государственного национального исследовательского университета, генеральный директор АНО «Палата судебных экспертиз»
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, Россия, 614990
gorodilov59@yandex.ru

Court of the Russian Federation, which for the first time enshrined the public legal status of forensic activity. The problem of granting particular professional activities a public law status has not only theoretical but also important practical significance. It is due to the fact that it is closely linked to the degree of justified state intervention (either directly, through state authorities, or through non-governmental institutions under their control in the form of self-regulatory organizations, chambers, examination committees and other quasi-regulatory bodies) in the activities of subjects of the relevant market (professional activity). The paper analyzes current issues related to the development of legislation on forensic activities.

Keywords: forensic examination; expert; forensic expert; forensic activities; state regulation; self-regulation; public law aspect of forensic activities; constitutional law; quality of examination; social significance of the expert's work.

Cite as: Gorodilov MA. Forensic Expert Activities: Public Law Aspect. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):111-118. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.111-118.

16 ноября 2023 г. в Комитете по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации состоялось обсуждение проекта поправок к Федеральному закону от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹. К участию в обсуждении, кроме высших законодательных органов, были привлечены специалисты Верховного Суда РФ, представители научного и экспертно-профессионального сообщества. Выступившая на данном мероприятии Е. Р. Россинская верно отметила, что с точки зрения юридической техники представленный к обсуждению законопроект сложно отнести к «поправкам», поскольку объем таких поправок, предложенный ко второму чтению законопроекта в Государственной Думе РФ², оказался настолько существенным (и по объему изменений, и, что самое главное, по их содержательному наполнению), что при их принятии можно будет говорить о принципиально новом законе, который концептуально полностью заменит действующий закон. Представленные Минюстом России поправки к проекту федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», внесенному Правительством РФ

и принятому Государственной Думой в первом чтении 20 ноября 2013 г.³ (далее — Поправки), вызвали живую дискуссию участников обсуждения. И среди многих важных тем *обособленно встал вопрос о публично-правовой значимости судебно-экспертной деятельности как таковой*. Некоторые выступающие отметили, что деятельность судебных экспертов, бесспорно, относится к публично-правовой, что накладывает на них определенные обязанности, продиктованные интересами судебной власти и общества в целом. Другие участники, соглашаясь с данным тезисом, тем не менее призвали не гиперболизировать роль судебных экспертов, а рассматривать выдаваемое ими экспертное заключение как лишь одно из доказательств по делу, не всегда ключевое и поэтому не всегда определяющее исход судебного дела в условиях предоставленной законом процессуально активной стороне возможности приводить критические замечания на экспертное заключение (ст. 12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ, ст. 15 УПК РФ, ст. 14 КАС РФ). Частноправовой аспект здесь также может быть выражен в том, что в рамках одного дела судебному анализу может быть подвергнуто не одно-два, а иногда четыре или пять заключений по итогам разных экспертиз (судебных, внесудебных), что в последнее время стало нормой для

¹ Видеозапись мероприятия «Судебно-экспертная деятельность в гражданском судопроизводстве» представлена в официальной группе Совета Федерации в сети «ВКонтакте»: URL: https://vk.com/video-170206299_456244847 (дата обращения: 27.11.2023).

² Законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Принят в первом чтении 20 ноября 2013 г.

³ URL: <https://srosovnet.ru/content/editor/news/2023/November/Predlagaemye-popravki.docx> (дата обращения: 25.11.2023).

гражданского судопроизводства, и окончательную оценку каждой экспертизе дает суд с учетом мнений сторон, проявляющих ту или иную степень процессуальной активности. При этом и суды разных инстанций, в зависимости от собственного мнения о достоверности той или иной экспертизы, изменяют решение по делу на диаметрально противоположное⁴. По мнению автора, публично-правовая значимость судебно-экспертной деятельности проявляется в том, что, назначая судебную экспертизу и поручая экспертам ответить на поставленные вопросы, суд (как и остальные участники судебного процесса), не обладая специальными познаниями, которыми владеет судебный эксперт, вынужден в определенной степени (где-то в большей, где-то в меньшей) доверять выводам последнего, принимая эти выводы *на веру*. Выводы эксперта, выраженные в форме заключения, зачастую трудно верифицируемы или вообще не проверяемы, а в ряде случаев в ходе экспертизы происходит физическое (химическое) уничтожение (разрушение) материалов, объектов, переданных на исследование, что исключает возможность проведения повторной или дополнительной экспертизы при наличии сомнений в выводах экспертов. И несмотря даже на вполне очевидные несоответствия в выводах эксперта, отраженные в письменных и устных пояснениях лиц, участвующих в деле, — в так называемых рецензиях (правовой статус которых до сих пор не определен), которыми в последнее время изобилуют материалы судебных дел, суд зачастую основывает принимаемый им судебный акт по существу дела на выводах судебного эксперта, «цементируя» его шаблонной формулировкой:

«Не доверять заключению эксперта, предупрежденного об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ, у суда оснований не имеется». В практике встречается множество экспертных ошибок, многие из которых носят вполне очевидный характер (причем они могут быть вызваны не только неверным выбором методики, приводящим к предсказуемо недостоверным результатам, но и простыми арифметическими вычислениями⁵), тем не менее суд придает силу и таким экспертизам.

В научной и специальной литературе данному вопросу также уделено внимание. Так, по мнению Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной, публично-правовой характер судебно-экспертной деятельности выражается в неприятии цели сугубо извлечения прибыли экспертными коммерческими организациями, и в указанном ключе выводы эксперта не могут находиться в какой-либо зависимости от желания и воли заказчика экспертизы, включая суд⁶. Усиление публично-правовой значимости исследуемой деятельности может быть связано и с возрастанием ее роли в судопроизводстве (в первую очередь гражданском), на что справедливо указывают А. Д. Аюпов⁷ и М. С. Чернявская⁸. Одновременно с этим развитие рекламы и агрессивного маркетинга вкупе с понижением качества экспертных услуг, отсутствием какой-либо научно-методической основы производства экспертизы у новоявленных «экспертных» организаций создают угрозу обеспечению справедливого судопроизводства, на что обоснованно указывает Е. Р. Россинская⁹. Исследование рассматриваемой проблемы в контексте сравнительного

---

⁴ См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.10.2023 № 67-КГ23-11-К8 // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2296826 (дата обращения: 27.11.2023).

⁵ Городилов М. А. Экономическая экспертиза. Назначение, проведение и документальное оформление : учеб. пособие М. : Статут, 2023.

⁶ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Негосударственные экспертные учреждения, их правовой статус и организационные формы // Законность. 2009. № 2. С. 28–32.

⁷ Аюпов А. Д. Назначение судебной экспертизы в арбитражном процессе и оценка ее результатов // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11.

⁸ Чернявская М. С. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2.

⁹ Россинская Е. Р. Некоторые проблемы оценки заключения судебной экспертизы судом // Судья. 2021. № 2.

правоведения приводит Т. В. Сахнова, выделяя публично-правовой и частноправовой аспекты в судебно-экспертной деятельности¹⁰. Наконец, признание судебно-экспертной деятельности публично значимой предполагает принятие и правил этики, на что справедливо указывает Н. С. Колесникова¹¹.

Таким образом, *вопрос о публично-правовой значимости судебно-экспертной деятельности (в целом или только в какой-либо части) является весьма актуальным и, как будет отмечено далее, значим не только в целях понимания концептуальной сути предлагаемых Поправок, но и для оценки степени верности предлагаемых в них законодательных новаций*. В связи с этим следует рассмотреть законопроект № 306504-6 сквозь призму судебного акта, принятого в 2023 г. Конституционным Судом РФ по вопросам, связанным с экспертной деятельностью¹².

Вызвавшее широкое обсуждение в экспертном сообществе постановление Конституционного Суда РФ, поставившее точку в вопросе об определении порядка оплаты услуг судебных экспертов в гражданском судопроизводстве, затронуло еще один важный вопрос — о публично-правовой значимости судебной экспертной деятельности. В пункте 2 постановления высший судебный орган конституционного контроля указал: несмотря на то что «назначаемая экспертиза является одним из средств доказывания, а ее результаты не имеют для суда заранее установленной силы и оцениваются им по внутреннему убеждению [частноправовой аспект. — М. Г.]... выводы, сделанные экспертом по результатам исследования, могут иметь решающее значение для вынесения судом по делу законного и обоснованного решения. Поэтому деятельность

эксперта по оказанию содействия правосудию на основании определения суда обладает публично-правовой значимостью [публично-правовой аспект. — М. Г.]».

Проблема наделения той или иной профессиональной деятельности публично-правовым статусом имеет не только теоретическое, но и важное прикладное значение, поскольку тесным образом связывается со степенью обособленного вмешательства государства (либо напрямую — через органы государственной власти, либо посредством подконтрольных им негосударственных институтов в форме саморегулируемых организаций, палат, экзаменационных комиссий и иных квазирегулирующих органов) в деятельность субъектов соответствующего рынка (профессиональную деятельность). В связи с этим небезынтересно, что Поправки предусматривают значительное усиление (на данном этапе — государственного) контроля за деятельностью судебно-экспертных организаций, причем не только государственных, что ранее уже регулировалось через внутриведомственные акты — инструкции, положения, приказы, но теперь и *негосударственных*, а также экспертов именно по причине признания публично-правовой значимости такой деятельности. Предлагаются следующие меры:

— создание правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности (ст. 4);

— нормативно-правовое регулирование судебно-экспертной деятельности, включая утверждение квалификационных требований к должностям руководителей судебно-экспертных организаций и судебных экспертов (ст. 5);

— ограничение на занятие экспертной деятельностью: это могут быть исключительно экс-

¹⁰ Сахнова Т. В. О судебной экспертизе как инструментарию справедливого процесса // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2.

¹¹ Колесникова Н. С. Основные начала профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 36–43.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза»» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307210001> (дата обращения: 25.11.2023).

пертные организации и индивидуальные предприниматели (ст. 1);

— указание для экспертной организации при ее регистрации судебно-экспертной деятельности в качестве основного или дополнительного вида экономической деятельности (ст. 2);

— регистрация в Государственном реестре судебно-экспертных организаций и судебных экспертов, а также ведение соответствующего реестра (ст. 2, 11);

— значительное повышение требований к квалификации судебного эксперта, приобретаемой в результате освоения образовательных программ судебно-экспертного образования и их применения в профессиональной деятельности, наличие которой устанавливается и подтверждается обязательной экспертно-квалификационной аттестацией, проводимой экспертно-квалификационными комиссиями, которые должны быть аккредитованы в уполномоченном федеральном органе исполнительной власти; распространение данных требований как на государственных, так и на негосударственных судебных экспертов (ст. 2, 9, 10);

— проведение мониторинга судебно-экспертной деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и негосударственных судебных экспертов, а также введение системы мер по отношению к нарушителям (ст. 17);

— разработка механизма проверки судебного эксперта на предмет его соответствия квалификационным требованиям к должности судебного эксперта в связи с выявлением неоднократных нарушений порядка производства судебной экспертизы (внеочередная обязательная экспертно-квалификационная аттестация судебного эксперта) (ст. 2);

— возможность привлечения негосударственного судебного эксперта к новой для

него — дисциплинарной либо иной юридической ответственности (ч. 13 ст. 10);

— повышенные требования к стажу работы судебного эксперта (ч. 5 ст. 8) и др.

Признание отдельных сфер профессиональной деятельности публично значимыми и, как следствие, влекущими по отношению к ним повышенные требования со стороны публичных органов власти и (или) саморегулируемых организаций и т.п. институтов в достаточной мере освещено в решениях Конституционного Суда РФ.

Так, в 1998 г. высший судебный орган конституционного контроля сделал вывод о неприемлемости принципа добровольности для членства в таких объединениях, как нотариальные палаты¹³. Вывод обосновывался тем, что *нотариальные палаты имеют публично-правовое предназначение, которое проявляется в осуществлении контроля исполнения нотариумами, занимающимися частной практикой, своих профессиональных обязанностей*.

В 2005 г. Конституционный Суд РФ фактически повторил те же выводы¹⁴. Однако в анализируемом деле речь шла об ином виде предпринимательства — деятельности арбитражных управляющих, утверждаемых арбитражными судами для проведения процедур банкротства. Суть спора была той же: заявитель утверждал, что порядок отбора кандидатур для утверждения в должности арбитражного управляющего, предполагающий обязательность членства в саморегулируемой организации арбитражных управляющих, означает для лиц, не желающих вступать в такую организацию, запрет на осуществление профессиональной деятельности. По мнению заявителя, соответствующее положение Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» должно быть признано не соответствующим ст. 30 Кон-

---

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства РФ о нотариате» // Российская газета. 1998. 28 мая.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // Российская газета. 2005. 28 дек.

ституции РФ. В комментируемом постановлении 2005 г. Конституционный Суд РФ, во многом основываясь на позиции, сформулированной в 1998 г. по отношению к нотариальным палатам, делает вывод о соответствии Основному закону положений российского законодательства о банкротстве, устанавливающих обязательность членства арбитражных управляющих в саморегулируемых организациях. При этом высший судебный орган конституционного контроля, по существу, ссылаясь на *публично-правовой статус функций, выполняемых арбитражными управляющими*. Заметим, что для 2005 г. это было достаточно смелое утверждение, и оно не всеми было воспринято однозначно в позитивном ключе. Вспомним хотя бы особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Конова, приложенное к данному постановлению, в котором он в достаточно резкой форме подверг критике мнение своих коллег. Между тем время доказало верность указанного постулата, и наличие в деятельности арбитражных управляющих признаков публично-правовой значимости уже вряд ли у кого-то вызывает сомнения, поскольку от честности и профессиональной компетентности арбитражных управляющих во многом зависит исход процедуры банкротства в целях достижения баланса интересов участвующих в деле лиц.

Точка зрения о том, что обязательный аудит является инструментом, обеспечивающим экономическую безопасность государства, закреплена в постановлении Конституционного Суда РФ¹⁵: «Необходимость обязательного аудита обусловлена... такими обстоятельствами, которые — в целях защиты прав и законных

интересов других лиц и обеспечения экономической безопасности Российской Федерации — требуют установления повышенных гарантий достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности проверяемых лиц». Именно с этих позиций закрепленный с 2010 г. институт саморегулирования применительно к аудиторской деятельности¹⁶ у участников профессионального рынка сомнений уже не вызывает. При этом новая модель саморегулирования оказалась более жесткой по сравнению с ранее действовавшей моделью государственного регулирования¹⁷ и ее внедрение привело к значительному сокращению числа субъектов рынка. Если до введения нового закона в 2009 г. в России было 6,7 тыс. аудиторских организаций¹⁸, то на 31 декабря 2022 г. их насчитывалось уже 2,4 тыс.¹⁹, т.е. произошло снижение почти в 3 раза.

Вывод. Поправки значительно усиливают степень государственного регулирования судебно-экспертной деятельности, и обусловлено это признанием ее высокой публично-правовой значимости. Нынешняя модель регулирования основана на широкой дискреции, учете сугубо частноправового аспекта и максимальной степени свободы участников рынка по предложению экспертных услуг. Она характеризуется размытостью квалификационных требований к экспертам; отсутствием четких критериев выбора экспертных организаций и экспертов со стороны органов, назначающих экспертизу; отсутствием на государственном уровне единого реестра субъектов рынка, а также четких критериев входа в него и выхода из него; отсутствием механизма контроля качества экспертных услуг и проводимых экспертиз со стороны

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.04.2003 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона “Об аудиторской деятельности” в связи с жалобой гражданки И. В. Выставкиной» // Российская газета. 2003. 9 апр.

¹⁶ Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Федеральный закон от 07.08.2001 № 119-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». (Отменен в связи с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ.)

¹⁸ Состояние рынка аудиторских услуг в Российской Федерации в 2009 г. // URL: <https://www.audit-it.ru/articles/audit/a105/244741.html#31> (дата обращения: 28.11.2023).

¹⁹ Основные показатели рынка аудиторских услуг в Российской Федерации в 2022 г. // URL: https://misba.ru/netcat_files/userfiles/2023/POKAZATELI_AO_za_2022-220423.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

регулятора, а также системы мер по отношению к нарушителям.

В то же время предлагаемая Поправками модель регулирования судебно-экспертной деятельности, по мнению автора, является не вполне устойчивой и поэтому переходной. Следующим этапом станет переход на модель саморегулирования, уже реализованную в оценочной, аудиторской деятельности, деятельности арбитражных управляющих и иных институтов. Как показала практика, деятельность государственных институтов в части регулирования и

особенно контроля за деятельностью субъектов рынка не является высокоэффективной по причине отсутствия достаточных ресурсов для этих целей. Саморегулирование решает вопросы финансового обеспечения: саморегулируемые организации функционируют на взносы своих членов, и именно за счет этих источников средств осуществляются важнейшие функции саморегулируемых организаций по учету членов (в форме реестров), а также «бесплатного для государства» контроля качества услуг, оказываемых субъектами соответствующего рынка²⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аюпов А. Д. Назначение судебной экспертизы в арбитражном процессе и оценка ее результатов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 11.
2. Городилов М. А. Развитие системы нормативно-правового регулирования аудиторской деятельности в Российской Федерации : науч. издание (научная монография). — М. : Финансы и статистика, 2009. — 480 с.
3. Городилов М. А. Экономическая экспертиза. Назначение, проведение и документальное оформление : учеб. пособие — М. : Статут, 2023. — 118 с.
4. Колесникова Н. С. Основные начала профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5. — С. 36–43.
5. Россинская Е. Р. Некоторые проблемы оценки заключения судебной экспертизы судом // Судья. — 2021. — № 2.
6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Негосударственные экспертные учреждения, их правовой статус и организационные формы // Законность. — 2009. — № 2. — С. 28–32.
7. Сахнова Т. В. О судебной экспертизе как инструментарии справедливого процесса // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 2.
8. Чернявская М. С. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 2.

Материал поступил в редакцию 28 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ayupov A. D. Naznachenie sudebnoy ekspertizy v arbitrazhnom protsesse i otsenka ee rezultatov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 11.
2. Gorodilov M. A. Razvitie sistemy normativno-pravovogo regulirovaniya auditorskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: nauch. izdanie (nauchnaya monografiya). — M.: Finansy i statistika, 2009. — 480 s.
3. Gorodilov M. A. Ekonomicheskaya ekspertiza. Naznachenie, provedenie i dokumentalnoe оформlenie: ucheb. posobie — M.: Statut, 2023. — 118 s.

---

²⁰ Городилов М. А. Развитие системы нормативно-правового регулирования аудиторской деятельности в Российской Федерации : науч. издание (научная монография). М. : Финансы и статистика, 2009.

4. Kolesnikova N. S. Osnovnye nachala professionalnoy etiki v sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 5. — S. 36–43.
5. Rossinskaya E. R. Nekotorye problemy otsenki zaklyucheniya sudebnoy ekspertizy sudom // Sudya. — 2021. — № 2.
6. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. Negosudarstvennye ekspertnye uchrezhdeniya, ikh pravovoy status i organizatsionnye formy // Zakonnost. — 2009. — № 2. — S. 28–32.
7. Sakhnova T. V. O sudebnoy ekspertize kak instrumentarii spravedlivogo protsessa // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2019. — № 2.
8. Chernyavskaya M. S. Napravleniya sovershenstvovaniya deyatel'nosti negosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh organizatsiy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — № 2.

Механизмы международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе

Аннотация. В Каспийском регионе сосредоточены огромные запасы нефти и газа. Сложность реализации трансграничных трубопроводных проектов по дну Каспийского моря связана не только с особым правовым статусом данного водоема, но и с различными интересами и политико-правовыми позициями прикаспийских и некаспийских государств. Основной целью статьи является выявление и оценка международно-правовых механизмов, регулирующих строительство и функционирование трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе.

Научная новизна работы заключается в выявлении пробелов и проблем применения положений Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., касающихся трубопроводов, а также в комплексном сравнительно-правовом анализе положений международных договоров, регулирующих строительство и функционирование таких трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе, как нефтепроводы Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса, газопровод «Набукко». Авторы раскрыли значение международного права в реализации трубопроводных проектов в Каспийском регионе, выявили механизмы, позволяющие обеспечить баланс интересов с одной стороны участвующих в таких проектах государств и с другой стороны — государств и операционных партнеров. Результаты исследования могут быть применены при подготовке дополнений к Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. относительно правового режима трубопроводов в Каспийском море, а также проектов соглашений по новым энергетическим проектам в Каспийском регионе и Евразийском регионе в целом.

Ключевые слова: трубопровод; правовой режим трансграничных трубопроводов; Каспийский регион; международное энергетическое сотрудничество; международные договоры; нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан; нефтепровод Баку — Супса; газопровод Набукко; транзит энергоносителей; свобода транзита; международное энергетическое право; международное право.

© Гликман О. В., Мамедов Л. Р., 2024

* Гликман Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
glikman@mail.ru

** Мамедов Лятиф Рустам оглы, аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
latif0170@gmail.com

Для цитирования: Гликман О. В., Мамедов Л. Р. Механизмы международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 119–131. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.119-131.

Mechanisms of International Legal Regulation of Transboundary Pipeline Projects in the Caspian Region

Olga V. Glikman, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law, MGIMO University
glikman@mail.ru

Latif R. Mammadov, Postgraduate Student, Department of International Law, MGIMO University
latif0170@gmail.com

Abstract. The Caspian region contains huge reserves of oil and gas. The complexity of implementing transboundary pipeline projects along the bottom of the Caspian Sea is associated not only with the special legal status of this body of water, but also with the different interests and political and legal positions of the Caspian and non-Caspian states. The main objective of the paper is to identify and assess the international legal mechanisms regulating the construction and operation of transboundary pipelines in the Caspian region.

The scientific novelty of the work lies in identifying gaps and problems in the application of the provisions of the 2018 Convention on the Legal Status of the Caspian Sea concerning pipelines, as well as in a comprehensive comparative legal analysis of the provisions of international treaties regulating the construction and operation of such transboundary pipelines in the Caspian region as the Baku-Tbilisi-Ceyhan and Baku-Supsa oil pipelines and the Nabucco gas pipeline. The authors revealed the importance of international law in the implementation of pipeline projects in the Caspian region, and identified mechanisms that allow for a balance of interests between the states participating in such projects, on the one hand, and the states and operating partners, on the other. The results of the study can be applied in the preparation of amendments to the 2018 Convention on the Legal Status of the Caspian Sea regarding the legal regime of pipelines in the Caspian Sea, as well as draft agreements on new energy projects in the Caspian region and the Eurasian region as a whole.

Keywords: pipeline; legal regime of transboundary pipelines; Caspian region; international energy cooperation; international treaties; Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline; Baku-Supsa oil pipeline; Nabucco gas pipeline; transit of energy resources; freedom of transit; international energy law; international law.

Cite as: Glikman OV, Mammadov LR. Mechanisms of International Legal Regulation of Transboundary Pipeline Projects in the Caspian Region. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):119-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.119-131.

Введение

Каспийский регион, образующий вместе с регионом Персидского залива «мировой энергетический эллипс»¹, отличается богатым энергетическим потенциалом. С международно-правовой точки зрения определение Каспийского региона и состава его участников имеет

первостепенное значение для понимания того, какие трансграничные трубопроводы считать каспийскими или находящимися в Каспийском регионе.

Понятие «Каспийский регион» юридически не закреплено, соответственно, юридически не закреплены и границы данного региона. Специалисты в области международных отно-

¹ Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием. М. : Международные отношения, 2009. С. 7–11.

шений, регионоведения и политологии ведут дискуссии об определении границ Каспийского региона и состава его участников. Существуют две концепции о составе участников Каспийского региона:

1) государствами данного региона являются только пять прибрежных к Каспийскому морю государств — Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан²;

2) к государствам данного региона относятся не только пять прибрежных к Каспийскому морю государств, но и государства, государственные границы которых примыкают к государственным границам государств «Каспийской пятерки»³.

Наиболее юридически корректной представляется первая концепция, поскольку именно прибрежные к Каспийскому морю государства определяли и в настоящее время определяют правовой статус Каспийского моря и режим использования его ресурсов.

Регулирование прокладки трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе — один из ключевых актуальных вопросов международного энергетического сотрудничества, который затрагивает противоречивые геополитические и экономические интересы как каспийских, так и некаспийских государств.

Нормы Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, закрепляющие правовой режим трубопроводов

В Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г.⁴ (далее — Конвенция 2018 г.) трубопроводным вопросам уделено особое значение.

В международно-правовых исследованиях было отмечено, что статья 14, «касающаяся прокладки подводных трубопроводов и кабелей, является наиболее желанной для энергетических аналитиков, поскольку она может существенно изменить варианты поставок газа в Европу»⁵. При этом сделан весьма обоснованный прогноз относительно того, что прокладка подводных трубопроводов по дну Каспийского моря в перспективе может стать проблемой⁶.

Для определения современного правового режима трубопроводов по дну Каспийского моря необходимо учитывать следующие положения Конвенции 2018 г.:

1. В Конвенции используются термины «трубопроводы», «подводные трубопроводы», «подводные магистральные трубопроводы», но соответствующие понятия в документе не закреплены, их соотношение не вполне ясно. Было бы желательно исключить эту правовую неопределенность в тексте Конвенции 2018 г.

2. Акватория Каспийского моря разграничивается на внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство (ст. 5). Для этих целей отдельным соглашением между всеми сторонами должна быть определена методика установления прямых исходных линий. На внутренние воды и территориальные воды распространяется суверенитет прибрежного государства, в рыболовной зоне прибрежное государство обладает исключительным правом на промысел водных биологических ресурсов, общее водное пространство находится в пользовании всех сторон Конвенции (ст. 1). Дно и недра Каспийского моря разграничиваются иначе — на секторы по договоренности сопредельных и противолежащих госу-

² Косов Г. В., Литвишко О. М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. 2015. № 6 (36). С. 114.

³ Жильцов С. С. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений (90-е годы XX века) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. М., 2004. С. 17.

⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561355353> (дата обращения: 01.04.2024).

⁵ Нусенова А. Ж. Правовой статус Каспийского моря: право на недропользование // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). С. 367.

⁶ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // Труды ВНИРО. 2018. № 174. С. 139.

дарств в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр (ст. 1 и 8).

Таким образом, правовой режим пространств Каспийского моря, которые должны быть разделены по двум различным принципам (с одной стороны, применительно к акватории; с другой — ко дну и недрам), существенно различается. При этом правовой режим трубопроводов (участков трубопроводов) Каспийского моря напрямую зависит от правового режима пространств Каспийского моря, в которых расположены данные объекты (участки данных объектов). Однако Конвенция 2018 г. не вступила в силу (ее не ратифицировал Иран), соглашение о методике установления прямых исходных линий до настоящего времени не заключено. Кроме того, Россия, Казахстан и Азербайджан еще до подписания Конвенции 2018 г. заключили соглашения о разграничении дна и недр северной части Каспийского моря на секторы (зоны) посредством двусторонних соглашений, а южная часть дна и недр Каспия до сих пор не разграничена.

3. Стороны вправе прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Каспийского моря (п. 1 ст. 14).

В исследованиях был сделан вывод о том, что «свобода прокладки трубопроводов не является бесспорной»⁷. При этом существуют и иные позиции, согласно которым закрепленный в Конвенции 2018 г. подход не предусматривает согласия всей «Каспийской пятерки»⁸, что для прокладки трубопровода требуется согласование лишь с той стороной, через сектор дна которой пройдет трубопровод и что «формально

это открывает возможность для строительства Транскаспийского газопровода из Туркмении, а также из Казахстана и Узбекистана в Азербайджан»⁹.

Однако из толкования ст. 14 Конвенции 2018 г. следует, что право сторон прокладывать подводные магистральные трубопроводы по дну Каспийского моря не носит абсолютного характера — оно ограничено двумя условиями¹⁰.

Во-первых, согласно п. 2 ст. 14 это право может быть реализовано «при условии соответствия их проектов экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных договорах, участницами которых они являются, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и соответствующие протоколы к ней». При этом также не вступил в силу подписанный в 2018 г. Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря, который закрепляет процедуры оценки воздействия планируемой деятельности, в которых участвуют все прикаспийские государства. Согласно данному Протоколу решения должны приниматься «консенсусом и при наличии сомнений любая из прикаспийских стран может заблокировать прокладку трубопроводов»¹¹.

Во-вторых, в соответствии с п. 3 ст. 14 «определение трассы для прокладки подводных кабелей и трубопроводов осуществляется по согласованию со стороной, через сектор дна которой должен быть проведен подводный кабель или трубопровод». Отсюда следует, что достижение согласия с соответствующим государством является важным условием для реализации проекта по прокладке магистрального трубопровода. В литературе отмечено, что Конвенция 2018 г.

⁷ Толстых В. Л. Международно-правовой режим Каспийского моря: динамика и проблемы квалификации // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 124.

⁸ Мамедов Р. Ф. Международно-правовое содержание и значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (2). С. 188.

⁹ Батырь В. А. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 56.

¹⁰ Молчаков Н. Ю., Гликман О. В. Разведка и разработка нефтегазовых ресурсов в Каспийском море: вопросы правового регулирования // Сравнительная политика. 2022. № 13 (1–2). С. 68.

¹¹ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Указ. соч. С. 139.

исходит из принципа, согласно которому «последнее слово остается за государством-транзитером»¹².

Таким образом, пункт 1 ст. 14 Конвенции 2018 г., не содержащий каких-либо условий реализации права сторон прокладывать подводные трубопроводы, должен толковаться комплексно — вместе с п. 2 и 4 ст. 14, т.е. нужно учитывать ограничения в реализации данного права сторон.

Из пункта 1 ст. 14 Конвенции 2018 г. можно сделать также вывод о том, что некаспийские государства не обладают правом прокладки трубопроводов по дну Каспийского моря. Однако это прямо не закреплено в Конвенции, в связи с чем пункт 1 ст. 14 может толковаться и иначе. Возникает вопрос: вправе ли некаспийское государство заключить международный договор о сотрудничестве в прокладке трубопровода по дну Каспийского моря с некаспийским государством? Иными словами, возможен ли международно-правовой механизм, обеспечивающий участие некаспийского государства в реализации права каспийского государства прокладывать трубопровод по дну Каспийского моря?

4. Согласно п. 2 ст. 12 каждая сторона в пределах своего сектора осуществляет юрисдикцию в отношении «своих подводных кабелей и трубопроводов». В такой формулировке не указано, кто в пределах сектора стороны осуществляет юрисдикцию в отношении иных подводных кабелей и трубопроводов, т.е. «не своих», а проложенных другим каспийским государством. Такой правовой пробел представляется существенным.

5. Пункт 8 ст. 11 закрепляет право стороны принимать в соответствии с положениями Конвенции 2018 г. и другими нормами международного права законы и правила, относящиеся к проходу через территориальные воды, в том числе в отношении защиты трубопроводов. В пункте 4 ст. 14 закреплено также обязательство прибрежного государства сообщать всем

сторонам географические координаты районов прохождения трасс подводных кабелей и трубопроводов в своем секторе, «где не допускается постановка на якорь, ловля рыбы придонными орудиями лова, подводные и дноуглубительные работы и плавание с вытравленной якорь-цепью». Более широких норм о защите трубопроводов как особых объектов в различных пространствах Каспийского моря в Конвенции 2018 г. не содержится.

В литературе уже высказано мнение, что Конвенция 2018 г. должна иметь приложение «Правила по охране подводных кабелей и трубопроводов»¹³. Такая позиция заслуживает поддержки и развития, поскольку трубопроводы в Каспийском море являются объектами, повреждение которых способно причинить существенный ущерб уникальной окружающей среде данного водоема.

Механизмы правового регулирования отдельных трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе

При реализации многих трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе, как и в других регионах Евразийского континента, активно используются нормы международного права. Именно международные договоры, заключаемые между правительствами государств, по территории которых планируется прокладка трансграничного трубопровода, выступают в качестве правовой основы реализации соответствующего проекта. К примеру, международно-правовой основой строительства и эксплуатации Трансанатолийского газопровода из системы газопроводов «Южного газового коридора» выступает *Соглашение между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Турецкой Республики о продаже газа Турецкой Республике, о транзите природного газа из Азербайджанской Республики через*

¹² Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 15.

¹³ Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Указ. соч. С. 140.

территорию Турецкой Республики и строительстве трубопровода для осуществления такого транзита от 25.10.2011¹⁴.

Кроме того, в случае расширения трансграничного трубопровода (прокладки дополнительных участков на территории иного государства, новых веток), заключается международный договор, регулирующий присоединение соответствующего государства. К примеру, Казахстан присоединился к проекту по транспортировке нефти посредством нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан на основании Договора по поддержке и содействию транспортировки нефти из Республики Казахстан через Каспийское море и территорию Азербайджанской Республики на международные рынки посредством системы Баку — Тбилиси — Джейхан, подписанного 16 июня 2006 г.¹⁵

В ряде случаев заключению международного договора о прокладке трубопровода в Каспийском регионе предшествовало заключение международного договора о транспортировке нефти или газа либо о сотрудничестве в области продажи энергоносителей. Так, для реализации проекта по газопроводу Баку — Тбилиси — Эрзурум 12 марта 2001 г. было подписано Соглашение между Турцией и Азербайджанской Республикой о поставке азербайджанского природного газа в Турцию¹⁶, а спустя 6 месяцев, 29 сентября 2001 г., было подписано Соглашение между Азербайджанской Республикой и Грузией о транзите и транспортировке природного газа через территории двух государств посредством Южно-Кавказского

трубопровода и продаже газа на территории Грузии¹⁷.

Одним из механизмов международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов является включение в международный договор не только норм о строительстве трубопровода, но и норм, регулирующих транспортировку нефти или газа. В Каспийском регионе такой механизм был, в частности, предусмотрен в подписанном 20 декабря 2007 г. Соглашении между Правительством Республики Казахстан, Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода¹⁸.

В большинстве случаев строительство и эксплуатация трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе регулируются, с одной стороны, международными договорами государств — участников таких проектов, а с другой стороны, соглашениями между правительствами государств — участников того или иного проекта и операционными партнерами. Ими выступают крупные нефтегазовые компании — юридические лица, чья деятельность связана с вложением инвестиций в строительство и реализацию трубопроводных проектов.

Например, с целью реализации проекта по газопроводу «Набукко» были заключены Соглашение между Австрией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Турцией по газопроводу «Набукко» от 13.07.2009¹⁹ (далее — Соглашение «Набукко») и соглашения между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операцион-

¹⁴ URL: <https://e-qanun.az/framework/24714> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁵ URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000035_ (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁶ Agreement between the Republic of Turkey and the Azerbaijan Republic concerning the delivery of Azerbaijan natural gas to the Republic of Turkey. 12.03.2001 // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁷ Agreement between Georgia and the Republic of Azerbaijan relating to the transit, transportation and Sale of natural gas in and beyond the territories of Georgia and the Azerbaijan Republic through the South Caucasus pipeline system. 29.09.2001 // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁸ URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000160_ (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁹ Agreement among the Republic of Austria, the Republic of Bulgaria, the Republic of Hungary, Romania and the Republic of Turkey regarding the Nabucco Project. 13.07.2009 // URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/RegV/REGV_COO_2026_100_2_559129/COO_2026_100_2_561360.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

ными партнерами²⁰ (BOTAS, Bulgarian Energie Holding, Transgaz, MOL, OMV и RWE, создавшие совместную операционную компанию Nabucco Gas Pipeline International GmbH). Строительство и эксплуатация нефтепровода Баку — Супса регулируются *Соглашением между Азербайджанской Республикой и Грузией о развитии и реконструкции некоторых уже существующих объектов транспортировки нефти, развитии новых объектов для такой цели и транспортировке нефти через такие объекты по территории Грузии на мировые рынки от 08.03.1996*²¹ (далее — Соглашение по нефтепроводу Баку — Супса) и *соглашением между правительством Грузии и операционными партнерами*²² (Amoco Caspian Sea Petroleum Limited, BP Exploration Limited, Delta Nimir Khazar Limited, Den Norske Stats Oljeselskap a.s., Exxon Azerbaijan Limited, Oil Company Lukoil, McDermott Azerbaijan Inc, Pennzoil Caspian Corporation, Ramco Hazar Energy Limited, The Stase Oil Company of the Azerbaijan Republic, Turkiye Petrolleri A. O., Unocal Khazar LTD).

Примечательно, что в ряде случаев нормы, регулирующие отношения между государ-

ствами и операционными партнерами, включаются в текст международного договора в качестве приложения. Например, *Соглашение между Азербайджанской Республикой, Грузией и Турецкой Республикой о транспортировке сырой нефти по территории Азербайджанской Республики, Грузии и Турецкой Республики по магистральному экспортному трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан от 18.11.1999*²³ (далее — Соглашение по нефтепроводу БТД) имеет три приложения — *соглашения между правительствами государств — участников Соглашения по нефтепроводу БТД и операционными партнерами*²⁴ (BP, SOCAR, Chevron, Statoil, TPAO, Total, Eni, Itochu, ExxonMobil, Inpex, ONGC); *Соглашение между Азербайджанской Республикой и Грузией о транзите и транспортировке природного газа через территории двух государств посредством Южно-Кавказского трубопровода и продаже газа на территории Грузии от 29.09.2001* имеет два приложения — *соглашения между правительствами государств — участников Соглашения по Южно-Кавказскому трубопроводу и операционными партнерами*²⁵.

²⁰ URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/Agreements_on_Oil_and_Gas_Pipelines.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

²¹ Agreement between Azerbaijan Republic and Georgia Relating to the Development and Refurbishment of Certain Existing Petroleum Transportation Facilities, the Development of New Petroleum Transportation Facilities, and the transportation of Petroleum via Such Facilities Beyond the Territory of Georgia. 08.03.1996 // URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/Agreements_on_Oil_and_Gas_Pipelines.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

²² Host Government Agreement among the Government of Georgia and the Project Investors // URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/Agreements_on_Oil_and_Gas_Pipelines.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

²³ Agreement among the Azerbaijan Republic, Georgia and the Republic of Turkey relating to the transportation of petroleum via the territories of the Azerbaijan Republic, Georgia and the Republic of Turkey through the Baku-Tbilisi-Ceyhan Main Export Pipeline. 18.11.1999 // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 02.04.2024).

²⁴ Host Government Agreement between and among the Government of Georgia and MEP Participants; Host Government Agreement between and among the Government of Republic of Turkey and MEP Participants; Host Government Agreement between and among the Government of the Azerbaijan Republic and MEP Participants // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 02.04.2024).

²⁵ Host Government Agreement between and among the Government of Georgia and SCP Participants; Host Government Agreement between and among the Government of the Republic of Azerbaijan and SCP Participants // URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/bp-in-azerbaijan/legalagreement.html (дата обращения: 02.04.2024).

Примечательно, что такой механизм сочетания публично-правового и частноправового регулирования сходен с механизмом, предложенным Секретариатом Энергетической хартии (создан на основании Договора к Энергетической хартии, в котором из прикаспийских государств участвуют Азербайджан, Казахстан и Туркменистан²⁶). Секретариат Энергетической хартии в 2008 г. разработал два вида типовых соглашений: Типовое межправительственное соглашение и Типовое соглашение с правительством принимающей страны²⁷. Данные соглашения обладают рекомендательным характером²⁸, «не имеют силы международного договорного обязательства или обязательства, вытекающего из международного обычая»²⁹. Они широко используются в качестве образцов при составлении текстов соглашений для реализации трансграничных трубопроводных проектов.

Уникальной чертой такого механизма является то, что операционные партнеры проектов получают гарантии со стороны государств — участников соглашений³⁰. Таким образом, данные два вида соглашений, дополняя друг друга, исключают разногласия между различными по статусу сторонами, обеспечивая стабильное и взаимовыгодное сотрудничество³¹.

В международные договоры, регулирующие строительство и эксплуатацию трансграничных трубопроводов в Каспийском регионе, зачастую включаются следующие положения.

1. Сотрудничество в области строительства и эксплуатации трансграничных трубопроводов. В преамбулах Соглашения по

нефтепроводу БТД, Соглашения «Набукко», Соглашения по нефтепроводу Баку — Супса и в соглашениях между правительствами государств — участников данных соглашений и операционными партнерами признается желание, готовность и стремление каждого государства — участника трубопроводного проекта привлекать, поощрять и защищать инвестиции операционных партнеров в строительство и эксплуатацию трубопроводов для транспортировки углеводородов, а также желание и готовность операционных партнеров вложить инвестиции в реализацию данных трубопроводных проектов для обеспечения безопасной и бесперебойной транспортировки углеводородов по территориям государств-участников. Таким образом, и государства-участники, и оперативные партнеры берут на себя обязательство по оказанию содействия строительству и эксплуатации трансграничного трубопровода.

2. Регулирование свободы транзита. Гарантия соблюдения принципа свободы транзита, нашедшего отражение в соглашениях, составляющих международно-правовую основу реализации трубопроводных проектов, является фундаментом благоприятного сотрудничества сторон в области строительства трубопроводов³².

В Соглашении по нефтепроводу БТД, Соглашении «Набукко», Соглашении по нефтепроводу Баку — Супса и в соглашениях между правительствами государств — участников данных соглашений и операционными партнерами признается важность обеспечения принципа свободы

²⁶ Участники Договора к Энергетической хартии // URL: <https://www.energychartertreaty.org/treaty/contracting-parties-and-signatories/> (дата обращения: 03.04.2024).

²⁷ URL: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ma2-ru.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).

²⁸ *Gayling-Westphal B.* Intergovernmental Agreements and Host Government Agreements on Oil and Gas Pipelines. A Comparison / Energy Charter Secretariat. 2015. P. 34.

²⁹ *Уршуля М.* Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., С. 81.

³⁰ *Kaya I. S.* Evaluation of Tanap Agreements in Terms of International Law and Expropriation Law // *Bilig*. 2017. № 83. P. 99–104.

³¹ *Gayling-Westphal B.* Op. cit. P. 40.

³² *Leal-Arcas R., Peykova M., Choudhury T., Makhoul M.* Energy Transit: Intergovernmental Agreements on Oil and Gas Transit Pipelines // *Renewable Energy Law and Policy Review*. 2015. № 6 (2). P. 128.

транзита энергоносителей по территории государств-участников. Однако во многих из этих соглашений не раскрывается термин «транзит», несмотря на то что он имеет ключевое значение. В некоторых соглашениях закреплены такие понятия, как «система транспорта» (transportation system) (Соглашение по нефтепроводу БТД), «транспортировка» (transmission) (соглашения между Австрией, Венгрией, Болгарией, Румынией и операционными партнерами газопровода «Набукко»), transportation (Соглашение между Турцией и операционными партнерами газопровода «Набукко»). Д. Азария полагает, что применение в текстах некоторых частноправовых соглашений о трубопроводах термина «транспортировка» вместо термина «транзит» допустимо, и отмечает, что некоторые частные соглашения о трубопроводах содержат общее определение термина «транзит», закрепленного в Конвенции о защите Средиземного моря от загрязнения 1976 г., ст. V Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. и ст. 7 Договора к Энергетической хартии. В других соглашениях используется термин «транспортировка по трубопроводу» вместо термина «транзит». Однако транспортировка по трубопроводу также предполагает транзит в соответствии с понятием транзита согласно Конвенции о защите Средиземного моря от загрязнения 1976 г., Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. или Договора к Энергетической хартии³³.

3. *Предоставление благоприятного налогового режима.* В рассматриваемых соглашениях особое внимание уделено налоговым вопросам — предоставлению благоприятного налогового режима. Во многих анализируемых соглашениях признается важность обеспечения принципа разумности тех или иных сборов и создания благоприятного налогового режима для операционных партнеров (ст. 2 Соглашения по нефтепроводу БТД, ст. 7 Соглашения «Набукко», ст. 1 Соглашения по нефтепроводу Баку — Супса).

Налоговые вопросы (их виды, необходимые документы) в основном более подробно закреп-

ляются в соглашениях между правительствами государств — участников того или иного соглашения по трубопроводному проекту и операционными партнерами.

Операционные партнеры, грузоотправители или иные лица, деятельность которых связана с трубопроводными проектами, а также энергоносители, транспортируемые по трубопроводам, освобождаются от прямого или косвенного налогообложения. Исключения составляют налог на прибыль операционных партнеров и сборы, предусмотренные для получения тех или иных документов.

В некоторых соглашениях есть и иные льготы. Так, в соответствии со ст. 5 Соглашения по нефтепроводу БТД платежи юридических лиц, созданных операционными партнерами нефтепровода за пределами территории прохождения нефтепровода, т.е. за пределами территории Азербайджана, Грузии и Турции, также освобождаются от налогообложения.

В статье 11 Соглашения «Набукко» предусмотрено предоставление государствами-участниками операционным партнерам не менее благоприятного налогового режима, чем тот, который они предоставляют своим гражданам или отечественным юридическим лицам. В соглашениях между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операционными партнерами отдельные положения про налогообложение отсутствуют, но предусмотрено продолжение переговоров по подписанию отдельного соглашения между сторонами по налогам (ст. 21 соглашений между Венгрией, Болгарией, Румынией и операционными партнерами газопровода «Набукко», ст. 22 соглашений между Турцией, Австрией и операционными партнерами газопровода «Набукко»).

При предоставлении благоприятного налогового режима для инвесторов тех или иных проектов необходимо учитывать, что транзитные государства также должны иметь возможность получить экономическую выгоду от энергетического проекта³⁴. С этой точки зрения государства — участники проекта придержива-

³³ Azaria D. *Treaties on transit of energy via pipelines and countermeasures*. Oxford University Press, 2015. P. 30.

³⁴ Gayling-Westphal B. *Op. cit.* P. 83.

ются разумности тех или иных сборов в области транзита энергоносителей, тем самым создавая благоприятные условия для сотрудничества между ними и инвесторами.

4. *Обеспечение безопасности.* В соглашениях по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса особое значение придается обеспечению безопасности трубопроводов, лиц, деятельность которых тем или иным образом связана со строительством и эксплуатацией трубопроводов, а также транспортируемой по ним нефти. В Соглашении «Набукко» не уделено внимания вопросам обеспечения безопасности. Однако в соглашениях между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операционными партнерами стороны взяли на себя обязательство по принятию мер в области обеспечения безопасности трубопровода, газа, транспортируемого по нему, а также лиц, деятельность которых связана с проектом.

5. *Добросовестное выполнение принятых обязательств.* В рассматриваемых соглашениях по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса, газопроводу «Набукко» особая роль отведена также приверженности государств-участников принципу *pacta sunt servanda* и готовности выплатить быструю, эффективную и адекватную компенсацию за любой экономический ущерб, понесенный другой стороной в результате нарушения данного принципа одной из сторон. Кроме того, закрепляются форс-мажорные обстоятельства, исключающие ответственность сторон за нарушение данного принципа: 1) стихийные бедствия; 2) военные операции между государствами, где государства — участники анализируемых соглашений по трубопроводным проектам не выступают в качестве инициатора военных действий; 3) эмбарго, введенное другими государствами.

6. *Стандарты.* В рассматриваемых соглашениях по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Супса, газопроводу «Набукко» предусмотрено сотрудничество сторон в области принятия специальных технических и экологических стандартов, а также стандартов безопасности при реализации тех или иных проектов. Этот аспект важен, поскольку такие стандарты, закрепленные в нормативных правовых

актах прикаспийских государств, существенно различаются.

7. *Урегулирование споров.* Соглашениями по нефтепроводам Баку — Тбилиси — Джейхан, Баку — Супса и газопроводу «Набукко» предусмотрены два механизма урегулирования споров.

Первый механизм касается урегулирования споров между государствами-участниками. Он включает в себя рассмотрение споров специальной комиссией, в которую входят один (ст. 6 Соглашения по нефтепроводу Баку — Супса) или два (иные соглашения) представителя от каждого государства-участника. Если спор не будет урегулирован дипломатическим путем или комиссией, то государства-участники сохраняют за собой право передать спор на рассмотрение арбитражного суда *ad hoc* в соответствии со ст. 27 Договора к Энергетической хартии. Решения арбитражного суда *ad hoc* обязательны для сторон.

Второй механизм предназначен для урегулирования споров между правительствами государств-участников и операционными партнерами. В анализируемых соглашениях предусмотрено три варианта урегулирования таких споров:

1) рассмотрение спора Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) в соответствии с Вашингтонской конвенцией МЦУИС 1965 г. и Арбитражным регламентом МЦУИС (например, в соответствии со ст. 17 соглашений между правительствами государств — участников Соглашения по нефтепроводу БТД и операционными партнерами);

2) вынесение решения по спору в соответствии с Арбитражным регламентом Международной торговой палаты — если спор не может быть рассмотрен в арбитражном порядке МЦУИС (например, в соответствии со ст. 17 соглашений между правительствами государств — участников Соглашения по нефтепроводу БТД и операционными партнерами, ст. 35 соглашений между государствами — участниками Соглашения «Набукко» и операционными партнерами);

3) вынесение решения по спору в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ от 1976 г. (например, в соответствии со ст. 13

Соглашения между Грузией и операционными партнерами нефтепровода Баку — Супса).

Выводы

Таким образом, реализация ряда рассмотренных трубопроводных проектов в Каспийском регионе подтверждает значительную роль международного права в регулировании международного энергетического сотрудничества³⁵, обеспечении интересов не только государств — участников трубопроводных проектов, но и операционных партнеров (нефтегазовых компаний).

Выявленные юридические факты (невступление в силу Конвенции 2018 г. и Протокола по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря 2018 г.) и правовые пробелы Конвенции 2018 г. свидетельствуют о том, что правовой режим трансграничных трубопроводов по дну Каспийского моря на данный момент окончательно не сформировался и соответствующие нормы нуждаются в развитии.

Представляется, что необходимо в дополнительном протоколе к Конвенции 2018 г. комплексно, учитывая различия в правовом режиме пространств Каспийского моря, урегулировать вопросы прокладки трубопроводов в Каспийском море, юрисдикции в отношении данных

объектов, их защиты и обеспечения безопасности, правила ремонта и поддержания в исправности трубопроводов. Особое внимание необходимо уделить понятийному аппарату.

Механизмы правового регулирования отдельных трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе включают: заключение международных договоров государствами — участниками проектов о строительстве, транспортировке нефти или газа, присоединение государств (в случае расширения проекта); заключение соглашений между государствами — участниками проектов (их правительствами) и операционными партнерами; установление правовой взаимосвязанности между данными видами правовых актов посредством международных договоров; обеспечение свободы транзита; предоставление благоприятного для операционных партнеров налогового режима; регулирование принятия стандартов; механизм урегулирования споров и др. Механизмы правового регулирования трубопроводных проектов, примененные в Каспийском регионе, способствуют долгосрочному сотрудничеству государств и операционных партнеров, обеспечению рентабельности трубопроводных проектов и могут быть учтены в процессе подготовки и реализации новых трубопроводных проектов в Каспийском регионе и других регионах. Они подтверждают большую роль международного права в реализации трансграничных трубопроводных проектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батырь В. А. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря // *Lex russica*. — 2019. — № 9 (154). — С. 51–62.
2. Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // *Труды ВНИРО*. — 2018. — № 174. — С. 129–142.
3. Гликман О. В. Тенденции развития источников международного энергетического права // *Международное право : учебник для аспирантуры*. — М. : Издательство РУДН, 2022. — 431 с.
4. Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием. — М. : Международные отношения, 2009. — 200 с.
5. Жильцов С. С. Каспийский регион как геополитическая проблема современных международных отношений (90-е годы XX века) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. — Москва, 2004. — 335 с.

³⁵ См. подробнее: Гликман О. В. Тенденции развития источников международного энергетического права // *Международное право : учебник для аспирантуры*. М. : Издательство РУДН, 2022. С. 400–428.

6. Косов Г. В., Литвишко О. М. Каспийский регион в системе международных регионов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. — 2015. — № 6 (36). — С. 111–117.
7. Мамедов Р. Ф. Международно-правовое содержание и значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12.08.2018 // Проблемы постсоветского пространства. — 2019. — № 6 (2). — С. 175–194.
8. Молчаков Н. Ю., Гликман О. В. Разведка и разработка нефтегазовых ресурсов в Каспийском море: вопросы правового регулирования // Сравнительная политика. — 2022. — № 13 (1–2). — С. 58–79.
9. Нусенова А. Ж. Правовой статус Каспийского моря: право на недропользование // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2020. — № 1 (59). — С. 364–369.
10. Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. — 2020. — № 1. — С. 9–19.
11. Толстых В. Л. Международно-правовой режим Каспийского моря: динамика и проблемы квалификации // Международное правосудие. — 2024. — Т. 14. — № 1 (49). — С. 110–135.
12. Уршуля М. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.10. — М., 2016. — 198 с.
13. Azaria D. Treaties on transit of energy via pipelines and countermeasures. — Oxford University Press, 2015. — 336 p.
14. Gayling-Westphal B. Intergovernmental Agreements and Host Government Agreements on Oil and Gas Pipelines. A Comparison / Energy Charter Secretariat. — 2015. — 846 p.
15. Kaya I. S. Evaluation of Tanap Agreements in Terms of International Law and Expropriation Law // Bilig. — 2017. — № 83. — P. 99–119.
16. Leal-Arcas R., Peykova M., Choudhury T., Makhoul M. Energy Transit: Intergovernmental Agreements on Oil and Gas Transit Pipelines // Renewable Energy Law and Policy Review. — 2015. — № 6 (2). — P. 122–162.

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Batyr V. A. Sbalansirovannyi sovremennyyi osobyi mezhdunarodno-pravovoy status Kaspiyskogo morya // Lex russica. — 2019. — № 9 (154). — S. 51–62.
2. Bekyashev K. A., Bekyashev D. K. Novyy mezhdunarodno-pravovoy rezhim Kaspiyskogo morya // Trudy VNIRO. — 2018. — № 174. — S. 129–142.
3. Glikman O. V. Tendentsii razvitiya istochnikov mezhdunarodnogo energeticheskogo prava // Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya aspirantury. — M.: Izdatelstvo RUDN, 2022. — 431 s.
4. Zhiltsov S. S., Zonn I. S. SShA v pogone za Kaspiem. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. — 200 s.
5. Zhiltsov S. S. Kaspiyskiy region kak geopoliticheskaya problema sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy (90-e gody XX veka): dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.04. — Moskva, 2004. — 335 s.
6. Kosov G. V., Litvishko O. M. Kaspiyskiy region v sisteme mezhdunarodnykh regionov // Vestnik VolGU. Seriya 4, Istoriya. — 2015. — № 6 (36). — S. 111–117.
7. Mamedov R. F. Mezhdunarodno-pravovoe sodержanie i znachenie Konventsii o pravovom statuse Kaspiyskogo morya ot 12.08.2018 // Problemy postsovetского prostranstva. — 2019. — № 6 (2). — S. 175–194.
8. Molchakov N. Yu., Glikman O. V. Razvedka i razrabotka neftegazovykh resursov v Kaspiyskom more: voprosy pravovogo regulirovaniya // Sravnitel'naya politika. — 2022. — № 13 (1–2). — S. 58–79.
9. Nusenova A. Zh. Pravovoy status Kaspiyskogo morya: pravo na nedropolzovanie // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. — 2020. — № 1 (59). — S. 364–369.
10. Tolstykh V. L. Pravovoy rezhim Kaspiyskogo morya po Konventsii 2018 g. i interesy prikaspiyskikh gosudarstv // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 1. — S. 9–19.

11. Tolstykh V. L. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim Kaspiyskogo morya: dinamika i problemy kvalifikatsii // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2024. — Т. 14. — № 1 (49). — С. 110–135.
12. Urshulya M. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim transgranichnykh truboprovodov: dis. ... kand. yurid. nauk.: 12.00.10. — М., 2016. — 198 s.
13. Azaria D. Treaties on transit of energy via pipelines and countermeasures. — Oxford University Press, 2015. — 336 p.
14. Gayling-Westphal B. Intergovernmental Agreements and Host Government Agreements on Oil and Gas Pipelines. A Comparison / Energy Charter Secretariat. — 2015. — 846 p.
15. Kaya I. S. Evaluation of Tanap Agreements in Terms of International Law and Expropriation Law // Bilig. — 2017. — № 83. — P. 99–119.
16. Leal-Arcas R., Peykova M., Choudhury T., Makhoul M. Energy Transit: Intergovernmental Agreements on Oil and Gas Transit Pipelines // Renewable Energy Law and Policy Review. — 2015. — № 6 (2). — P. 122–162.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.132-141

В. Б. Агафонов*

ESG-принципы и гринвошинг: правовые проблемы дифференциации

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем соотношения принципов ESG и такого негативного явления, как гринвошинг. Отмечается, что появление и широкое использование таких потенциально привлекательных для инвесторов и потребителей понятий, как «устойчивое развитие», «зеленое развитие», способствуют распространению гринвошинга, вводя потребителей, экспертов и даже специалистов контролирующих органов в заблуждение. В настоящее время гринвошинг достаточно подробно изучен в современной науке, детально описаны его основные методы, а также способы борьбы с ним. Наиболее комплексно механизм противодействия гринвошингу разработан в аграрном законодательстве и законодательстве в области производства органической продукции. Однако крупные компании, которые позиционируют себя как экологически ответственные, заявляя о приверженности стандартам ESG, продолжают вводить потребителей в заблуждение, используя механизм гринвошинга. С целью создания правовых инструментов противодействия гринвошингу в статье проводится анализ критерия environmental ESG, представленного в виде совокупности трех основных базовых принципов (принцип сохранения / предотвращения / избежания, принцип повторного использования / хранения, принцип замещения / компенсации). Применение данных принципов в качестве стандарта оценки в отношении экологической политики любой компании, производящей продукцию, выполняющей различные виды работ или оказывающей различные услуги, может в достаточной степени определить, придерживается ли компания принципов и критериев ESG, либо она использует механизм гринвошинга.

Ключевые слова: устойчивое развитие; зеленая экономика; гринвошинг; ESG-факторы; органическая продукция; природоподобные технологии; экономика замкнутого цикла; механизм расширенной ответственности производителей; энергосбережение; энергетическая эффективность; компенсационные меры.

Для цитирования: Агафонов В. Б. ESG-принципы и гринвошинг: правовые проблемы дифференциации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 132–141. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.132-141.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Агафонов В. Б., 2024

* Агафонов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Vagafonoff@mail.ru

ESG Principles and Greenwashing: Legal Issues of Differentiation

Vyacheslav B. Agafonov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
Vagafonoff@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the problems of the relationship between ESG principles and such a negative phenomenon as greenwashing. It is noted that the emergence and widespread use of such potentially attractive concepts for investors and consumers as «sustainable development» and «green development» contribute to the spread of greenwashing, misleading consumers, experts, and even regulatory authorities. Currently, greenwashing has been studied in sufficient detail in modern science; its main methods, as well as ways to combat it, have been described in detail. The most comprehensive mechanism for combating greenwashing has been developed in agricultural legislation and legislation in the field of organic production. However, large companies that position themselves as environmentally responsible, declaring their commitment to ESG standards, continue to mislead consumers using the greenwashing mechanism. In order to create legal instruments to combat greenwashing, the paper analyzes the environmental ESG criterion, presented as a set of three main basic principles (the principle of conservation/prevention/avoidance, the principle of reuse/storage, the principle of substitution/compensation). Applying these principles as a standard of assessment for the environmental policies of any company producing products, performing various types of work or providing various services can sufficiently determine whether the company adheres to the ESG principles and criteria or whether it is using the greenwashing mechanism.

Keywords: sustainable development; green economy; greenwashing; ESG factors; organic products; nature-like technologies; closed-loop economy; extended producer responsibility mechanism; energy saving; energy efficiency; compensatory measures.

Cite as: Agafonov VB. ESG Principles and Greenwashing: Legal Issues of Differentiation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):132-141. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.132-141.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Теория устойчивого развития, зародившаяся еще в 60–70-х гг. XX в. на основе поиска баланса между двумя диаметрально противоположными концепциями — концепцией потребительского отношения к природе и концепцией невмешательства в природу, впервые поставила вопрос о будущем человечества, что, в свою очередь, сформировало теоретическую и научную базу для последующего развития и осмысления, а также создало объект для общественных обсуждений и дискуссий.

За последние годы концепция устойчивого развития получила широкое распространение в международном и национальном законодательстве, в деловых кругах и в обществе в целом. Интенсивное развитие и расширение областей применения «зеленых» технологий, масштабная «экологизация» всех сфер общественной

жизни способствует переосмыслению обществом экологических стандартов и ценностей, одновременно формируется новая экологическая культура, происходит постепенное принятие человеком новых правил экологически ответственного поведения, а также осознание той степени негативного воздействия, которая оказывала и оказывает хозяйственная и иная деятельность на климат, окружающую среду в целом, отдельные природные экосистемы и здоровье человека.

Как справедливо отмечала С. А. Липина, «все современные экономические процессы зарубежных экономически развитых стран в силу сложившейся экологической ситуации сопровождаются “экологическими инновациями” или “зелеными решениями”, данный прогрессивный фактор изменений в экономике и обществен-

ных отношениях является глобальным и носит всеобщий характер»¹. При этом «фактор преобразований эколого-ориентированного типа в экономике связан во многом с климатической повесткой в части борьбы с глобальным потеплением и снижением эмиссии техногенного углекислого газа. В мировой практике можно наблюдать создание эффективных институтов, механизмов, критериев ESG (environmental — окружающая среда, social — социальная среда, governance — управление) для поддержания экологических, климатических инновационных инициатив»².

Принципы устойчивого развития «фактически трансформировались в ESG (environmental — social — governance) стандарты качества предприятия с учетом современных трендов экологического, социального и управленческого развития, поэтому ESG-принципы и разработанные на их основе ESG-стандарты активно используются в зарубежной деловой практике ведения хозяйственной или инвестиционной деятельности»³. «ESG-принципы стали сегодня некоей моделью устойчивого развития бизнеса, за счет которой достигаются цели вовлеченности компаний в решение экологических, социальных и управленческих задач. Они обладают не только векторным эффектом, но и регуляторным, репутационным, а также оказывают всё большее влияние на международный бизнес в самых разных отраслях»⁴.

Одновременно с масштабной экологизацией всех сфер хозяйственной и иной деятельности актуальность приобретает такое негативное явление, как гринвошинг (greenwashing), — форма экологического маркетинга, в которой используются способы и методы, позволяющие ввести потребителей в заблуждение относительно степени экологичности продукции, работы или услуги организации.

Появление и широкое использование потенциально привлекательных для инвесторов и потребителей понятий: «устойчивое развитие», «зеленое развитие», «зеленая экономика», «зеленое строительство», «декарбонизация», «предприятие с нулевым углеродным следом (углеродно-нейтральное предприятие)», «предприятие, использующее “природоподобные технологии”», «экономика замкнутого цикла», «шеринговая экономика (экономика совместного потребления)», «зеленые фермы» и др. — только способствует распространению гринвошинга, вводя в заблуждение потребителей, экспертов и даже специалистов контролирующих органов.

Гринвошинг достаточно подробно изучен в современной науке, детально описаны его основные методы, в также способы борьбы с ним⁵.

Наиболее комплексно механизм противодействия гринвошингу разработан в аграрном законодательстве и законодательстве в области производства органической продукции, одна-

¹ Липина С. А. ЦУР ООН и ESG: международная и российская повестка // МИСИС. 14.12.2022. Открытое образование. ESG-управление бизнесом. URL: openedu.ru.

² Подробнее см.: Закондырин А. Е., Липина С. А. Экологические концепции: сравнительный анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 7–14. EDN: AENKJJ ; Зеленая экономика: управление развитием. Стратегия и тактика / С. А. Липина, Е. В. Кудряшова, Е. В. Агапова [и др.]. Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022. ISBN: 978-5-261-01570-3. EDN: WUACAN.

³ Агафонов В. Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5 (93). С. 46–58. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.046-058. EDN: TUFTYW.

⁴ См.: Мажорина М. В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 185–198. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.185-198.

⁵ См.: Кожевина О. В. Проблемы гринвошинга и недобросовестной коммерческой практики субъектов предпринимательства в условиях зеленой экономики // Конкурентное право. 2022. № 4. С. 12–15. DOI: 10.18572/2225-8302-2022-4-12-15 ; Абросимова Ю. А., Быкова К. В., Бобрешова И. В. Экологический маркетинг: осуществление «зеленых» стратегий или гринвошинг // Экономика устойчивого развития. 2021.

ко и здесь отмечаются проблемы. Например, Н. П. Воронина указывала: «Необходимо внесение изменений в ч. 2 ст. 7 Федерального закона “Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, предусматривающих возможность использовать при маркировке органической продукции также слова “экологический”, “биодинамический”, их сокращения или слова, производные от этих слов, обозначения “эко”, “био”»⁶.

Но если в отношении органической продукции проблему удалось выявить и скоро она будет полностью решена на законодательном уровне, то как быть с крупными компаниями, которые позиционируют себя экологически ответственными, придерживающимися стандартов ESG и продолжают вводить потребителей в заблуждение, используя механизм гринвошинга?

На решение проблем своевременного выявления и предупреждения распространения гринвошинга направлены усилия не только законодательных органов власти, но и многих экологически ответственных российских компаний, стремящихся использовать наилучшие технологии при производстве качественной и безопасной продукции.

В юридической науке выделено множество критериев и особенностей гринвошинга в различных сферах хозяйственной и иной деятельности. Систематизировав их, следует назвать основные признаки гринвошинга:

- 1) акцент делается на решении какой-либо одной экологической проблемы за счет сокрытия других проблем, существующих у организации;
- 2) организация заявляет об экологичности продукции, работы или услуги, которая изначально является экологичной;
- 3) организация заявляет об экологичности продукции, работы или услуги, которая изначально не является экологичной;

4) организация не конкретизирует, в чем заключается экологичность ее продукции, работы или услуги и/или не может это доказать;

5) организация использует двойственные подходы к экологической характеристике продукции, работы или услуги;

6) для подтверждения экологичности продукции, работы или услуги привлекаются независимые внешние субъекты, которые соответствующие исследования не проводили;

7) организация использует яркие экологические логотипы, дизайнерские решения, привлекает к рекламе известных ученых-экологов, использует в рекламе образы красивых животных, птиц, водных биологических ресурсов;

8) делаются заведомо ложные заявления о проведении независимой внешней сертификации, лицензирования производства продукции, контроля качества;

9) в описании экологических свойств и состава продукции используются наименования веществ, компонентов, не являющихся экологичными или не существующих в природе.

Аналогичным образом достаточно подробно в научной литературе описаны принципы и критерии ESG. Систематизировав их, критерий «environmental» ESG можно условно представить в виде совокупности трех основных базовых принципов:

- 1) принцип сохранения/предотвращения/избежания;
- 2) принцип повторного использования / хранения;
- 3) принцип замещения/компенсации.

Применение данных принципов в качестве стандарта оценки экологической политики любой компании, производящей продукцию, выполняющей работы или оказывающей услуги, поможет в достаточной степени определить, действительно ли компания придерживается принципов и критериев ESG либо использует механизм гринвошинга.

№ 4 (48). С. 240–243 ; Соколова К. В. Использование слов «эко», «био», «органик» в товарных знаках: коллизии правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2022. № 5. С. 49–56.

⁶ Воронина Н. П. Гринвошинг: правовой механизм противодействия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 3. С. 28–36. URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.103.3.028-036>.

Рассмотрим данные принципы более подробно с позиции наличия законодательно закрепленных механизмов их реализации с целью создания правовых инструментов противодействия гринвошингу.

1. Принцип сохранения/предотвращения/избежания

Принцип сохранения/предотвращения/избежания обеспечивается посредством проведения организацией комплекса мер по повышению экологической эффективности, а также реализации мер, связанных с технологическим переходом, использованием новых видов топлива, новых источников энергии.

В целом направление энергосбережения предусматривает модернизацию предприятий, генерирующих электрическую и тепловую энергию, заключение энергосервисных контрактов, договоров концессии, строительство электростанций на возобновляемых источниках энергии. Для обычных предприятий примером энергосбережения может быть установка светодиодного освещения, приборов учета, замена обычной энергии, производимой из традиционных видов энергоресурсов, энергией из возобновляемых источников (водородная энергетика, биотопливо), внедрение системы мониторинга и управления энергопотреблением в целях его снижения, оптимизация энергоэффективности зданий, строений, сооружений и используемого оборудования, установка системы вентиляции с рекуперацией тепла и т.д.

Отметим, что для предприятия следование принципам энергосбережения и повышения энергетической эффективности также будет способствовать и достижению целей климатической повестки, установленной Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов

парниковых газов до 2050 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р⁷, Федеральным законом от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁸, а также новой Климатической доктриной Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 26.10.2023 № 812⁹, посредством уменьшения как прямого, так и косвенного углеродного следа в результате технологической модернизации, оптимизации технологических процессов, замены оборудования, генерирующего высокие уровни выбросов загрязняющих веществ, на новые низкоуглеродные технологии.

Безусловным показателем следования ESG-повестке для предприятия является использование природоподобных технологий. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145¹⁰, переход к развитию природоподобных технологий указан в качестве приоритетного направления научно-технологического развития Российской Федерации.

В настоящее время комплексное понятие «природоподобные технологии» содержится в проекте указа Президента РФ «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий»¹¹, подготовленном Минобрнауки РФ (ID проекта 01/03/06-22/00128578), однако по состоянию на 1 марта 2024 г. данная Стратегия не была утверждена. Согласно данной Стратегии под природоподобными технологиями следует понимать «технологии, воспроизводящие системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот». Инструментарием для создания природоподобных технологий выступают так называемые конвергентные НБИКС-технологии (к ним, в частности, относятся нано-, био-, информационные, когнитивные, социогуманитарные технологии, однако, как указывается в

⁷ СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7556.

⁸ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

⁹ СЗ РФ. 2023. № 44. Ст. 7865.

¹⁰ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 28.02.2024.

¹¹ URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 14.06.2022).

самой Стратегии, данный перечень не является исчерпывающим и впоследствии может быть расширен).

Результатом реализации данного направления является создание в будущем «природоподобной техносферы» — части ноосферы, созданной человеком на базе природоподобных технологий. Смысл создания природоподобной техносферы состоит в восстановлении естественного самосогласованного ресурсооборота — своеобразного обмена веществ природы, нарушенного сегодняшними технологиями, вырванными из естественного природного контекста, и в превращении природы в непосредственную производительную силу.

В качестве примеров природоподобных технологий следует назвать применение «политена» (материала, который крепится к стеклянной поверхности панелей солнечных батарей для повышения показателей захвата света), вертикальные сельскохозяйственные фермы, искусственное мясо, аэродинамические формы летательных аппаратов, бионические протезы, космическое производство кристаллов для лазеров и т.д.

Принцип сохранения/предотвращения/избежания может быть реализован не только посредством рассмотренного выше комплекса мероприятий, но и, например, путем оптимизации компанией логистической сети в целях минимизации транспортных расходов; оптимизации поставок материалов и ресурсов посредством выбора новых форм транспортировки (замена перевозки автотранспортом железнодорожными или морскими способами перевозки), использования технологии 3D-печати для минимизации использования ресурсов и материалов и т.д.

2. Принцип повторного использования / хранения

Принцип повторного использования / хранения предусматривает для предприятия возможности переработки и повторного производства, а

также хранения с возможностью последующего использования.

В первую очередь данный принцип включает ряд целевых показателей, определяющих, насколько компания экологична в решении вопросов, связанных с обращением с отходами производства и потребления. Это может выражаться посредством внедрения системы закрытого цикла для переработки образующихся отходов и создания возможностей для воспроизводства отдельной продукции, а также путем производства эквивалента нового продукта посредством повторного использования компонентов, бывших в употреблении, а также возвращенных продуктов (повторное производство).

Большую роль в обеспечении охраны окружающей среды играют новые экспериментальные экономические механизмы в области обращения с отходами — механизм расширенной ответственности производителей, отдельный сбор и переработка твердых бытовых отходов региональными операторами, а также механизм перехода к экономике замкнутого цикла.

Под расширенной ответственностью производителя в соответствии со ст. 24.2 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»¹² понимается механизм экономического регулирования, согласно которому производители товаров (юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие производство товаров, упаковки на территории Российской Федерации), а также импортеры товаров (юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие ввоз товаров, в том числе товаров в упаковке, из государств, не являющихся членами Евразийского экономического союза, или ввоз товаров из государств — членов Евразийского экономического союза) обязаны обеспечивать утилизацию отходов от использования товаров в соответствии с нормативами утилизации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 29.12.2023 № 2414 «Об утверждении перечней товаров, упаковки, отходы от использования которых подлежат утилизации, и

---

¹² СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

нормативов утилизации отходов от использования товаров, упаковки»¹³. Практика реализации данного экономического механизма в области обращения с отходами в Российской Федерации только начинает складываться, однако она уже имеет позитивный экономический эффект.

В настоящее время на стадии общественного обсуждения находится проект нового федерального закона «Об экономике замкнутого цикла», принятие которого должно также оказать существенное влияние на переход к «зеленой экономике» и реализации принципа повторного использования / хранения ESG-повестки.

Со вступлением в силу федерального закона «Об экономике замкнутого цикла» у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей появится возможность выбора правового режима:

- если в результате производственного процесса будут образовываться отходы, обращение с ними будет регламентироваться Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»;

- если в результате производственного процесса будет образовываться вторичное сырье, обращение с ним будет регулироваться специальным федеральным законом «Об экономике замкнутого цикла».

В целом экономика замкнутого цикла — это социо-эколого-экономическая модель, предусматривающая применение наилучших доступных технологий, в том числе технологий ресурсосбережения, ведение экономически и экологически эффективного производства и потребления, позволяющая достичь устойчивого развития, при которой вторичные ресурсы и сырье рационально используются и возвращаются в хозяйственный оборот и биосферные циклы, а негативное воздействие на окружающую среду сводится к минимуму.

Для реализации экономики замкнутого цикла планируется применить комплекс циркулярных бизнес-моделей:

- модель циклической поставки (круговые цепочки добавленной стоимости);

- модель продления срока службы (жизненного цикла);

- модель шеринга (совместное потребление), предусматривающая увеличение количества оборотов утилизации отходов, а также повторный ввод в промышленную эксплуатацию вторичного сырья из отходов (по видам отходов).

Предполагается, что переход экономики Российской Федерации на экономику замкнутого цикла позволит обеспечить достижение целевого показателя «Создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами, обеспечивающей сортировку отходов в объеме 100 % и снижение объемов отходов, направляемых на полигоны, в 2 раза» национальной цели развития Российской Федерации «Комфортная и безопасная среда для жизни», определенной Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹⁴.

Следует также отметить, что принцип повторного использования / хранения применим не только к сфере обращения с отходами производства и потребления. Например, в настоящее время создана правовая основа размещения углекислого газа в подземные пласты¹⁵. С 1 сентября 2024 г. вступает в силу приказ Минприроды России № 489, Роснедр № 08 от 07.08.2023 «Об утверждении Порядка осуществления на основании проектной документации, предусмотренной статьей 23.2 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 “О недрах”¹⁶, строительства и эксплуатации подземных со-

¹³ СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. III). Ст. 273.

¹⁴ СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

¹⁵ См.: Агафонов В. Б. Эколого-правовое обеспечение реализации пилотного проекта по созданию карбоновых полигонов и карбоновых ферм // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 3 (103). С. 17–27.

¹⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 834.

оружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, в том числе для размещения углекислого газа (за исключением подземных сооружений для захоронения отходов производства и потребления I–V классов опасности), пользователями недр, осуществляющими разведку и добычу полезных ископаемых или по совместной лицензии геологическое изучение, разведку и добычу полезных ископаемых (за исключением общераспространенных полезных ископаемых), в границах предоставленных им в соответствии с Законом Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 “О недрах” участков недр»¹⁷.

Отметим, что размещение углекислого газа в подземные пласты не является самостоятельным видом пользования недрами и осуществляется пользователем недр в границах предоставленного ему в соответствии с Законом РФ «О недрах» участка недр для целей строительства и эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых (за исключением подземных сооружений, используемых для захоронения отходов производства и потребления I–V классов опасности).

3. Принцип замещения/компенсации

Принцип замещения/компенсации как принцип следования ESG-повестке может быть использован в случае, когда компания уже «полностью возместила экологический вред, предусмотренный действующим законодательством, однако за счет собственных или привлеченных средств проводит комплекс дополнительных природоохранительных мероприятий, направленных на восстановление нарушенного состояния природной среды (данная деятельность по восстановлению осуществляется добровольно пред-

приятием, причинившим вред, всегда за счет собственных/привлеченных средств, и всегда при этом компания несет убытки)»¹⁸.

Например, это может быть реализовано посредством зачета выбросов вредных загрязняющих веществ в атмосферный воздух путем проведения компенсационных мер, например путем восстановления лесных лесонасаждений, строительства метрополитена и даже выдачи бесплатных медицинских путевок гражданам, однако в настоящее время практика применения компенсационных мер приостановлена. Ранее данная практика была официально использована в экспериментальном режиме в городах — участниках эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ в части снижения загрязнения атмосферного воздуха согласно Федеральному закону от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха»¹⁹, согласно постановлению Правительства РФ от 24.12.2019 № 1792 «Об утверждении требований к перечню компенсационных мероприятий, направленных на улучшение качества атмосферного воздуха на каждой территории эксперимента по квотированию выбросов на основе сводных расчетов загрязнения атмосферного воздуха»²⁰, однако постановлением Правительства РФ от 19.08.2023 № 1353²¹ постановление Правительства РФ о компенсационных мероприятиях было признано утратившим силу.

Следует также отметить, что большую роль в формировании ESG-повестки для предприятия в отношении всех рассмотренных выше принципов играет возможность выполнения критериев устойчивого (зеленого) развития, утвержденных постановлением Правительства РФ от

---

¹⁷ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.11.2023.

¹⁸ См.: Агафонов В. Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5 (93). С. 46–58.

¹⁹ СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4097.

²⁰ СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. I). Ст. 24.

²¹ СЗ РФ. 2023. № 35. Ст. 6651.

21.09.2021 № 1587²², а также следование Целям устойчивого (зеленого) развития Российской Федерации, утвержденным распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р²³.

Подводя итоги, следует сформулировать ряд выводов и предложений:

1. Действующее законодательство не содержит четких критериев для признания крупных компаний, которые позиционируют себя экологически ответственными, заявляя о приверженности стандартам ESG, использующими механизм гринвошинга, что объясняется в первую очередь отсутствием прямого воздействия на конечного потребителя товаров, работ или услуг.

2. Гринвошинг направлен на создание «экологического имиджа» для органов государственной власти и общественности. Внесение изменений и дополнений в законодательство не представляется целесообразным ввиду отсутствия четких критериев применения механизма гринвошинга для крупного бизнеса.

3. Эффективность правового механизма противодействия гринвошингу со стороны крупных предприятий в Российской Федерации также зависит от скорейшей выработки единых правовых механизмов борьбы с этим негативным явлением совместно со странами — участниками Таможенного Союза, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, а также странами СНГ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абросимова Ю. А., Быкова К. В., Бобрешова И. В. Экологический маркетинг: осуществление «зеленых» стратегий или гринвошинг // Экономика устойчивого развития. — 2021. — № 4 (48). — С. 240–243.
2. Агафонов В. Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 5 (93). — С. 46–58. — DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.046-058. — EDN: TUFTYW.
3. Агафонов В. Б. Эколого-правовое обеспечение реализации пилотного проекта по созданию карбоновых полигонов и карбоновых ферм // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 3 (103). — С. 17–27. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.017-027. — EDN: VFQOAS.
4. Воронина Н. П. Гринвошинг: правовой механизм противодействия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 3. — С. 28–36. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.028-036.
5. Закондырин А. Е., Липина С. А. Экологические концепции: сравнительный анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2022. — № 4 (136). — С. 7–14. — EDN: AENKJJ.
6. Зеленая экономика: управление развитием. Стратегия и тактика / С. А. Липина, Е. В. Кудряшова, Е. В. Агапова [и др.]. — Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022. — 264 с. — ISBN: 978-5-261-01570-3. — EDN: WUACAH.
7. Кожевина О. В. Проблемы гринвошинга и недобросовестной коммерческой практики субъектов предпринимательства в условиях зеленой экономики // Конкурентное право. — 2022. — № 4. — С. 12–15. — DOI: 10.18572/2225-8302-2022-4-12-15.
8. Мажорина М. В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 12. — С. 185–198. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.185-198.
9. Соколова К. В. Использование слов «эко», «био», «органик» в товарных знаках: коллизии правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2022. — № 5. — С. 49–56.

Материал поступил в редакцию 15 марта 2024 г.

²² СЗ РФ. 2021. № 40. Ст. 6818.

²³ СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5814.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abrosimova Yu. A., Bykova K. V., Bobreshova I. V. Ekologicheskiy marketing: osushchestvlenie «zelenykh» strategiy ili grinvoshing // *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*. — 2021. — № 4 (48). — S. 240–243.
2. Agafonov V. B. Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti i ratsionalnogo prirodopolzovaniya na osnove ESG-printsipov // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. — 2022. — № 5 (93). — S. 46–58. — DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.046-058. — EDN: TUFTYW.
3. Agafonov V. B. Ekologo-pravovoe obespechenie realizatsii pilotnogo proekta po sozdaniyu karbonovykh poligonov i karbonovykh ferm // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. — 2023. — № 3 (103). — S. 17–27. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.017-027. — EDN: VFQOAS.
4. Voronina N. P. Grinvoshing: pravovoy mekhanizm protivodeystviya // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. — 2023. — № 3. — S. 28–36. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.028-036.
5. Zakondyrin A. E., Lipina S. A. Ekologicheskie kontseptsii: sravnitelnyy analiz // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. — 2022. — № 4 (136). — S. 7–14. — EDN: AENKJJ.
6. Zelenaya ekonomika: upravlenie razvitiem. Strategiya i taktika / S. A. Lipina, E. V. Kudryashova, E. V. Agapova [i dr.]. — Arkhangelsk: Severnyy (Arkticheskiy) federalnyy universitet imeni M.V.Lomonosova, 2022. — 264 s. — ISBN: 978-5-261-01570-3. — EDN: WUACAH.
7. Kozhevina O. V. Problemy grinvoshinga i nedobrosovestnoy kommercheskoy praktiki subektov predprinimatelstva v usloviyakh zelenoy ekonomiki // *Konkurentnoe pravo*. — 2022. — № 4. — S. 12–15. — DOI: 10.18572/2225-8302-2022-4-12-15.
8. Mazhorina M. V. ESG-printsipy v mezhdunarodnom biznese i «ustoychivye kontrakty» // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2021. — № 12. — S. 185–198. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.185-198.
9. Sokolova K. V. Ispolzovanie slov «eko», «bio», «organik» v tovarnykh znakakh: kollizii pravovogo regulirovaniya // *Intellectualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost*. — 2022. — № 5. — S. 49–56.

Нормативно-правовые механизмы регулирования климатических процессов в России

Аннотация. Правовая политика в сфере изменения климата является одной из основных и в международных, и в национальных отношениях. Начало этому процессу было положено Рамочной конвенцией ООН об изменении климата 1992 г. Россия поддержала создание международных институтов и разработку международно-правовых документов по борьбе с изменением климата, вела активную международную политику. Однако после февраля 2022 г. ситуация изменилась. Санкции западных стран сделали невозможной реализацию многих совместных климатических проектов, что привело к необходимости для России пересмотреть свою климатическую политику и скорректировать ее нормативную основу. В статье исследованы: международно-правовые механизмы регулирования климатических процессов; правовая система климатического регулирования в России; реализация климатических программ на уровне субъекта Российской Федерации. Рассмотрена роль научных организаций в реализации климатических программ. В статье показаны мнения зарубежных юристов о проблемах климатологии и выводы российских ученых о правовых проблемах сохранения климата. В конце октября 2023 г. Президент РФ Владимир Путин подписал указ об утверждении новой Климатической доктрины. В соответствии с этим документом создаются условия для достижения государством углеродной нейтральности до 2060 г. Должны развиваться технологии захвата углекислого газа и должны быть созданы благоприятные условия для развития углеродно-отрицательных проектов. Появляются цифровые платформы торговли углеродными единицами для уменьшения углеродного следа от деятельности человека. Изменение климата является одним из наиболее серьезных вызовов XXI в., который представляет комплексную проблему.

Ключевые слова: изменение климата; углеродный след; углеродная нейтральность; климатическая доктрина; парниковые газы; выбросы парниковых газов; климатическая политика; климатические изменения; монетизация климатических программ.

Для цитирования: Чернов С. Н. Нормативно-правовые механизмы регулирования климатических процессов в России // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 142–157. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.142-157.

© Чернов С. Н., 2024

* Чернов Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Карелия, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Карельского научного центра Российской академии наук, профессор кафедры публичного и частного права Петрозаводского государственного университета
Пушкинская ул., д. 11, г. Петрозаводск, Россия, 185910
schernov@krc.karelia.ru

Normative and Legal Mechanisms for Climate Processes Regulation in Russia

Sergey N. Chernov, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (History), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Karelia, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Public and Private Law of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation
schernov@krc.karelia.ru

Abstract. Legal policy in the area of climate change is one of the main ones in both international and national relations. The process was initiated within the 1992 UN Framework Convention on Climate Change. Russia supported the creation of international institutions and the development of international legal documents to combat climate change, and pursued an active international policy. However, after February 2022, the situation has changed. Sanctions imposed by Western countries have made it impossible to implement many joint climate projects, which has led to the need for Russia to review its climate policy and adjust its regulatory framework. The paper examines international legal mechanisms for regulating climate processes; the legal system of climate regulation in Russia; implementation of climate programs at the level of a constituent entity of the Russian Federation. The role of scientific organizations in the implementation of climate programs is considered. The paper presents the opinions of foreign lawyers on the problems of climatology and the conclusions of Russian scientists on the legal problems of climate conservation. At the end of October 2023 Russian President Vladimir Putin signed a decree approving the new Climate Doctrine. In accordance with this document, conditions are being created for the state to achieve carbon neutrality by 2060. Carbon capture technologies must be developed and favorable conditions must be created for the development of carbon-negative projects. Digital platforms for trading carbon units are emerging to reduce the carbon footprint of human activities. Climate change is one of the most serious challenges of the 21st century, which represents a complex problem.

Keywords: climate change; carbon footprint; carbon neutrality; climate doctrine; greenhouse gases; greenhouse gas emissions; climate policy; climate change; monetization of climate programs.

Cite as: Chernov SN. Normative and Legal Mechanisms for Climate Processes Regulation in Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):142-157. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.142-157.

Введение

Климатические проекты становятся основным звеном декарбонизации — процесса снижения уровня углерода в отраслях экономики Российской Федерации. Они могут решать задачи по сокращению эмиссии и создавать условия по увеличению поглощения парниковых газов. Для организации деятельности по реализации климатической политики в России необходимо укрепить законодательную основу. Ее дальнейшее совершенствование связано с основными обязательствами, которые были взяты Россий-

ской Федерацией при подписании Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 г. 21-й сессией Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата¹. В соответствии со ст. 2 Парижского соглашения Российская Федерация должна разработать свою стратегию долгосрочного развития (до 2050 г.), которая должна привести к снижению выбросов парниковых газов. Для этого необходимо: 1) на основании научных и практических результатов и мнения российских промышленных компаний определить риски и основания реализации и монетизации климатических проектов; 2) четко

---

¹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (заключена в Нью-Йорке 9 мая 1992 г.) // СЗ РФ. 1996. № 46. Ст. 5204.

определить роль и место климатических проектов в достижении целей декарбонизации; 3) просчитать риски, возможные препятствия реализации и монетизации климатических программ; 4) проанализировать опыт развития климатических проектов; 5) сделать выводы о направлениях развития углеродных рынков; 6) определить место лесоклиматических проектов, которые являются ключевым вызовом в международной климатической сфере; 7) разработать правовые нормы, определяющие реализацию проектов по улавливанию и хранению углекислого газа (проекты CCS/CCUS1) для производственных компаний.

1. Международно-правовые механизмы регулирования климатических процессов

Важным событием в климатической жизни мира стала Резолюция от 25.09.2015 Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»², которая включила в себя 17 целей и 169 задач (резолюция A/RES/70/1). Так, цель 13 направлена на принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями в мире. В пункте 13.1 сформулировано требование «повысить сопротивляемость и способность адаптироваться к опасным климатическим явлениям и стихийным бедствиям

во всех странах». В конце 2019 г. ЕС принял программу «Европейский зеленый курс», рассчитанную до 2050 г. Экономисты отмечают, что для сокращения выбросов на 60 % к 2050 г. Российской Федерации потребуется 102,7 трлн руб.³ Уже работают поддерживающие инструменты: субсидии, льготы, финансирование; создана коммерческая система торговли выбросами⁴, принят ряд основополагающих федеральных, региональных законов. Важное место отводится Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК ООН)⁵ и Киотскому протоколу РКИК ООН⁶. В середине марта 2023 г. межправительственная группа экспертов (МГЭИК) на Очередной, 58-й сессии подвели итоги о работе специалистов за последние 10 лет по изменению климата. В Шестом оценочном докладе МГЭИК⁷ выделены три проблемы: физические основы глобального изменения климата; адаптация к климату; смягчение воздействий на климатическую систему.

2. Правовая система климатического регулирования в России

Новая система климатического регулирования в России была утверждена Федеральным законом от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁸. Был введен ряд новых требований для хозяйствующих

² URL: <https://www.un.org/ru/ga/70/docs/70res2.shtml> (дата обращения: 05.02.2024).

³ Подобедова Л. Нейтральность ценой полквадриллиона // URL: <http://www.rbc.ru/rewspaper/2021/11/30/61a4cb3d9a> (дата обращения: 02.02.2024).

⁴ Колобашкина Т. А. Финансирование зеленого перехода: инвестиционный план «Зеленый пакт для Европы» и механизм справедливого перехода // URL: <https://globalcentre.hse.ru/news/333142452.html?ysclid=lg0nnjtv8o786786801> (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Конвенция была принята 9 мая 1992 г. и открыта к подписанию во время Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро 4–14 июня 1992 г. Вступила в силу 21 марта 1994 г. См.: URL: <https://ria.ru/20211031/konventsia-1756840004.html> (дата обращения: 20.02.2024).

⁶ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принят 11 декабря 1997 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 12.02.2024).

⁷ URL: <https://www.unep.org/ru/events/publication-launch/predstavlenie-obobschayushchego-doklada-mgeikro-voprosam-izmeneniya> (дата обращения: 07.02.2024).

⁸ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020031> (дата обращения: 05.02.2024).

субъектов⁹. В России экономические потери от климатических изменений составляют до 3 трлн руб. в год¹⁰. В конце октября 2023 г. Президент РФ Владимир Путин утвердил новую Климатическую доктрину¹¹, которая является системой взглядов, определяющих принципы, цели, правовые подходы и способы реализации выработанной Российской Федерацией политики, которую она будет подтверждать и отвечать за нее как на международном, так и на государственном уровне. В соответствии с этим документом должны быть созданы условия для достижения государством углеродной нейтральности до 2060 г. В нескольких субъектах РФ успешно начали работу карбоновые полигоны — территории с уникальной экосистемой, созданные для реализации мер контроля климатических активных газов с участием университетов и научных организаций, которые вырабатывают научные и практические рекомендации и материалы для новых нормативных актов. Распоряжением Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р утвержден Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года¹². Юристы ведут обобщающую и аналитическую работу для подготовки новых нормативных актов. 10 ноября 2022 г. в рамках работы межфракционной рабочей группы Законодатель-

ного Собрания «По правовому обеспечению внедрения “зеленой” экономики как одного из направлений устойчивого развития» состоялся круглый стол Комитета по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды на тему «Адаптация к локальным изменениям климата как фактор повышения эффективности использования бюджетных средств»¹³. Субъекты Федерации во исполнение распоряжения Правительства РФ подготовили планы адаптации к изменениям климата на своих территориях. Так, Республика Карелия распоряжением от 24.03.2023 № 254р-П утвердила План адаптации к изменениям климата в Республике Карелия. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию в апреле 2023 г. определена ответственность субъектов Федерации за принятие планов по изменению климата в субъектах. В России закрепились система реализации квот на выбросы парниковых газов (Emissions Trading System, ETS). На международном уровне это рыночный инструмент, принцип — «ограничения и торговля». Сложность в том, что в условиях санкций этот механизм для России не работает. Квоты продают по всей Европе, лимиты на парниковые газы устанавливает каждое государство — член Евросоюза¹⁴. Европейские импортеры должны покупать сертификаты на выбросы углерода, стоимость которых будет

⁹ Богодвид М. Объем выбросов парниковых газов в РФ в перспективе 30 лет должен быть ниже, чем в ЕС // URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/obem-vybrosov-parnikovyh-gazov-v-rf-v-perspektive-30-let-dolzhen-byt-nizhe-chem-v-es?ysclid=l> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁰ Филиппова Е. Адаптироваться к изменениям климата предложили с помощью государственных программ // URL: <https://www.pnp.ru/economics/adaptirovatsya-k-izmeneniyam-klimata-predlozhili-s-pomoshhyu-gosuda> (дата обращения: 13.02.2024).

¹¹ Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009> (дата обращения: 13.02.2024).

¹² URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73266443/?ysclid=lg6cp7fjws799636788> (дата обращения: 12.02.2024).

¹³ Володин В. В. Круглый стол Комитета по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды по теме «Адаптация к локальным изменениям климата как фактор повышения эффективности использования бюджетных средств» // URL: <http://www.igce.ru/2022/11/10-%D0%BD%D0%BD> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁴ Булгаков К. ЕС достиг предварительной договоренности по Системе торговли квотами на выбросы парниковых газов // URL: <https://seanews.ru/2022/12/01/ru-es-dostig-predvaritelnoj-dogovorennosti-po-sisteme-torgovli-kvotami-na-vybrosy-parnikovyh-gazo> (дата обращения: 11.02.2024).

соответствовать цене товаров по европейским или иным правилам платы за выбросы углерода¹⁵. Без решения политических вопросов в Европе сложно реализовать этот механизм¹⁶. Российские специалисты присматриваются к опыту Европейского Союза. Так, в 2021 г. в ЕС было создано несколько механизмов низкоуглеродного финансирования для помощи энергоемким промышленным секторам и энергетическому сектору с инновационными и инвестиционными задачами перехода к низкоуглеродной экономике¹⁷. В России сделано очень много для реализации климатических проектов: во-первых, был принят Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»¹⁸ и в сентябре начался эксперимент по квотированию выбросов парниковых газов. Во-вторых, в России была принята методика расчетов выбросов и поглощений парниковых газов в соответствии с приказом Минприроды России от 27.05.2022 № 371 «Об утверждении методик количественного определения объемов выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов»¹⁹. В-третьих, была закреплена

методика мониторинга баланса деградации земель в стране²⁰.

В борьбе с парниковыми газами большое значение играет ESG — набор принципов экологического, социального и корпоративного управления. По итогам 2022 г. доходы компаний, которые строят свою работу на основе ESG-принципов, превысили 40 трлн долл.²¹ Банки при выдаче кредитов, работая с заемщиками, начали строго оценивать экологические и социальные риски (ESG) компаний. В крупнейших финансовых организациях страны назначают фирмам ключевые показатели эффективности и снижают ставки по займам, если показатели в сфере экологии были достигнуты. Банки охотно дают ссуды на повышение экологичности производств²². В «Сбере» одним из главных методов стимулирования ESG-мероприятий являются льготные условия финансирования, в 2022 г. таких ссуд было выдано на 80 млрд руб. Еще одна особенность — ESG-отчетность составляется добровольно, в России к ней нет четких законодательных требований, и это большая сложность, в связи с этим Банк России подготовил информационное письмо от 12.07.2021 № ИН-06-28/49²³, а также дал рекомендации по

¹⁵ Пономарева О. Углеродный налог готовится захватить весь мир, но России есть что противопоставить // URL: <https://rg.ru/2021/08/11/uglerodnyj-nalog-gotovitsia-zahvatit-ves-mir-no-Rossii-est-cto-protivopostavit.html> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁶ Механизм трансграничного углеродного регулирования в вопросах и ответах // URL: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/%> (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁷ Wang W. Revision for phase 4 (2021–2030) // URL: <https://climate-ec-europa-eu.translate.google.com/translation/revision-en> (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁸ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203060003> (дата обращения: 16.02.2024).

¹⁹ Зарегистрирован в Минюсте России 29.07.2022 № 69451.

²⁰ Лобковский В. А., Куст Г. С. Методические подходы к установлению базовой линии для мониторинга индикаторов нейтрального баланса деградации земель в России // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-vybora-indikatorov-dlya-otsenki-neytralnogo-balansa-degradatsii> (дата обращения: 18.02.2024).

²¹ Что такое принципы ESG, в чем они полезны бизнесу и как внедрить их в компании // URL: <https://skillbox.ru/media/management/cto-takoe-printsipy-esg-v-chyem-oni-polezny-biznesu-i-kak-vnedrit-ikh-v-kompanii/?ysclid=lfz10pklm72458955> (дата обращения: 21.02.2024).

²² Колобова М. По «зеленым» стандартам // URL: <https://iz.ru/1179062/mariia-kolobova/zelenaiia-liga-banki-vnedriaiut-otcenku-ekologicheskikh-> (дата обращения: 10.02.2024).

²³ Информационное письмо Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» // URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

учету ESG-факторов²⁴. В России есть ассоциация по сертификации «Русский регистр»²⁵, задача которой — помощь в достижении организацией-заявителем целей в области выполнения требований законодательства РФ, подготовка отчетности по парниковым газам и работа с климатическими проектами. «Русский регистр» в рамках принятых на себя обязательств успешно выполняет весь комплекс работ.

3. Реализация климатических программ на уровне субъекта Российской Федерации

В Карелии Segezha Group, промышленное предприятие, объединяющее лесные активы АФК «Система», стала членом нового Комитета Российского союза промышленников и предпринимателей по климатической политике и углеродному регулированию. Segezha Group, единственный представитель российского лесопромышленного комплекса в Комитете, активно делится отраслевой экспертизой²⁶. Предприятие участвовало в создании и оформлении реестра углеродных единиц²⁷. Такой порядок утверждается в постановлении Правительства РФ от 30.11.2022 № 2180²⁸. Еще

одним направлением климатической деятельности Карельской Республики является научная деятельность. Болота играют большую роль в углеродном балансе планеты, они поглощают углекислый газ и нейтрализуют углерод. В Карелии болота занимают почти треть территории республики, и процесс заболачивания продолжается. Лаборатория мониторинга парниковых газов ОКНИ Карельского научного центра РАН создана в 2022 г. в рамках национального проекта «Наука и университеты»²⁹. Ее основная цель — оценка бюджета углерода в естественных и мелиорированных болотных экосистемах таежной зоны Северо-Запада России. Первым объектом исследования на 2023 г. стало болото Близкое на территории заповедника «Кивач» площадью 63 га. Минэкономразвития РФ разработало критерии выбросов CO₂ для регулируемых организаций, порядок и форму отчетности³⁰. Утверждена методика определения квот выбросов парниковых газов, начал работать отраслевой климатический рынок. В России совершенствуется система ценообразования на выбросы парниковых газов. Эта система складывается в ходе эксперимента по снижению выбросов в Сахалинской области³¹. Правительство приняло постановление от 30.04.2022

²⁴ Информационное письмо Банка России от 16.12.2021 № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403175149/?ysclid=lf50fbhbdw197259941> (дата обращения: 13.02.2024).

²⁵ URL: <https://rusregister.ru/> (дата обращения: 16.02.2024).

²⁶ Segezha Group вошла в состав Комитета РСПП по климатической политике и углеродному регулированию // URL: <https://gov.karelia.ru/news/30-10-2020-segezha-group-voshla-v-sostav-komiteta-> (дата обращения: 13.02.2024).

²⁷ Постановление Правительства РФ от 30.04.2022 № 790 (ред. от 30.11.2022) «Об утверждении Правил создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц» // URL: <https://base.garant.ru/404575518> (дата обращения: 16.02.2024).

²⁸ Орган по валидации и верификации парниковых газов (ОВиВПГ) Инновационного технологического центра МГТУ имени Н.Э. Баумана (ИТЦ МГТУ имени Н.Э. Баумана) // URL: https://itc.bmstu.ru/valid_verif_gases.html (дата обращения: 11.02.2024).

²⁹ В Карельском научном центре РАН создана новая лаборатория — мониторинга парниковых газов // URL: <http://www.krc.karelia.ru/news.php?id=4933&plang=r> (дата обращения: 16.02.2024).

³⁰ Минэкономразвития разработало критерии выбросов CO₂ для регулируемых организаций // URL: <https://fsa.gov.ru/press-center/press/14244>. 19.10.2021 (дата обращения: 14.02.2024).

³¹ Приказ Министерства экономического развития РФ от 24.08.2022 № 452 «Об утверждении методики определения проектируемых квот выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по

№ 790 «Об утверждении Правил создания и ведения реестра углеродных единиц»³². Это необходимо для корректировки мероприятий плана реализации Стратегии низкоуглеродного развития до 2050 года³³. До 2025 г. должна быть сформирована единая отчетность (кадастр парниковых газов, двухгодичные доклады, национальные сообщения и т.п.). На реализацию Федерального проекта «Политика низкоуглеродного развития» на 2022–2024 гг. выделено 8,5 млрд руб.³⁴ Важнейший инновационный проект государственного значения (ВИП ГЗ), связанный с Единой национальной системой мониторинга климатически активных веществ, утвержден Правительством России³⁵. Например, информация о концентрации метана и углекислого газа в Арктической зоне поступает с 5 станций государственной наблюдательной сети Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды³⁶. Сбербанк и Сколковский институт науки и технологий создают программное обеспечение оценки баланса углерода по данным дистанционного зондирования Земли³⁷.

4. Роль научных организаций в реализации климатических программ

Оценка роли науки в выработке государственных и международных климатических проектов была дана Н. В. Хантером в статье «Наука для реализации: роли, опыт и восприятие практиков, участвующих в Межправительственной группе экспертов по изменению климата»³⁸. Всемирная программа исследований климата (ВПИК) координирует инициативы по исследованию климата на международном уровне. Исследовательские проекты осуществляются учеными всего мира в рамках проектов в их национальных учреждениях. ВПИК представляет современные знания для организации форумов самого высокого уровня, осуществляет оперативные климатические прогнозы. Эта организация имеет две приоритетные цели: определить предсказуемость климата и оценить влияние деятельности человека на климат. Являясь ключевыми участниками реализации мер реагирования на изменение климата, российские ученые-юристы и специалисты-практики как на федеральном, так и на региональном уровне обеспечивают решение важнейших задач при оценке последствий изменения климата и поиске решений. Карельский научный центр РАН

ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

³² URL: <https://docs.cntd.ru/document/350309223> (дата обращения: 15.02.2024).

³³ Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-п // URL: <https://www.base.garant.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

³⁴ Правительство России утвердило стратегию низкоуглеродного развития // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5061176?ysclid=lfjmy07484335229298> Федераль. 02.07.2022.

³⁵ В России появится национальная система мониторинга климатически активных веществ // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_Rossii_poyavitsya_nacionalnaya_sistema_monitoringa_klimaticheski_aktivnyh_veshchestv.html (дата обращения: 15.02.2024).

³⁶ Обзор фонового состояния окружающей природной среды на территории стран СНГ / под ред. проф. Г. М. Черногаевой ; Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. 2015 // URL: http://downloads.igce.ru/publications/obz_fon_2/of_ (дата обращения: 17.02.2024).

³⁷ Кулешов А. Ученые «Сбера» и «Сколтеха» создадут программное обеспечение для оценки баланса углерода // URL: <https://www.skoltech.ru/2022/02/uchyonye-sbera-i-skolteha-sozdadut-programmnoe-obespechenie> (дата обращения: 15.02.2024).

³⁸ Hunter N. B. Science for implementation: the roles, experiences, and perceptions of practitioners involved in the Intergovernmental Panel on Climate Change // URL: https://www-nature-com.translate.goog/articles/s44168-022-00025-2?error=cookies_not_supp (дата обращения: 15.02.2024).

в 2022 г., при создании в России национальной системы мониторинга парниковых газов, стал одним из исполнителей проекта Правительства РФ. В КарНЦ РАН подготовка программы велась с 2021 г., распоряжение Правительства РФ о запуске проекта вышло осенью 2022 г. В соответствии с распоряжением был создан ряд консорциумов научных организаций, один из них — для исследования пулов углерода и потоков углекислых газов в лесных экосистемах. Его возглавил Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН (г. Москва), а одним из основных исполнителей стал Карельский научный центр. В исследованиях участвовали 40 ученых КарНЦ РАН. Были обследованы 50 пробных площадей в лесах Карелии, изучены напочвенный покров и почвы, оценено накопление углерода в таежных лесах, в рамках проекта разрабатываются системы учета данных³⁹. В 2022 г. постановлением Правительства РФ была утверждена Единая национальная система мониторинга климатически активных веществ⁴⁰. Письмо Минэкономразвития РФ от 17.02.2023 № Д05и-5072 «О сроках сдачи отчетности о выбросах парниковых газов» стало определенным этапом формирования элементов мониторинга. Федеральный закон от 01.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» определил порядок представления в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти отчетов о выбросах парниковых газов. В органы управления Программы по выбросами

парниковых газов входит проектный комитет федерального проекта «Политика низкоуглеродного развития»⁴¹. Большое значение играет Совет по реализации программы, который образован в соответствии с Указом Президента РФ от 08.02.2021 № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития РФ и климатических изменений»⁴². С марта 2023 г. утверждена новая методика количественного определения объемов выбросов парниковых газов и их поглощений⁴³. Деятельность Российской Федерации в сфере климатической политики важна для международного признания новых данных и оценок⁴⁴. Принятие целого комплекса законодательных актов приведет к появлению нового рынка углеродных единиц и даст возможность российским производственным организациям уменьшить углеродный след российской продукции, а также привлечь модернизированные производственные мощности.

5. Зарубежные юристы о проблемах климатологии

Ученые-юристы активно сотрудничали до последних событий, разрабатывали актуальные вопросы климатологии. Мнения коллег интересны в контексте права. Американский юрист-климатолог Михаэль Ван Ман в работе «Климатологи рассказали, почему участились природные катастрофы»⁴⁵ сформулировал основные

³⁹ URL: www.karelia.ru/news.php?id=4968&plang (дата обращения: 11.02.2024).

⁴⁰ Постановление Правительства РФ от 08.02.2022 № 133 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409370/ (дата обращения: 15.02.2024).

⁴¹ URL: https://www.profiz.ru/eco/blog/post_9327/ (дата обращения: 15.02.2024).

⁴² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102080007> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴³ Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 27.05.2022 № 371 «Об утверждении методик количественного определения объемов выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов» (зарегистрирован 29.07.2022 № 69451) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴⁴ Кто и как должен отчитываться о выбросах парниковых газов в 2023 г. // URL: <https://www.finkont.ru/blog/kto-i-kak-dolzhen-otchityvatsya-o-vybrosakh-parnikovyx-gazov-v-2023-godu/> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴⁵ Van Man M. Climatologists told why natural disasters have become more frequent // URL: <https://rg.ru/amp/2017/03/28/klimatologi-katastrofi.html> (дата обращения: 12.02.2024).

подходы к этой проблеме в Соединенных Штатах. Стивен Вон, профессор права Лондонского университета, в работе «Изменение климата и верховенство права», ставит вопрос об этике и праве в судебных процессах по климатическим делам⁴⁶. Патрик Морриш, преподаватель Парижского университета, в статье «Суды, заботящиеся о климате: недавние дела во Франции, Великобритании и США: статья стажера LPRU» рассматривает вопросы климатической политики и практику рассмотрения климатических дел в Европе. В работе рассмотрена роль регуляторов как субъектов климатической политики; судебное вмешательство в решение проблемы изменения климата; особенности рассмотрения дел в судебных заседаниях по климату⁴⁷. Можно отметить еще одну работу ученого Исследовательского института Грантама, вышедшую в январе 2022 г., — «Суды, заботящиеся о климате: размышления о справедливости в решении проблем изменения климата»⁴⁸. Активно обсуждается проблема различных методик в сфере охраны климата. В марте 2023 г. в Гарварде прошел Форум Гарвардской школы права и корпоративного управления «Применение экономики, а не интуиции к ESG». На форуме выступили ученые из Европы и Азии. Интересны два доклада, сделанных профессором из Гонконга Шушу Цзян (Национальный университет Сингапура) «Государственное правоприменение в области охраны окружающей среды и мони-

торинг частных кредиторов: данные экологических соглашений»⁴⁹ и Алексом Едмансом «Климатический риск — это инвестиционный риск (нет, климатический риск — это неоцененный внешний фактор)»⁵⁰. Суть их докладов в том, что корпоративное загрязнение окружающей среды — классическая экономическая проблема, характеризующаяся негативными внешними эффектами от корпоративной деятельности, требующая серьезного государственного вмешательства. Авторы констатируют, что применение государственного регулирования было основной силой, заставляющей фирмы интернализовать отрицательные внешние эффекты корпоративного загрязнения окружающей среды. Однако этого может быть недостаточно для решения быстро растущих экологических проблем из-за нехватки ресурсов или регулирования. В результате всё чаще звучат призывы к совместным усилиям государственного и частного секторов для решения экологических проблем. Авторы очень подробно развивают эту тему. Во всем мире ученые-юристы работают над решением климатических проблем. Лия Дандон в большой статье *Climate Science for Lawyers* дает характеристику климатических дел, рассмотренных в американских судах, и отмечает усиливающийся интерес граждан и юридических лиц к таким делам⁵¹. Роль юридической науки в судебных разбирательствах по вопросам изменения климата рассматривалась

⁴⁶ *Vaughan S.* Climate change and the rule of law // URL: <https://www-ucl-ac-uk.translate.goog/law-environment/blog-climate-change-and-rule-law/climate> (дата обращения: 16.02.2024).

⁴⁷ *Patrick Morris.* Climate-conscious courts: Recent cases in France, the UK and the USA: an article by an LPRU intern // URL: <https://www-ibanet-org.translate.goog/Climate-conscious-courts-in-France-the-UK-and-the-US> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴⁸ *Robert Carnwart.* Climate-Conscious Courts: Reflections on Justice in Addressing Climate Change (Grantham Research Institute, January 19, 2022) // URL: [https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/news/climate-conscious-courts-reflections-on-the-role-of-a-judge-in-addressing-climate-change, as of July 23, 2022](https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/news/climate-conscious-courts-reflections-on-the-role-of-a-judge-in-addressing-climate-change,as%20of%20July%2023,2022) (дата обращения: 17.02.2024).

⁴⁹ *Shushu Jiang.* State law enforcement in the field of environmental protection and monitoring of private creditors: data from environmental agreements // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2023/03/13/applying-economics-not-gut-feel-to-esg/> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵⁰ *Edmans A.* Climate Risk is Investment Risk (No, climate risk is an unpriced externality) // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2023/03/13/applying-economics-not-gut-feel-to-esg/> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵¹ *Dandon L.* Climate Science for Lawyers // URL: https://www.bdlaw.com/publications/climate-science-for-lawyers/?_x_tr_sl=en (дата обращения: 15.02.2024).

в ходе дискуссии на международном семинаре в Великобритании в декабре 2021 г.⁵² Изменение климата является серьезной проблемой. Уже скоро страны Европы столкнутся, а некоторые уже столкнулись с беженцами из регионов, пострадавших от изменения климата. Это может повлиять и на климатические, экономические, социальные программы государств⁵³.

6. Российские юристы о правовых проблемах сохранения климата

Воздействие на климат стало предметом правовых исследований сравнительно недавно. С каждым годом влияние изменения климата на все стороны жизни человечества становится всё заметнее, эта важнейшая проблема стала предметом комплексного правового регулирования. Каждому уровню государственного управления соответствует своя правовая регламентация. Климатические изменения связаны с изменениями природной среды, дефицитом водных и продовольственных ресурсов, повышением пожароопасности, ростом числа наводнений, увеличением расходов на электроэнергию. Все эти проблемы требуют правовой регламентации и решения⁵⁴. Государственную политику необходимо обсуждать с представителями правовой

науки и климатологами. Научное издание «Право и климат планеты»⁵⁵ содержит теоретические и прикладные материалы, где рассматриваются общеправовые проблемы сохранения климата, обсуждаются вопросы специального правового регулирования в сфере сохранения климата, отражается общественное мнение в сфере сохранения климата. Ю. А. Тихомиров показывает влияние природы, климата на характер законов, принимаемых государством. С. А. Боголюбов ставит вопрос о формировании новой отрасли права — «климатического права». Можно отметить монографию Ю. А. Тихомирова «Право: традиции и новые повороты»⁵⁶, где раскрывается взаимодействие и взаимовлияние юридических и экономических законов. Эту сложную тему затрагивает В. В. Залесский в статье «Законы природы и законы юридические»⁵⁷. Данная категория фундаментальна для эколого-правовой науки, отмечает С. А. Боголюбов⁵⁸. Эту тему продолжает А. В. Малько⁵⁹. Как отмечает Н. И. Хлуденева, эффективность применения эколого-правовых ограничений зависит от целей правового регулирования⁶⁰. В 2022 г. вышла интересная для юристов-климатологов коллективная монография под редакцией В. В. Блажеева «Право в условиях глобального изменения климата»⁶¹. Ежегодно количество научных работ, диссертаций на эту тему увели-

---

⁵² Holzhauser A. The Role of Science in Climate Change Litigation // URL: https://www.biicl.org/documents/143_the_role_of_science_in_climate_change_litigation_-_workshop (дата обращения: 14.02.2024).

⁵³ Preston B. Climate Change and the Law: Opportunities and Challenges for Attorneys // URL: <https://www.martindale-avvo.com/blog/climate-change-and-the-law-opportunities-and-challenges-for-attorneys> (дата обращения: 11.02.2024).

⁵⁴ Казарина Т. Климатический хаос. Чем грозит человечеству потепление и что делать для предотвращения катастрофы // URL: <https://tass.ru/spec/climate> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵⁵ Право и климат планеты / под ред. Ю. А. Тихомирова, С. А. Боголюбова, Н. В. Кичигина. М., 2018. С. 124–126.

⁵⁶ Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты : монография. М., 2021.

⁵⁷ Залесский В. В. Законы природы и законы юридические // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 36.

⁵⁸ Боголюбов С. А. Факторы и реализация ограничений в экологическом праве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 415.

⁵⁹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 134.

⁶⁰ Хлуденева Н. И. Эффективность правового регулирования охраны окружающей среды в России: от конфликта «целей» к экологическому правопорядку // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 143.

⁶¹ Право в условиях глобального изменения климата : монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2022.

чивается, что говорит о чрезвычайной актуальности проблемы. Интересна своими выводами и рекомендациями статья Д. Н. Веселовой, дающая представление о современном состоянии взаимодействия между учеными разных стран по проблемам климата⁶².

Выводы

1. Таким образом, в Российской Федерации сейчас происходит проверка правовых механизмов, которые должны с большей эффективностью ограничить выбросы парниковых газов и привести в соответствие развитие российской экономики и изменения климата, с тем чтобы постепенно добиться углеродной нейтральности. Идет динамичное формирование новой системы правовых требований к углеродному регулированию во всех отраслях промышленности и транспорта с учетом их специфики.

2. Одна из проблем, которая должна быть решена как можно скорее и которая становится причиной экологических конфликтов на различных уровнях, — это то, что до сих пор нет четкой стратегии по учету климатических рисков.

3. Экологические конфликты, связанные с изменением климата, осложняются международной ситуацией. Появилась практика подачи климатических исков в международные суды, Европейский Суд по правам человека. Это требует от сторон совершенствования методики, учета, анализа, оценки значимости климатических рисков и оценки ущерба как на национальном, так и на международном уровне.

4. Ряд вопросов был решен приказом Минэкономразвития России от 13.05.2021 № 267 «Об утверждении методических рекомендаций и показателей по вопросам адаптации

к изменениям климата»⁶³. Были утверждены Методические рекомендации по оценке климатических рисков для территорий, населения, хозяйственной деятельности, отраслей экономики. Эти подходы ценны для практики делового оборота, финансового рынка, так как Банк России обращает внимание на влияние климатических изменений на мировую экономику. Государство требует учитывать климатические риски в связи с переходом государств к низкоуглеродной экономике⁶⁴.

5. Большое значение в дальнейшем будет иметь подготовка специалистов в области управления климатом. Они должны обладать навыками оценки и предотвращения климатических рисков. Государство совместно с ведущими учебными заведениями начинает подготовку таких специалистов. В 2022 г. Институт экологии РУДН и Росаккредитация открыли программу подготовки специалистов в области управления парниковыми газами⁶⁵. В настоящее время необходима четкая система организации обучения и переподготовки специалистов в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Такая система начинает складываться на платформе Школы экологических компетенций Российского экологического общества. Есть специализированные курсы, которые учат навыкам управления экологическими и климатическими рисками компаний.

6. На примере исследований Карельского регионального центра РАН можно отметить, что очень важна организация и правовая поддержка научных исследований, в частности экспедиций, направленных на изучение влияния различных видов хозяйственной деятельности (в Карелии — лесная, сельскохозяйственная, горнорудная, строительная деятельность) на климат. Важно изучение влияния отраслей на

⁶² Веселова Д. Н. Политика России в сфере смягчения последствий изменения климата // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 86–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-Rossii-v-sfere-smygcheniya-posledstviy-izmeneniya-klimata> (дата обращения: 15.02.2024).

⁶³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384470/ (дата обращения: 14.02.2024).

⁶⁴ См.: информационное письмо Банка России от 12.01.2021 № ИН-015-53/1 «Об учете климатических рисков» // Вестник Банка России. 20.01.2021. № 2.

⁶⁵ URL: <https://www.rudn.ru/media/news/education/institut-ekologii-rudn-i-rosakkreditaciya-zapuskayut-programmu-podgotov> (дата обращения: 14.02.2024).

климат прямо или опосредованно — на особо охраняемые территории, природные ландшафты и отдельные экосистемы, в том числе на арктические экосистемы. Результаты исследований

дадут возможность сформировать необходимые правовые требования к хозяйствующим субъектам различных отраслей экономики в аспекте ограничения их воздействия на климат.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боголюбов С. А. Факторы и реализация ограничений в экологическом праве // Юридическая техника. — 2018. — № 12. — С. 412–419.
2. Боголюбов С. А. Правотворчество в сфере экологии : монография. — М., 2010. — 178 с.
3. Богодвид М. Объем выбросов парниковых газов в РФ в перспективе 30 лет должен быть ниже, чем в ЕС // URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/obem-vybrosov-parnikovyh-gazov-v-rf-v-perspektive-30-let-dolzhen-byt-nizhe-chem-v-es?ysclid=l> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Бринчук М. М. Экологическое право: объекты экологических отношений. — М., 2011. — 232 с.
5. Булгаков К. ЕС достиг предварительной договоренности по Системе торговли квотами на выбросы парниковых газов // URL: <https://seanews.ru/2022/12/01/ru-es-dostig-predvaritelnoj-dogovorennosti-po-sisteme-torgovli-kvotami-na-vybrosy-parnikovyh-gazo> (дата обращения: 19.02.2024).
6. Володин В. В. Круглый стол Комитета по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды по теме «Адаптация к локальным изменениям климата как фактор повышения эффективности использования бюджетных средств» // URL: <http://www.igce.ru/2022/11/10-%D0%BD%D0%> (дата обращения: 14.02.2024).
7. В России появится национальная система мониторинга климатически активных веществ // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_Rossii_poyavitsya_nacionalnaya_sistema_monitoringa_klimaticheski_aktivnyh_veshchestv.html (дата обращения: 11.02.2024).
8. В Карельском научном центре РАН создана новая лаборатория — мониторинга парниковых газов // URL: <http://www.krc.karelia.ru/news.php?id=4933&plang=r> (дата обращения: 14.02.2024) (дата обращения: 14.02.2024).
9. Залесский В. В. Законы природы и законы юридические // Журнал российского права. — 2017. — № 10. — С. 35–41.
10. Игнатьева И. А. Экологическое право: вопросы теории : монография. — М., 2020. — 268 с.
11. Колобова М. По «зеленым» стандартам // URL: <https://iz.ru/1179062/mariia-kolobova/zelenaiia-liga-banki-vnedriaiut-otcenku-ekologicheskikh-> (дата обращения: 12.02.2024).
12. Колобашкина Т. А. Финансирование зеленого перехода: инвестиционный план «Зеленый пакт для Европы» и механизм справедливого перехода // URL: <https://globalcentre.hse.ru/news/333142452.html?ysclid=lg0nnjtv8o786786801> (дата обращения: 14.02.2024).
13. Кулешов А. Ученые «Сбера» и «Сколтеха» создадут программное обеспечение для оценки баланса углерода // URL: <https://www.skoltech.ru/2022/02/uchyonye-sbera-i-skolteha-sozdadut-programmnoe-obespechenie> (дата обращения: 07.02.2024).
14. Кто и как должен отчитываться о выбросах парниковых газов в 2023 году // URL: <https://www.finkont.ru/blog/kto-i-kak-dolzhen-otchityvatsya-o-vybrosakh-parnikovyh-gazov-v-2023-godu/> (дата обращения: 15.02.2024).
15. Лобковский В. А., Куст Г. С. Методические подходы к установлению базовой линии для мониторинга индикаторов нейтрального баланса деградации земель в России // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-vybora-indikatorov-dlya-otsenki-neytralnogo-balansa-degradatsii> (дата обращения: 14.02.2024).
16. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография. — М. : Юрист, 2003. — 250 с.

17. Механизм трансграничного углеродного регулирования в вопросах и ответах // URL: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/%> (дата обращения: 11.02.2024).
18. Минэкономразвития разработало критерии выбросов CO₂ для регулируемых организаций // URL: <https://fsa.gov.ru/press-center/press/14244>. 19.10.2021 (дата обращения: 16.02.2024).
19. Обеспечение законности в цифровой экономике / отв. ред. Н. Д. Бут, Ю. А. Тихомиров. — М., 2020. — 296 с.
20. Подобедова Л. Нейтральность ценой полквадриллиона // URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2021/11/30/61a4cb3d9a> (дата обращения: 11.02.2024).
21. Пономарева О. Углеродный налог готовится захватить весь мир, но России есть что противопоставить // URL: <https://rg.ru/2021/08/11/uglerodnyj-nalog-gotovitsia-zahvatit-ves-mir-no-Rossii-est-chto-protivopostavit.html/> (дата обращения: 16.02.2024).
22. Право и климат планеты / отв. ред. С. А. Боголюбов, Н. В. Кичигин, Ю. А. Тихомиров. — М., 2018. — 287 с. — ISBN: 978-5-4365-8454-6.
23. Правовое управление в кризисных ситуациях / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Бальхаева, Х. И. Гаджиев [и др.] : монография. — М. : Проспект, 2022. — 280 с. — ISBN: 978-5-392-37162-4. — EDN: MEDWFM.
24. Процесс валидации/верификации парниковых газов // URL: <https://rusregister.ru/activities/validation-and-verification-greenhouse-gases/#> (дата обращения: 17.02.2024).
25. Segezha Group вошла в состав Комитета РСПП по климатической политике и углеродному регулированию // URL: <https://gov.karelia.ru/news/30-10-2020-segezha-group-voshla-v-sostav-komiteta-> (дата обращения: 11.02.2024).
26. Федоров В. Политические и экономические аспекты концепции «зеленого» энергоперехода // Энергетическая политика. — URL: <http://energypolicy.ru/politicheskie-i-economicheskije-aspekty-ko> (дата обращения: 10.02.2024).
27. Филиппова Е. Адаптироваться к изменениям климата предложили с помощью государственных программ // URL: <https://www.pnp.ru/economics/adaptirovatsya-k-izmeneniyam-klimata-predlozhili-s-romoshhyu-gosudarstvennykh-programm.html/> (дата обращения: 11.02.2024).
28. Хлуденева Н. И. Эффективность правового регулирования охраны окружающей среды в России: от конфликта «целей» к экологическому правопорядку // Журнал российского права. — 2017. — № 12. — С. 141–150.
29. Хлуденев Н. И. Эколого-правовые ограничения и стимулы экономической деятельности в России : монография. — М., 2022. — 192 с.
30. Цифровая трансформация и государственное управление : науч.-практ. пособие / А. С. Емельянов, А. А. Ефимов, А. В. Калмыкова [и др.]. — М. : Infotropic, 2022. — 224 с.
31. Что такое принципы ESG, в чем они полезны бизнесу и как внедрить их в компании // URL: <https://skillbox.ru/media/management/chto-takoe-printsipy-esg-v-chyem-oni-polezny-biznesu-i-kakvnedrit-ikh-v-kompanii/?ysclid=> (дата обращения: 19.02.2024).
32. Экологические императивы в законах и жизни / сост. С. А. Боголюбов, Н. Р. Камынина [и др.]. — М., 2019. — 289 с.
33. Юридическая концепция роботизации / отв. ред. С. В. Нанба, Ю. А. Тихомиров. — М., 2019. — 264 с.
34. Edmans A. Climate Risk is Investment Risk (No, climate risk is an unpriced externality) // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2023/03/13/applying-economics-not-gut-feel-to-esg/> (дата обращения: 11.02.2024).
35. Dandon L. Climate Science for Lawyers // URL: https://www.bdlaw.com/publications/climate-science-for-lawyers/?_x_tr_sl=en (дата обращения: 15.02.2024).
36. Hunter N. B. Science for implementation: the roles, experiences, and perceptions of practitioners involved in the Intergovernmental Panel on Climate Change // URL: https://www-nature-com.translate.goog/articles/s44168-022-00025-2?error=cookies_not_supp0 (дата обращения: 11.02.2024).
37. Holzhauser A. The Role of Science in Climate Change Litigation // URL: https://www.biicl.org/documents/143_the_role_of_science_in_climate_change_litigation_-_workshop_r (дата обращения: 16.02.2024).

38. *Van Man M.* Climatologists told why natural disasters have become more frequent // URL: <https://rg.ru/amp/2017/03/28/klimatologi-katastrofi.html> (дата обращения: 11.02.2024).
39. *Carnwart R.* Climate-Conscious Courts: Reflections on Justice in Addressing Climate Change (Grantham Research Institute, January 19, 2022) // URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/news/climate-conscious-courts-reflections-on-the-role-of-a-judge-in-addressing-climate-change>. July 23, 2022 (дата обращения: 16.02.2024).
40. *Morris P.* Climate-conscious courts: Recent cases in France, the UK and the USA: an article by an LPRU intern // URL: <https://www.ibanet-org.translate.goog/Climate-conscious-courts-in-France-the-UK-and-the-US> (дата обращения: 11.02.2024).
41. *Preston B.* Climate Change and the Law: Opportunities and Challenges for Attorneys // URL: <https://www.martindale-avvo.com/blog/climate-change-and-the-law-opportunities-and-challenges-for-attorneys> (дата обращения: 14.02.2024).
42. *Shushu Jiang.* State law enforcement in the field of environmental protection and monitoring of private creditors: data from environmental agreements // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2023/03/13/applying-economics-not-gut-feel-to-esg> (дата обращения: 11.02.2024).
43. *Wang W.* Revision for phase 4 (2021–2030) // URL: <https://climate-ec-europa-eu.translate.goog/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets/revision-en> (дата обращения: 01.02.2024).

Материал поступил в редакцию 26 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogolyubov S. A. Faktory i realizatsiya ogranicheniy v ekologicheskom prave // *Yuridicheskaya tekhnika*. — 2018. — № 12. — S. 412–419.
2. Bogolyubov S. A. Pravotvorchestvo v sfere ekologii: monografiya. — M., 2010. — 178 s.
3. Bogodvid M. Obem vybrosov parnikovyx gazov v RF v perspektive 30 let dolzhen byt nizhe, chem v ES // URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/obem-vybrosov-parnikovyx-gazov-v-rf-v-perspektive-30-let-dolzhen-byt-nizhe-chem-v-es?ysclid=l> (data obrashcheniya: 19.02.2024).
4. Brinchuk M. M. Ekologicheskoe pravo: obekty ekologicheskikh otnosheniy. — M., 2011. — 232 s.
5. Bulgakov K. ES dostig predvaritelnoy dogovorennosti po Sisteme trgovli kvotami na vybrosy parnikovyx gazov // URL: <https://seanews.ru/2022/12/01/ru-es-dostig-predvaritelnoj-dogovorennosti-po-sisteme-torgovli-kvotami-na-vybrosy-parnikovyh-gazo> (data obrashcheniya: 19.02.2024).
6. Volodin V. V. Kruglyy stol Komiteta po ekologii, prirodnym resursam i okhrane okruzhayushchey sredy po teme «Adaptatsiya k lokalnym izmeneniyam klimata kak faktor povysheniya effektivnosti ispolzovaniya byudzhetykh sredstv» // URL: <http://www.igce.ru/2022/11/10-%D0%BD%D0%> (data obrashcheniya: 14.02.2024).
7. V Rossii poyavitsya natsionalnaya sistema monitoringa klimaticheskikh aktivnykh veshchestv // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_Rossii_poyavitsya_natsionalnaya_sistema_monitoringa_klimaticheskikh_aktivnykh_veshchestv.html (data obrashcheniya: 11.02.2024).
8. V Karelskom nauchnom tsentre RAN sozdana novaya laboratoriya — monitoringa parnikovyx gazov // URL: <http://www.krc.karelia.ru/news.php?id=4933&plang=r> (data obrashcheniya: 14.02.2024) (data obrashcheniya: 14.02.2024).
9. Zaleskiy V. V. Zakony prirody i zakony yuridicheskie // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2017. — № 10. — S. 35–41.
10. Ignateva I. A. Ekologicheskoe pravo: voprosy teorii: monografiya. — M., 2020. — 268 s.
11. Kolobova M. Po «zelenym» standartam // URL: <https://iz.ru/1179062/mariia-kolobova/zelenaiya-liga-banki-vnedriat-otcenku-ekologicheskikh> (data obrashcheniya: 12.02.2024).

12. Kolobashkina T. A. Finansirovanie zelenogo perekhoda: investitsionnyy plan «Zelenyy pakt dlya Evropy» i mekhanizm spravedlivogo perekhoda // URL: <https://globalcentre.hse.ru/news/333142452.html?ysclid=lg0nnjtv8o786786801> (data obrashcheniya: 14.02.2024).
13. Kuleshov A. Uchenye «Sbera» i «Skoltekha» sozdadut programmnoe obespechenie dlya otsenki balansa ugleroda // URL: <https://www.skoltech.ru/2022/02/uchyonye-sbera-i-skolteha-sozdadut-programmnoe-obespechenie> (data obrashcheniya: 07.02.2024).
14. Kto i kak dolzhen otchityvatsya o vybrosakh parnikovyykh gazov v 2023 godu // URL: <https://www.finkont.ru/blog/kto-i-kak-dolzhen-otchityvatsya-o-vybrosakh-parnikovyykh-gazov-v-2023-godu/> (data obrashcheniya: 15.02.2024).
15. Lobkovskiy V. A., Kust G. S. Metodicheskie podkhody k ustanovleniyu bazovoy linii dlya monitoringa indikatorov neytralnogo balansa degradatsii zemel v Rossii // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-vybora-indikatorov-dlya-otsenki-neytralnogo-balansa-degradatsii> (data obrashcheniya: 14.02.2024).
16. Malko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave: monografiya. — M.: Yurist, 2003. — 250 s.
17. Mekhanizm transgranichnogo uglerodnogo regulirovaniya v voprosakh i otvetakh // URL: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/%> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
18. Minekonomrazvitiya razrabotalo kriterii vybrosov CO2 dlya reguliruemyykh organizatsiy // URL: <https://fsa.gov.ru/press-center/press/14244>. 19.10.2021 (data obrashcheniya: 16.02.2024).
19. Obespechenie zakonnosti v tsifrovoy ekonomike / otv. red. N. D. But, Yu. A. Tikhomirov. — M., 2020. — 296 s.
20. Podobedova L. Neytralnost tsenoy polkvadrilliona // URL: <http://www/rbc.ru/newspaper/2021/11/30/61a4cb3d9a> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
21. Ponomareva O. Uglerodnyy nalog gotovitsya zakhvatit ves mir, no Rossii est chto protivopostavit // URL: <https://rg.ru/2021/08/11/uglerodnyj-nalog-gotovitsia-zahvatit-ves-mir-no-Rossii-est-cto-protivopostavit.html/> (data obrashcheniya: 16.02.2024).
22. Pravo i klimat planety / otv. red. S. A. Bogolyubov, N. V. Kichigin, Yu. A. Tikhomirov. — M., 2018. — 287 s. — ISBN: 978-5-4365-8454-6.
23. Pravovoe upravlenie v krizisnykh situatsiyakh / Yu. A. Tikhomirov, S. B. Balkhaeva, Kh. I. Gadzhiev [i dr.]: monografiya. — M.: Prospekt, 2022. — 280 s. — ISBN: 978-5-392-37162-4. — EDN: MEDWFM.
24. Protsess validatsii/verifikatsii parnikovyykh gazov // URL: <https://rusregister.ru/activities/validation-and-verification-greenhouse-gases/#> (data obrashcheniya: 17.02.2024).
25. Segezha Group voshla v sostav Komiteta RSPF po klimaticheskoy politike i uglerodnomu regulirovaniyu // URL: <https://gov.karelia.ru/news/30-10-2020-segezha-group-voshla-v-sostav-komiteta-> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
26. Fedorov V. Politicheskie i ekonomicheskie aspekty kontseptsii «zelenogo» energoperekhoda // Energeticheskaya politika. — URL: <http://energypolicy.ru/politicheskie-i-economichesie-aspekty-ko> (data obrashcheniya: 10.02.2024).
27. Filippova E. Adaptirovatsya k izmeneniyam klimata predlozhili s pomoshchyu gosudarstvennykh programm // URL: <https://www.pnp.ru/economics/adaptirovatsya-k-izmeneniyam-klimata-predlozhili-s-pomoshhyu-gosudarstvennykh-programm.html/> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
28. Khludeneva N. I. Effektivnost pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchey sredy v Rossii: ot konflikta «tseley» k ekologicheskomu pravoporyadku // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2017. — № 12. — S. 141–150.
29. Khludenev N. I. Ekologo-pravovye ogranicheniya i stimuly ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii: monografiya. — M., 2022. — 192 s.
30. Tsifrovaya transformatsiya i gosudarstvennoe upravlenie: nauch.-prakt. posobie / A. S. Emelyanov, A. A. Efimov, A. V. Kalmykova [i dr.]. — M.: Infotropic, 2022. — 224 s.
31. Chto takoe printsipy ESG, v chem oni polezny biznesu i kak vnedrit ikh v kompanii // URL: <https://skillbox.ru/media/management/chto-takoe-printsipy-esg-v-chyem-oni-polezny-biznesu-i-kakvnedrit-ikh-v-kompanii/?ysclid=> (data obrashcheniya: 19.02.2024).

32. *Ekologicheskie imperativy v zakonakh i zhizni / sost. S. A. Bogolyubov, N. R. Kamynina [i dr.]*. — М., 2019. — 289 с.
33. *Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii / otv. red. S. V. Nanba, Yu. A. Tikhomirov*. — М., 2019. — 264 с.
34. Edmans A. Climate Risk is Investment Risk (No, climate risk is an unpriced externality) // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2023/03/13/applying-economics-not-gut-feel-to-esg/> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
35. Dandon L. Climate Science for Lawyers // URL: https://www.bdlaw.com/publications/climate-science-for-lawyers/?_x_tr_sl=en (data obrashcheniya: 15.02.2024).
36. Hunter N. B. Science for implementation: the roles, experiences, and perceptions of practitioners involved in the Intergovernmental Panel on Climate Change // URL: https://www-nature-com.translate.goog/articles/s44168-022-00025-2?error=cookies_not_supp0 (data obrashcheniya: 11.02.2024).
37. Holzhauser A. The Role of Science in Climate Change Litigation // URL: https://www.biicl.org/documents/143_the_role_of_science_in_climate_change_litigation_-_workshop_r (data obrashcheniya: 16.02.2024).
38. Van Man M. Climatologists told why natural disasters have become more frequent // URL: <https://rg.ru/amp/2017/03/28/klimatologi-katastrofi.html> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
39. Carnwart R. Climate-Conscious Courts: Reflections on Justice in Addressing Climate Change (Grantham Research Institute, January 19, 2022) // URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/news/climate-conscious-courts-reflections-on-the-role-of-a-judge-in-addressing-climate-change>. July 23, 2022 (data obrashcheniya: 16.02.2024).
40. Morris P. Climate-conscious courts: Recent cases in France, the UK and the USA: an article by an LPRU intern // URL: <https://www-ibanet-org.translate.goog/Climate-conscious-courts-in-France-the-UK-and-the-US> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
41. Preston B. Climate Change and the Law: Opportunities and Challenges for Attorneys // URL: <https://www.martindale-avvo.com/blog/climate-change-and-the-law-opportunities-and-challenges-for-attorneys> (data obrashcheniya: 14.02.2024).
42. Shushu Jiang. State law enforcement in the field of environmental protection and monitoring of private creditors: data from environmental agreements // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2023/03/13/applying-economics-not-gut-feel-to-esg> (data obrashcheniya: 11.02.2024).
43. Wang W. Revision for phase 4 (2021–2030) // URL: <https://climate-ec-europa-eu.translate.goog/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets/revision-en> (data obrashcheniya: 01.02.2024).

Ресурсы доверия и международная политика Индии в формате BRICS

Аннотация. В статье с позиции проблематики доверия исследуется потенциал одного из ключевых участников международных отношений — Индии. Показано, что уникальность исторического пути Индии, влияние социокультурных факторов на общественные процессы детерминируют положение и активность страны на международной арене. Через призму процессов цифровизации обозначены перспективы и риски трансформации индийского общества как внутри, так и в сфере международных отношений. Анализ нормативно-правовой базы позволил выявить ценность доверия для формирования социально-политического порядка индийского общества. Гармонизация существующих противоречий и обеспечение баланса социальных интересов на базе эффективной правовой системы — основа устойчивости индийского государства, опыт которого может быть задействован партнерами по BRICS.

Ключевые слова: доверие; недоверие; Конституция Индии; Россия; Китай; цифровизация; экономика знаний; рейтинги; коррупция; BRICS; COVID-19.

Для цитирования: Володина С. В. Ресурсы доверия и международная политика Индии в формате BRICS // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 158–166. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.158-166.

Trust Resources and India's International Policy in the BRICS Format

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
volodina_sv@inbox.ru

Abstract. The paper examines the potential of one of the key participants in international relations — India — from the perspective of trust issues. It is shown that the uniqueness of India's historical path and the influence of socio-cultural factors on social processes determine the country's position and activity in the international arena. Through the prism of digitalization processes, the prospects and risks of transforming Indian society both internally and in the sphere of international relations are outlined. The analysis of the legal framework made it possible to identify the value of trust for the formation of the socio-political order of Indian society. Harmonization of existing

---

© Володина С. В., 2024

* Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
volodina_sv@inbox.ru

contradictions and ensuring a balance of social interests on the basis of an effective legal system is the basis for the sustainability of the Indian state, whose experience can be used by BRICS partners.

Keywords: trust; mistrust; Constitution of India; Russia; China; digitalization; knowledge economy; rankings; corruption; BRICS; Covid-19.

Cite as: Volodina SV. Trust Resources and India's International Policy in the BRICS Format. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):158-166. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.158-166.

Введение. Индия — страна контрастов, государство, в котором находятся в гармонии роста, казалось бы, противоположные ценности, так, например, приверженность традициям сочетается с активным развитием технологий и внедрением инноваций. Индия заняла 40-е место в рейтинге Глобального инновационного индекса в 2022 г., также несколько городов Индии вошли в топ-100 научно-технологических кластеров мира¹. В Индии сохраняется выраженный классовый дисбаланс, проблема бедности и голода, что не помешало Индии стать основным конкурентом Китая по численности населения. Несовершенная система здравоохранения, которая сильно варьируется по уровню оказания услуг от штата к штату, сочетается с фактом того, что Индия себя позиционирует на внешнем рынке как «мировая аптека». Экономика Индии считается одной из быстро развивающихся в мире, несмотря на довольно высокий уровень коррупции, которую пока не удалось искоренить.

Долгие годы Индия была колонией Великобритании, лишь активное противостояние сделало государство вновь независимым в 1947 г. Несмотря на колониальное прошлое и радикальные попытки искоренить всё с ним связанное, в индийском обществе был найден баланс. Демонстративная попытка позиционировать себя как независимое самодостаточное государство, с одной стороны, с другой же — тот факт, что помимо нескольких языков, на которых разговаривает население Индии, в Конституции закреплён и английский язык, что, без-

условно, делает Индию комфортным деловым партнером для стран англосаксонской группы.

Так что же нивелирует большое количество проблем и противоречий и помогает Индии двигаться ускоренными темпами? Одним из компонентов успеха является ресурс ДОВЕРИЯ. Edelman Trust Barometer по данным за 2024 г. ставит Индию на передовое место в мировом доверии к бизнесу и НПО. Это подчеркивает динамичную роль страны в формировании мирового восприятия и доверия к учреждениям².

Обозначим ключевые тренды, которые сейчас просматриваются:

1. Развивающиеся страны превосходят развитые по уровню доверия, например в глобальном рейтинге доверия Китай занимает первое место.
2. Уровень доверия к органам государственной власти и СМИ повсеместно снижается. «Индия занимает 4-е место в доверии общества к СМИ и 5-е в доверии к правительству в масштабе всего мира»³.

Обращение к отечественному опыту позволяет сказать, что после распада СССР уровень доверия в России колебался и снижался, происходил постепенный переход от коллективизма к индивидуализму, эта затянувшаяся перестройка не только государства, но и общества требует новых подходов. «Мы живем в эпоху априорного недоверия и сталкиваемся с тем, что и мы не верим никому, и, соответственно, нам особо не верят. Уровень ВВП в России мог быть в полтора раза выше без дополнительных инвестиций и нацпроектов, если бы мы друг другу доверяли,

---

¹ Global Innovation Index 2022 (дата обращения: 10.02.2024).

² URL: <https://www.indianewsnetwork.com/ru/20240117/global-trust-leadership-india-scores-high-in-business-and-ngo-confidence-in-2024-edelman-trust-barometer> (дата обращения: 10.02.2024).

³ URL: <https://www.indianewsnetwork.com/ru/20240117/global-trust-leadership-india-scores-high-in-business-and-ngo-confidence-in-2024-edelman-trust-barometer> (дата обращения: 10.02.2024).

считает президент Московской школы управления «Сколково» Андрей Шаронов»⁴.

Недоверие экономически не выгодно и влечет за собой обширный перечень расходов, в том числе на функции контроля. В связи с этим интересен опыт создания и развития идеологии доверия на примере Индии, которая, так же как и Россия, является членом BRICS.

Разделяй и властвуй. Этим принципом воспользовалась Британская империя, чтобы получить контроль над большой территорией Индии. Завоевывая «доверие» по частям, чему способствовало отсутствие сильной центральной власти, Британии удалось установить контроль в целом над Индостанским полуостровом. Индия — это мультиэтническое государство, своего рода эклектика из представителей различных рас, этносов и религий, но с довольно-таки сильным общеиндийским самосознанием и кастовой солидарностью.

Освободившись от колониального бремени, Индия взяла за основу британскую парламентскую модель с одним исключением: если Британия является парламентской монархией, то Индия парламентской республикой. Федеративное территориальное устройство продиктовано не только внушительными размерами Индии (занимает 7-е место в мире), но и историческим этноконфессиональным разнообразием; несмотря на всё это, индийский федерализм носит высокоцентрализованный характер. Еще одна особенность — это дуализм центральной исполнительной власти в лице президента и премьер-министра.

Индия с экономической точки зрения имеет все шансы стать абсолютно самодостаточной, в том числе благодаря многочисленному населению. Всё это подкрепляет выбранный вектор движения индийского правительства националистической направленности. Политика,

которая сейчас проводится, могла бы идти под лозунгом: «Внутренние возможности вместо внешних зависимостей». «Индия должна быть самодостаточной, независимой страной, в таком случае она будет определять XXI век», — из выступления премьер-министра Нарендра Моди, выдвинувшего пять основных направлений успеха страны на этом пути: экономика, инфраструктура, высокие технологии, демография и рост спроса⁵.

Помимо граждан, проживающих внутри страны, индийская диаспора входит в топ-5 самых крупных мировых диаспор. Миграция населения является одной из причин появления диаспор. Миграция как явление характеризуется переселением людей из одного места в другое, она представлена различными типами (внешняя и внутренняя, постоянная и сезонная и т.д.). В связи с этим фундаментальный интерес вызывают процессы, когда граждане массово покидают свое государство, это требует обстоятельного анализа. Что сподвигает граждан Индии к переселению и почему они зачастую с легкостью делают шаг в неизвестное?

Удачное сочетание исторически сложившихся особенностей может стать одним из ответов на этот вопрос. Так, например, владение английским языком помогает в международных коммуникациях, способность работать в атмосфере кросс-культурного разнообразия, а также готовность к кропотливому труду как национально-культурная черта — это то, что делает мигрантов из Индии интересным контингентом в англоговорящих странах.

Заслуживают внимания данные, что «индийское сообщество в США удерживает лидерство по доходу на человека среди всех диаспор в стране, поскольку оно главным образом состоит из высококвалифицированных специалистов»⁶. Включенность диаспоры в политические и дело-

⁴ URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/417375-ekonomika-doveriya-kak-ostorozhnost-grazhdan-skazyvaetsya-na-razviti-strany> (дата обращения: 10.02.2024).

⁵ PM Modi shares 5 pillars that will make India self-reliant in Covid-19 times // India Today. 2020. 12 May. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/pm-modi-speech-5pillars-atm-nirbhar-india-self-reliance-covid-19-lookdown-1677293-2020-05-12> (дата обращения: 10.02.2024).

⁶ *Thomos S. Student Migrants and the Diasporic Imagination: Educational Migration, Nationhood, and the Making of Indian Diaspora in the United States* // *Interventions*. 2018. Vol. 21 № 2. P. 255–272.

вые круги не тождественна развитию проиндийского лоббизма, что, несомненно, нивелирует напряжение среди местных властей. Еще одной важной чертой индийской диаспоры является выраженная самоидентификация, что под собой подразумевает отсутствие желания в эмиграции разорвать связь с Родиной.

Доверие в Основном законе государства. Конституция Индии 1950 г. весьма объемна и включает в себя преамбулу, 448 статей, 12 приложений, в нее внесены 103 поправки. В Конституцию Индии ее основатели постарались погрузить все самое лучшее, на их взгляд, из конституций других прогрессивных на том этапе времени государств. Крайне простой порядок внесения поправок сделал конституцию максимально гибкой, в духе времени перемен. В Конституции Индии содержатся статьи, включающие в себя вопросы доверия. Так, например, ст. 261, п. 1: «На всей территории Индии оказывается полное **доверие** публичным актам, документам и судопроизводству Союза и каждого Штата»⁷. Это очень важный пункт ввиду разобщенности общества, который призван централизовать и распространить законодательную власть во всех, даже самых отдаленных, штатах.

Статья 18, п. 3: «Ни одно лицо, которое не является гражданином Индии, пока оно занимает какую-либо оплачиваемую государственную должность, требующую **доверия**, не вправе без согласия Президента принимать какой-либо титул от иностранного государства». Пункт 4 этой же статьи: «Ни одно лицо, занимающее какую-либо оплачиваемую государственную должность или государственную должность, требующую **доверия**, не вправе без согласия Президента принимать каких-либо даров, вознаграждений или назначений на должность любого рода от иностранного государства»⁸. Эта статья в большей мере посвящена возможности доверять лицам, занимающим государственные должности, как со стороны государства, так и со

стороны граждан в вопросах коррупционной составляющей.

Не строгость законов искореняет коррупцию, а отношение к ней в обществе. Коррупция — многовековое явление, бороться с ней — то же самое, что бороться с природой человека, а значит, нужно прилагать усилия не в разветвленные ветви проблемы, а в ее корни, а корни в культуре. После ухода английских колониальных властей элиты Индии вступили в противостояние за лидерство. Итогом стал раздел структур и финансовых потоков. Для общества это не было секретом, воспринималось на том этапе терпимо. Радость осознания свободы от колониализма заставляла ценить новую власть. Согласно исследованию Global Corruption Barometer, «Индия имеет один из самых высоких уровней взяточничества в мире: почти 70 % опрошенных сообщили, что, обратившись за государственными услугами, вынуждены были заплатить взятку»⁹.

Многие государства начали осознавать необходимость борьбы с коррупцией, даже если общество терпимо к ней: коррупционная составляющая исключает приток внешних инвестиций, что затормаживает экономическое развитие страны, а также роняет ее имидж на мировой арене. Малообеспеченные слои населения невольно поддерживают существование коррупции; укрепление среднего класса, тяготеющего к англосаксонской культуре и стандартам поведения, пытается изменить эту ситуацию в Индии.

Здесь включаются те же механизмы контроля, которые по отношению к гражданам применяет государство, переводя всё в цифровую среду. «Доверяю только тому, что вижу, что контролирую». Меры по обеспечению прозрачности работы органов управления являются важнейшими направлениями борьбы с коррупцией. Создание независимых антикоррупционных органов, формирование атмосферы нулевой толерантности к коррупции, подотчетность и прозрачность государственного аппарата — всё

---

⁷ URL: <https://LegalIns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

⁸ URL: <https://LegalIns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

⁹ People and Corruption: Asia Pacific. Global Corruption Barometer. Transparency International, 2017 // URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep20585> (дата обращения: 10.02.2024).

это может искоренить коррупцию, при одном условии, если это будут действительные осознанные движения, а не проекты на бумаге.

Цифровизация государств представляет собой противоречивое и рискогенное явление XXI в., где комфорт и вовлеченность обмениваются на безграничный доступ к персональным данным субъекта.

Организацией Объединенных Наций в 2001 г. был запущен проект по исследованию индекса развития электронного правительства, проводимому раз в два года (E-Government). Проект был нацелен не только на сбор данных и аналитику, но и на стимулирование развития цифровой среды среди 193 государств — членов ООН. По результатам исследования в 2018 г. Индия занимала 15-е место по уровню электронного участия и только 98-е по уровню электронного управления. Существенный экономический дисбаланс в обществе не позволяет пока сократить этот диссонанс.

Желание контролировать, а в последнее время и анализировать, чтобы лучше прогнозировать, является естественным для государственной власти, но тенденции таковы, что сейчас всё идет с приставками smart- или soft-. Чтобы интегрировать жесткий контроль в демократическую среду, он должен быть «умным» и «мягким». Индийское общество по количеству граждан соизмеримо с китайским, но в отличие от него не готово воспринять жесткую риторику напрямую от органов государственной власти.

Разнообразие языков, культур, религий, каст, безусловно, ведет к разобщенности общества и требует больших усилий от государства в вопросах консолидации. Ввиду высокой плотности населения для властей Индии важно контролировать ситуацию и вовремя нивелировать барьеры в коммуникациях и работать над сокращением социального разрыва. Как взрастить доверие, убрать барьеры и сократить социальный разрыв в обществе?

Путем активного вовлечения в деятельность государства гражданского общества. Для реа-

лизации данной задачи в 2014 г. начал работу портал My Gov — платформа Правительства Индии для гражданского участия¹⁰. Данная платформа обеспечивает вовлеченность граждан в процесс широкого обсуждения по таким значимым темам, как «здоровая Индия», «чистый Ганг», «образование для девочек».

Цель этой платформы — показать возможность партнерских отношений между администрацией страны и гражданами в вопросах государственного строительства. Реализованность политической и социальной активности дает позитивный импульс, ощущение, что тебя слышат и с твоим мнением считаются, а значит, всё в твоих руках. Это благоприятно влияет на сознание человека, переводя его из пассивного положения в активное. Контролируемое, можно сказать — порционно дозируемое, вовлечение становится шагом навстречу, который должен нивелировать границы между «мы — государство» и «они — народ».

Сближение через регулярный диалог и вовлечение в общее дело способствуют возвращению доверия. «Широта охвата участия ставит эту инициативу в ряд особенных и даже уникальных. Цифры участия, по данным портала, выглядят следующим образом: более 9,5 млн пользователей, которые вносят свои идеи в дискуссии, а также участвуют в различных целевых задачах; более 10 тыс. сообщений в неделю по различным вопросам, анализирующихся и объединяющихся в качестве предложений для соответствующих департаментов, которые могут преобразовать их в повестку дня»¹¹.

Очень часто можно встретить работы, посвященные доверию/недоверию к органам власти, выборам и т.д., но есть и другой глобальный тренд — это вопрос доверия/недоверия государства к обществу. Подтверждением становится именно цифровое поле, где граждане вовлечены, но «слепы» (не видят общей картины, только поле своего личного электронного кабинета), с комфортом, но «обнажены» (не защищены в полной мере от утечки своих пер-

¹⁰ URL: <https://www.mygov.in/> (дата обращения: 10.02.2024).

¹¹ *Погодина И. В., Манохин В. С.* Платформы органов власти как инструменты электронного участия: зарубежный опыт // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12.

сональных данных, которые компактно собраны в одном месте).

Вслед за развитием цифровизации населения встает вопрос о кибербезопасности и конфиденциальности. Достаточно лишь одной серьезной утечки или потери данных, чтобы подорвать доверие граждан и к сервисам, и к государству. Также подтверждением вышеописанных процессов является тот факт, что «26 марта 2020 г. корпорация Microsoft Билла Гейтса, на самом пике пандемии и самоизоляции, получила от Всемирной организации интеллектуальной собственности очередной патент, предоставляющий ей право анализировать и отслеживать все формы активности человека»¹².

Крупнейшей в мире системой биометрической идентификации является Aadhaar в Индии. В ней хранится информация практически обо всех гражданах в виде биометрических данных. Парламентом Индии в 2000 г. был принят закон № 21 Information Technology Act (ITA)¹³, касающийся киберпреступности и электронной торговли и регулирующий правоотношения в сфере информационных технологий.

Критическое отношение ко всему, что нас окружает. Как известно, именно критические или кризисные ситуации оголяют проблемные области, которые до этого долгое время могли иллюзорно казаться эффективными. Кризис, пришедший в связи с COVID-19, оказался испытанием на прочность многих систем и толчком к развитию цифровых сервисов. Если раньше на первый план выходило недоверие ко всему новому, то пандемия стала драйвером продвижения идеи «гибридного будущего», активизировав процесс погружения граждан всех возрастов в цифровое пространство. Например, количество стран, предоставляющих цифровые услуги в сфере образования, выросло на 22 % в 2022 г.¹⁴ Доступность массовому потребителю,

возможность удаленно получить услугу, экономия времени, вовлеченность — пример победы комфорта над недоверием.

24 марта 2020 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил локдаун в стране. Это было непростое решение, с шлейфом экономических последствий. «В первом квартале 2020 финансового года ВВП Индии упал на 23,9 %, что стало худшим показателем среди всех стран мира»¹⁵. Индия подобна Китаю по количеству населения, но перенятие эффективного опыта Китая в вопросах локдауна невозможно ввиду того фактора, что индийское общество менее дисциплинированно и привыкло к демократической системе управления страной, где любые радикальные перегибы будут восприняты остро и перетекут в активную медиадискуссию. Положение Индии было чем-то сходно с Бразилией. Сильный диссонанс между элитами и простым населением, большой процент людей, которые привязаны к ежедневному неофициальному заработку как единственному средству существования, сложности с доступной медициной в зависимости от штата. Что, безусловно, усложняло работу правительства, особенно в начале.

Пандемия COVID-19 — это экзамен на социальную ответственность, на доверие к тем, кто управляет и выбирает путь, на доверие к специалистам и экспертам в тех областях, которые особенно необходимо поддерживать на высоком уровне в сложившейся ситуации, например в медицине и фармакологии, экономике, социальной и продовольственной сфере. Пандемия не была подвластна никаким границам и являлась проблемой мирового, глобального масштаба. Значит, на первый план выходит актуальность глобального сотрудничества, обмена технологиями и опытом. Но всё это невозможно представить без доверия к информации, которую получаем от контрагентов.

---

¹² Мухель Д. В., Мухель И. В. Пандемия COVID-19 как глобальный кризис: взгляд азиатских экспертов // Россия и мир в XXI веке. 2022. С. 67–84.

¹³ The Information Technology Act, 2000. Act. № 21. India, 9 June 2000. 36 p. // URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1999/3/A2000-21.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁴ URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁵ Захаров А. И. Внешнеполитические последствия пандемии коронавируса для Индии // Россия и современный мир. 2022. № 4. С. 184–205.

Нам легче доверять, когда мы знаем ответ на вопрос, который мы задаем, и тогда мы можем сопоставить и проверить верность суждений. Особенно на первых этапах коммуникации, как бы абсурдно это ни звучало, работает принцип: *доверяй, но проверяй!* Ввиду тотального глобального недоверия на первый план выходит «экономика знаний», этот термин был введен в 1969 г. Питером Друкером в книге «Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества». В книге подчеркивается роль знаний для прорывного развития экономики.

В глобальной инновационной экосистеме каждый игрок (на уровне государства) хочет занять свою нишу. Индия старается не отставать в этой гонке, постепенно внедряя новые технологии. В Индии большой процент молодого населения, что делает вопросы образования, науки, инноваций и цифровизации логичными и своевременными. Проверить истинность вектора движения в сторону экономики знаний довольно просто — для нее характерен рост расходов государства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Человеческий и кадровый капитал является основным приоритетом для всех стран — участниц BRICS.

Доверие между членами BRICS. Ганс Моргентау определял силу как «рычаг мирового регулирования, власть над умами и действиями людей»¹⁶. Можно сказать, что сила — это способность влиять и вводить в зависимость. Но у всех этих терминов очевидно негативный подтекст. В соответствии с мировыми тенденциями, распространяемыми мировыми СМИ, на первый план выходит мягкая сила, дипломатия, гуманитарная повестка и т.д. Даже в случае с доверием всё чаще ставится вопрос не о влиянии, а о возвращении доверия.

Доверие многогранно, многослойно, это многоуровневое явление, буквально пронизывающее всю нашу жизнь и все сферы. Оно может присутствовать на одном уровне и отсутствовать на другом, накапливаться и угасать, быть возвращенным или проявиться в определенных кризисные периоды. Доверие общества к

государству и, наоборот, доверие к бизнесу, СМИ, ИИ, медицине — эти темы всё чаще поднимаются и обсуждаются, ведь для доверия важно понимание и отсутствие пробелов.

Ввиду последних тенденций государства для отстаивания своих позиций и лоббирования своих интересов на мировой арене предпочитают объединяться в союзы или содружества. Но уровень влияния и признанности этих коалиций не всегда напрямую зависит от набора либо количества стран-участниц. Принципиально важными становятся тандемы со слаженной работой и поддержкой стран внутри таких объединений. Очевидно, что доверие и здесь выступает краеугольным камнем.

Из чего складывается доверие на уровне государства по отношению к другому государству? Первое — это история; так, например, отношения между Индией и Китаем являются сложными, можно сказать даже контрастными, как всё, присущее Индии. С одной стороны, Индия и Китай входят в BRICS, им свойственна определенная созависимость в экономических аспектах, но есть и историческая память, поддерживаемая работой СМИ о военных действиях и столкновениях ввиду спорных территорий. 15 июня 2020 г. в Гималаях между индийскими и китайскими военными произошел инцидент, унесший жизни военнослужащих с обеих сторон. С 1975 г. до такого состояния обстановка не обострялась, несмотря на давний территориальный конфликт между двумя государствами. Данное столкновение с жертвами только породило недоверие между странами.

После поражения Индии в войне 1962 г. уровень доверия к Китаю в восприятии граждан Индии упал и сохранилось настороженное отношение к усилению его позиций. Мудрый правитель понимает, что стабильная внешняя среда содействует внутреннему развитию страны. П. А. Столыпин более 100 лет назад сказал: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Наверное, именно поэтому, несмотря на все пограничные споры, прагматический подход в вопросах развития государства, который под-

¹⁶ Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. N.-Y. : Knopf, 1967. P. 97.

держивают лидеры обеих стран, не позволяет им погружаться в рецессию.

Сотрудничество, соперничество, созависимость и приграничные конфликты — так можно было бы описать взаимоотношения между Индией и Китаем. В далеком прошлом Индия занимала на карте мира большую площадь, но после колонизации, а затем обретения независимости полуостров Индостан был поделен на Индию и Пакистан. Два государства с когда-то общей территорией, но разными религиями. Отношения осложняются тем, что остаются территориальные конфликты (Кашмир, Джамму и др.), и тем, что Пакистан обрел покровителя в лице Китая. Пакистан предоставил транспортные коридоры Китаю для реализации инициативы «один пояс — один путь», тем самым обострив ситуацию и в без того сложной, спорной области. Пакистан по приглашению Пекина является кандидатом на вступление в BRICS.

Отношения между Индией и Россией были самыми продуктивными и доверительными в период 1970–1980-х гг., когда СССР был второй экономикой мира. Для Индии вопросы доверия сейчас находятся не на первом месте, первостепенно — это партнерство с сильными государствами, которые могут обогатить Индию технологиями, ресурсами, возможностями и инвестициями. Политические элиты Индии видят отношения без внушительного экономического базиса как неполноценные, в то же время государства с постоянно растущим товарооборотом видятся как обреченные на сближение.

Здесь срабатывает азиатский принцип выгоды и представление о том, что сильная, стабильная экономика равна могуществу государства, а значит, и доверию к выбранному лидеру государства и его стратегии роста и процветания. Индийское общество довольно закрытое, доверие может присутствовать лишь внутри общины, но не выходя за ее пределы, поэтому, выстраивая отношения на международной

арене, основной акцент делается на математический расчет, и если он интересен, то даже некомфортный в историческом ключе партнер станет приемлемым. Индия как государство с колониальным прошлым пришла к идее стратегической автономии, поэтому не старается выстраивать союз и доверять одной сильной державе, дабы не повторить историю.

Заключение. Баланс контрастов и гармония противоречий — это всё об Индии. Индия действительно может стать абсолютно самодостаточным государством с экономической точки зрения ввиду не просто большого количества населения, но значительного количества молодежи, что повышает производительность и покупательскую способность и сокращает социальное бремя.

Основной задачей остается сокращение дисбаланса между богатыми и бедными и увеличение среднего класса, который должен стать опорным для государства и нивелировать коррупцию, благодаря чему продвинуть Индию в международном рейтинге доверия стран для ведения бизнеса и инвестирования в проекты. Так, сейчас, по данным доклада госдепа об инвестиционном климате, Индия названа «сложным местом для ведения бизнеса» (challenging place to do business)¹⁷.

Также интересным видится опыт Индии по выстраиванию партнерских отношений на основе прагматичных подходов, которые помогают преодолевать дисбаланс доверия.

Цифровизация — важная составляющая настоящего и будущего Индии, более миллиарда индийцев имеют доступ к смартфонам, в связи с чем очевидным становится, что потребление данных является одним из самых высоких в мире. Что обязывает государство, с одной стороны, контролировать эту область, с другой — развивать ее, обучать граждан в этом направлении и делать эту среду безопасной, развивая доверие на новом технологическом уровне.

---

¹⁷ 2021 Investment Climate Statements: India // U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/india> (дата обращения: 10.02.2024).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Захаров А. И. Внешнеполитические последствия пандемии коронавируса для Индии // Россия и современный мир. — 2022. — № 4. — С. 184–205.
2. Михель Д. В., Михель И. В. Пандемия COVID-19 как глобальный кризис: взгляд азиатских экспертов // Россия и мир в XXI веке. — 2022. — С. 67–84.
3. Погодина И. В., Манохин В. С. Платформы органов власти как инструменты электронного участия: зарубежный опыт // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 12.
4. Morgenthau H. Politics among Nations. — 4th ed. — N.-Y. : Knopf, 1967.
5. Thomos S. (2018) Student Migrants and the Diasporic Imagination: Educational Migration, Nationhood, and the Making of Indian Diaspora in the United States // Interventions. — Vol. 21. — № 2. — P. 255–272.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zakharov A. I. Vneshnepoliticheskie posledstviya pandemii koronavirusa dlya Indii // Rossiya i sovremennyy mir. — 2022. — № 4. — S. 184–205.
2. Mikhel D. V., Mikhel I. V. Pandemiya COVID-19 kak globalnyy krizis: vzglyad aziatskikh ekspertov // Rossiya i mir v XXI veke. — 2022. — S. 67–84.
3. Pogodina I. V., Manokhin V. S. Platformy organov vlasti kak instrumenty elektronnoogo uchastiya: zarubezhnyy opyt // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2020. — № 12.
4. Morgenthau H. Politics among Nations. — 4th ed. — N.-Y.: Knopf, 1967.
5. Thomos S. (2018) Student Migrants and the Diasporic Imagination: Educational Migration, Nationhood, and the Making of Indian Diaspora in the United States // Interventions. — Vol. 21. — № 2. — P. 255–272.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.167-174

А. Р. Али Джихад*

Право на вступление в брак в конституционной практике Ирака

Аннотация. В последние десятилетия сфера семейных прав в Ираке претерпевает значительные изменения, отражающие динамичное общественное развитие страны. Одним из ключевых аспектов этого развития является преобразование в области права на вступление в брак. В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с отказом создателей Конституции Ирака от включения права на вступление в брак в число конституционных прав. В качестве последствий такого решения нами выделены: 1) фактические последствия, связанные с искусственной легитимацией принуждения ко вступлению в брак и отступлением государства от позиций противодействия ему, заявленных в докладах о достижении Целей устойчивого развития; 2) юридические последствия, связанные с переосмыслением Верховным федеральным судом Ирака юридической природы права на вступление в брак сквозь призму норм шариата, которые де-факто превращают его в юридическую обязанность. Учитывая, что подобная практика формально согласуется с положениями Конституции Ирака, при решении проблемы умаления права на вступление в брак предложено руководствоваться международно-правовыми нормами, которые в рамках ст. 8 Конституции обязательны для правовой системы, а значит, не могут нарушаться ни нормами внутреннего законодательства, ни интерпретациями высших судебных инстанций. Для достижения целей исследования автором были применены теоретические методы диалектического анализа и синтеза, методы обобщения и сравнительного правоведения (в основном в ретроспективном (историческом) аспекте), формально-юридический метод.

Ключевые слова: право вступать в брак; Конституция Ирака 2005 г.; Ирак; конституционное право; права человека; Цели устойчивого развития; гендерное равенство; дискриминация; шариат; ислам.

Для цитирования: Али Джихад А. Р. Право на вступление в брак в конституционной практике Ирака // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 9. — С. 167–174. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.167-174.

The Right to Marriage in Iraqi Constitutional Practice

Ammar Raad Ali Jihad, Postgraduate Student, RUDN University (Moscow, Russian Federation),
Al-Nahrain University (Baghdad, Iraq), Moscow, Russian Federation
ammarraad277@gmail.com

Abstract. In recent decades, the family rights landscape in Iraq has undergone significant changes, reflecting the country's dynamic social development. One of the key aspects of this development is the transformation in the area of the right to marriage. The paper examines the main problems associated with the refusal of the framers of the Iraqi Constitution to include the right to marriage among the constitutional rights. As consequences of this

---

© Али Джихад А. Р., 2024

* Али Джихад Аммар Раад, аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия), Университет Аль-Нахрейн (Багдад, Ирак)
Миклухо-Маклая ул., д. 6, г. Москва, Россия, 117198
ammarraad277@gmail.com

decision, we have identified: 1) the actual consequences associated with the artificial legitimization of forced marriage and the state's retreat from the positions of counteracting it, stated in the reports on the achievement of the Sustainable Development Goals; 2) the legal consequences associated with the Supreme Federal Court of Iraq's reconsideration of the legal nature of the right to marriage through the prism of Sharia norms, which de facto transform it into a legal obligation. Considering that such practice is formally consistent with the provisions of the Constitution of Iraq, when resolving the problem of the diminution of the right to marriage, it is proposed to be guided by international legal norms, which, within the framework of Article 8 of the Constitution, are mandatory for the legal system, and therefore cannot be violated either by the norms of domestic legislation or by the interpretations of the highest judicial authorities. To achieve the research objectives, the author used theoretical methods of dialectical analysis and synthesis, methods of generalization and comparative law (mainly in the retrospective (historical) aspect), and the formal legal method.

Keywords: right to marriage; Constitution of Iraq 2005; Iraq; constitutional law; human rights; Sustainable Development Goals; gender equality; discrimination; sharia; Islam.

Cite as: Ali Jihad AR. The Right to Marriage in Iraqi Constitutional Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(9):167-174. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.167-174.

Государственно-правовые преобразования в Ираке, произошедшие в 2005 г., заложили основы новой политической системы, отражающей стремление к демократии и соблюдению прав человека. В центре этого процесса стоит Конституция Ирака 2005 г., которая представляет собой уникальный юридический документ, включающий в себя принципы и стандарты, заимствованные из мирового опыта и ориентированные на обеспечение прав и свобод граждан Ирака. Их источники сосредоточены в том числе вокруг международных договоров, корреспондирующих конституционным положениям и расширяющим их. В числе наиболее значимых: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (присоединение произошло 13 августа 1986 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (подписание произошло 18 февраля 1969 г., ратификация — 25 января 1971 г.)¹ и ставшие общепризнанными нормами международного права положения Всеобщей декларации прав человека.

Несмотря на явное стремление к соблюдению стандартов прав человека, практика применения Конституции Ирака 2005 г. остается

объектом внимания международного сообщества и доктринальных дебатов. Согласно отчету о практиках реализации прав человека в Ираке за 2022 г., в Ираке наблюдаются серьезные нарушения ряда прав, гарантированных национальной конституцией:

- права на справедливое судебное разбирательство;
- права собственности;
- запрета пыток и бесчеловечного обращения;
- свободы выражения мнений и свободы собраний;
- свободы журналистской деятельности;
- свободы религии;
- свободы передвижения и иных прав и свобод человека².

Примечательно, что источники таких нарушений можно проследить вплоть до самой Конституции, которая, даже рассуждая *in abstracto*, не в полной мере предоставляет защиту базовой гуманитарной ценности — праву на вступление в брак (праву создания семьи).

Право вступления в брачные отношения в Конституции Ирака 2005 г. попросту отсутствует, равно как и в ряде документов, предшествовав-

¹ Официальный сайт Базы данных договорных органов Организации Объединенных Наций. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Treaty.aspx?Lang=ru (дата обращения: 16.11.2023).

² 2022 Country Reports on Human Rights Practices: Iraq // Официальный сайт Государственного департамента США. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/iraq/> (дата обращения: 16.11.2023).

ших принятию современной Конституции. Единственным субстантивным упоминанием семьи в Конституции является часть 1 ст. 29, в которой указано, что «семья есть основа общества»³.

В то же время отсутствие концепции права на вступление в брак как юридической возможности выбирать партнера для брачных отношений, инициировать их по взаимному полному и личному согласию было бы невозможным — она, бесспорно, существует, однако вынесена за пределы конституционного текста в отдельный Закон о статусе лиц 1959 г. (далее — Закон, Закон о статусе лиц). Нормы гл. 1 Закона регулируют порядок и условия вступления в брак, однако, как отмечают в доктрине, во-первых, сформулированы крайне ограничительно в сопоставлении с международным опытом, а во-вторых, обращены во многом к мужчине, а не к женщине⁴. Подтверждения доктринальным наблюдениям усматриваем и мы в конкретных нормах цитируемого Закона:

— ч. 1 ст. 3 и ст. 12: право вступления в брак ограничено вопросами «допустимости» такого союза;

— ч. 4 ст. 3: допускается при определенных условиях мужу иметь вторую жену без учета мнения первой и только под условием наличия между женами «справедливости» (предположительно, в распределении финансового бремени мужа, как следует из оснований допустимости полигамии);

— ч. 6 ст. 3: юридико-техническое разделение терминов «лицо» (как субъект, то есть главный адресат Закона, под которым понимается мужчина) и «жена» («женщина») (скорее как «объект» права), прямо артикулированное в Законе и использующееся повсеместно. Жене (женщине) если и предоставляются Законом

юридические правомочия действовать определенным образом, то в крайне небольшой сфере интересов по сравнению с аналогичной мужчины;

— ч. 5: допускает заключение брака и его действительность при условии, если он заключен «от имени стороны» (отсутствие обязанности получения личного и полного согласия женщины на вступление в брак), что в совокупности со ст. 82 Закона допускает совершение брака «отцом или дедом»;

— ст. 17: женщине-мусульманке запрещено выходить замуж за мужчину, исповедующего другую религию⁵.

Совокупность приведенных юридических компонентов права на вступление в брак в законодательстве Ирака обнаруживает колоссальное неравенство мужчины и женщины в таком партнерстве. Причем если конституционно-ценностные особенности, религиозный и национальный подтекст могут оправдать, к примеру, допустимость полигамных браков, которые сами по себе не являются нарушением прав конкретных лиц, связанных брачными отношениями, а представляют скорее их иную структуру, то наличие юридических предпосылок для принуждения ко вступлению в брак, связывания создания такого союза с чьей бы то ни было волей, помимо супругов, не находит обоснования в том числе в тексте самой Конституции, которая в ст. 14 декларирует всеобщее гендерное равенство. Несмотря на все высказанные замечания относительно умаления Законом права на вступление в брак, в доктрине арабских стран он рассматривается как «один из самых цивилизованных»⁶.

При этом, как представляется, право на брак в Конституцию Ирака 2005 г. не включено со-

---

³ Конституция Ирака 2005 г. // Официальный портал проекта Constitute Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005 (дата обращения: 16.11.2023).

⁴ Efrati N. Negotiating Rights in Iraq: Women and the Personal Status // Middle East Journal. 2005. Vol. 59. No. 4. P. 577–595.

⁵ Law No. 188 of the year 1959 1 Personal Status Law and amendments // Официальный портал Всемирной базы ООН по противодействию насилию над женщинами. URL: <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/iraq/1959/personal-status-code-no-188-of-1959> (дата обращения: 16.11.2023).

⁶ Kazem S. H. Personal Status Law No. 188 of 1959 as amended and Article 41 of the Constitution (comparative study) // AL-Mustansiriyah journal for Arab and international studies. 2012. P. 40–45.

знательно — как в предыдущих Конституциях Ирака, так в нынешней у составителей отсутствовала законодательная воля на придание ему статуса конституционного права, которое априори имеет больший вес, нежели ординарные права, источником которых является законодательство, а не учредительный акт государства. Подтверждением тому — статья 46 Конституции, которая прямо устанавливает, что «ограничение конституционных прав и свобод не допускается, за исключением случаев, когда такое ограничение установлено законом и не нарушает сущность такого права или свободы». С целью обхода установленного высокого стандарта конституционности содержания законодательства, ограничивающего права, перечисленные в учредительном акте, право на вступление в брак в Ираке искусственно помещено в разряд «законодательных», что не может не влечь негативных последствий.

Такие последствия нами дифференцированы на две группы: юридические и фактические. Последние, как уже отмечалось, по своей природе формируют в социуме представления о неравенстве мужчин и женщин⁷ в рамках заключения и континуума брачных отношений, что повышает риски принуждения к вступлению в брак⁸. Правительство Ирака в Первом национальном инициативном обзоре достижения Целей устойчивого развития 2019 г. прямо констатировало наличие такой проблемы и указало на необходимость ее ликвидации лишь к 2030 г.⁹ В числе предложенных механизмов, бесспорно, должно быть и юридическое уравнивание статуса лиц, вступающих в брак и находящихся в нем,

без чего «лазейки» всё также будут допускать случаи квази (через выражение воли уполномоченными агентами — представителями мужской линии рода женщины в порядке ст. 82 Закона) или явно принудительных брачных связей.

Несмотря на очевидность подобного вывода, практически параллельно с признанием неэффективности государственной политики противодействия принуждению ко вступлению в брак и выражением озабоченности его масштабами в Ираке обсуждался законопроект, согласно которому нижний порог брачного возраста мог быть сдвинут с 15 до 9 лет¹⁰. Нужно ли пояснять, что, понижая возрастной предел допустимости брака, государство открыто стимулирует и культуру навязывания, еще более умаляя юридическую природу права как сознательного выбора, который попросту не может быть сделан лицом, не способным в силу возраста осознавать фактический характер отношений, в которые ему предложено вступить, и не способный в силу неразвитости психики испытывать сопоставимые эмоции в отношении будущего супруга. Кроме того, допущение заключения брачных отношений в столь юном возрасте, безусловно, увеличит и количество браков, заключенных не лично, а посредством упомянутых в Законе агентов и для целей, не связанных с созданием семьи, что подрывает ее ценностную составляющую. В то же время в профильной доктрине, посвященной проблемам конституционного статуса права на вступление в брак в Ираке, отмечается со ссылкой на ст. 9 Закона о личном статусе, что положения об опосредованном заключении брака не могут быть принудительными для женщи-

⁷ *Abbot P.* Attitudes to Gender Equality and the Empowerment of Women in 2013/14 // Gender Equality and Mena Women's Empowerment in the Aftermath of the 2011 Arab Uprisings, Arab Transformations Project. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep14099.10> (дата обращения: 16.11.2023).

⁸ *Brown L., Romano D.* Women in Post-Saddam Iraq: One Step Forward or Two Steps Back? // *NWSA Journal*. 2006. Vol. 18. No. 3. P. 51–70.

⁹ First National Voluntary Review on Sustainable Development Goals 2019 (The Triumph of National Will) // Официальный портал Целей устойчивого развития ООН. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23789Iraq_VNR_2019_final_EN_HS.pdf (дата обращения: 16.11.2023).

¹⁰ «Catastrophic» Iraq law could legalise marriage for children as young as nine // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/nov/14/catastrophic-iraq-law-could-legalise-marriage-for-children-as-young-as-nine> (дата обращения: 16.11.2023).

ны — за принуждение установлена уголовная ответственность¹¹. Однако такая аргументация не выдерживает логической и теоретико-правовой критики: принудительность брака должна толковаться широко — как возможность не учитывать мнение женщины при его заключении. Такая возможность существует при наделении Законом полномочиями заключения брака родственников будущей жены, а не ее самой. Причем очевидно, что к таким ситуациям никакие санкции, перечисленные в ст. 9 Закона, применяться не могут — иное бы создавало структурную коллизию между нормами Закона, допускающими поведение, и нормами, его же запрещающего.

Юридические последствия исключения права на вступление в брак из числа конституционных отражены в судебной практике Верховного федерального суда Ирака. Интерпретируя положения Закона в соответствии с религиозными нормами шариата, суд в недавнем решении указал, что «невступление в брак является противостественным и аномальным состоянием как для мужчин, так и для женщин»¹². Верховный правоприменитель, пользуясь отсутствием конституционного ограничения на умаление толкуемого права до степени отрицания, фактически превращает возможность вступления в брак в обязанность, руководствуясь положениями п. «а» ч. 1 ст. 2 Конституции об обязательной силе шариата и сущностной наполненностью им всего законодательства. Более того, суд прямо пишет о появлении у партнеров «обязанности вступить в брак, когда человек (читай: мужчина) финансово и физически готов к браку и существует опасность прелюбодеяний». Из процитированной конституционной практики видно, что без жесткой конституционно-правовой базы право на вступление в брак, как глина, трансформируется государственно-властными структурами под давлением более мощных юриди-

ческих аргументов — положений Конституции о верховенстве ислама. Таким образом, коллизия, которая в мировых конституциях рассматривалась бы как столкновение двух конституционных, а от того равных по юридической силе норм (горизонтальная коллизия), искусственно превращена составителями Конституции Ирака 2005 г. в коллизию вертикальную — столкновение норм Конституции и норм закона.

Несмотря на внутрисистемную обоснованность описанных метаморфоз права на брак в Ираке, его содержание не коррелирует с международными стандартами прав человека и рядом международных договоров и источников международного обычного права, упомянутых во введении к настоящему исследованию. Признавая абсолютную невозможность корректирования действующей Конституции Ирака, решение вопроса о приведении конституционной практики Ирака в соответствие с мировыми стандартами необходимо искать именно в апеллировании к международному праву. Тем более что подобная судебная практика, хотя и не может восприниматься прямо противоречащей Конституции Ирака 2005 г., всё же не соответствует ее духу.

Право на вступление в брак гарантировано указанными выше международными договорами Ирака только при условии личного, полного и свободного согласия обоих партнеров (ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин). Помимо указанных документов, международный обычай, каким признаются положения Всеобщей декларации прав человека, также требует от всех цивилизованных государств соблюдения равноправия и свободы воли при вступлении в брак (ст. 16 Всеобщей декларации прав человека)¹³.

---

¹¹ Saleh K. M., Karim B. A. B. Harmonization between the Iraqi Personal Status Law and the provisions of family agreements // College of Law Journal for Legal & Political Sciences. Magallat Kulliyat Al-Qanun Li-L-ulum Al-Qanuniyyat Wa-Al-Siyasiyyat. 2020. Vol. 9. No. 35. P. 239–273.

¹² Republic of Iraq Federal Supreme Court Ref. 230/federal/2022 // Официальный портал Верховного федерального суда Ирака. URL: <https://www.iraqfsc.iq/ethadai-en.php> (дата обращения: 16.11.2023).

¹³ Universal Declaration of Human Rights // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 16.11.2023).

Требование соблюдать международные обязательства в Конституции Ирака 2005 г. сформулировано прямо — статья 8 указывает, что «Ирак соблюдает принципы добрососедства, придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других государств, стремится урегулировать споры мирными средствами, устанавливает отношения на основе взаимных интересов и взаимности, а также соблюдает свои международные обязательства». Из указанных положений Конституции следует, что право на вступление в брак, каким его закрепляют международные акты, не может умаляться внутригосударственными органами Ирака, в том числе Верховным федеральным судом. Несмотря на отсутствие «конституционной природы» этого права, благодаря международному нормотворчеству оно приобретает статус «международного стандарта прав человека» или «нормы международного права», которая, согласно ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров, не может не исполняться исключительно со ссылкой на внутреннее законодательство. При этом, в отличие от многих государств, в том числе Российской Федерации, Ирак будет лишен возможности ссылаться на ставший известным в международной и мировой конституционной практике аргумент о том, что противоречия между нормами международного права и конституцией должны разрешаться в пользу последней: Конституция Ирака такого права не содержит, а потому противоречие международного права усматрива-

ется лишь с нормами собственно «внутреннего законодательства», которые могут и должны ему соответствовать.

Замысел авторов Конституции Ирака 2005 г. по снижению порога охраны права (в первую очередь как «не обязанности») на вступление в брак, таким образом, не реализован до конца. Указанное право, несмотря на его многолетнее отсутствие в учредительных документах и кажущееся лишение особого статуса, не утратило своего значения — на помощь ему приходят уже не конституционные, а международно-правовые механизмы обеспечения глобального гуманитарного единства. А потому толкования Конституции, данные Верховным федеральным судом в приведенном выше и подобных решениях, подлежат пересмотру как не соответствующие ст. 8 Конституции в сопоставлении с международно-правовыми актами. Вместе с тем дальнейшие споры и парламентская дискуссия о дополнении Закона о статусе лиц положениями, еще серьезнее ухудшающими роль женщины в принятии решения о вступлении в брак, должны признаваться недопустимыми, противоречащими курсу Ирака на демократизацию и слияние с глобальной гуманитарной системой ценностей¹⁴. Шаги к этому в доктрине уже предпринимаются — в одной из научных работ предложено разработать конституционно-правовые механизмы исполнения судебных решений международных органов по вопросам в том числе корректирования положений Закона о личном статусе¹⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кадир З. М.* Позиция судебной власти Ирака относительно исполнения решений иностранных судов по вопросам личного статуса: аналитическое исследование // Журнал юридических и политических наук. — 2022. — Т. 11. — № 43. — С. 370–400.
2. «Catastrophic» Iraq law could legalise marriage for children as young as nine // Официальный сайт журнала The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/nov/14/catastrophic-iraq-law-could-legalise-marriage-for-children-as-young-as-nine> (дата обращения: 16.11.2023).

¹⁴ *Al-Ali N.* Iraqi Women and Gender Relations: Redefining Difference // British Journal of Middle Eastern Studies. 2008. Vol. 35. No. 3. P. 405–418.

¹⁵ *Кадир З. М.* Позиция судебной власти Ирака относительно исполнения решений иностранных судов по вопросам личного статуса: аналитическое исследование // Журнал юридических и политических наук. 2022. Т. 11. № 43. С. 370–400.

3. 2022 Country Reports on Human Rights Practices: Iraq // Официальный сайт Государственного департамента США. — URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/iraq/> (дата обращения: 16.11.2023).
4. Abbot P. Attitudes to Gender Equality and the Empowerment of Women in 2013/14 // Gender Equality and Mena Women's Empowerment in the Aftermath of the 2011 Arab Uprisings, Arab Transformations Project. — URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep14099.10> (дата обращения: 16.11.2023).
5. Al-Ali N. Iraqi Women and Gender Relations: Redefining Difference // British Journal of Middle Eastern Studies. — 2008. — Vol. 35. — No. 3. — P. 405–418.
6. Brown L., Romano D. Women in Post-Saddam Iraq: One Step Forward or Two Steps Back? // NWSA Journal. — 2006. — Vol. 18. — No. 3. — P. 51–70.
7. Efrati N. Negotiating Rights in Iraq: Women and the Personal Status // Middle East Journal. — 2005. — Vol. 59. — No. 4. — P. 577–595.
8. First National Voluntary Review on Sustainable Development Goals 2019 (The Triumph of National Will) // Официальный портал Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций. — URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23789Iraq_VNR_2019_final_EN_HS.pdf (дата обращения: 16.11.2023).
9. Kazem S. H. Personal Status Law No. 188 of 1959 as amended and Article 41 of the Constitution (comparative study) // AL-Mustansiriyah journal for Arab and international studies. — 2012. — P. 40–45.
10. Saleh K. M., Karim B. A. B. Harmonization between the Iraqi Personal Status Law and the provisions of family agreements // College of Law Journal for Legal & Political Sciences. Magallat Kulliyyat Al-Qanun Li-L-ulum Al-Qanuniyyat Wa-Al-Siyasiyyat. — 2020. — Vol. 9. No. 35. — P. 239–273.

Материал поступил в редакцию 2 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kadir Z. M. Pozitsiya sudebnoy vlasti Iraka otnositelno ispolneniya resheniy inostrannykh sudov po voprosam lichnogo statusa: analiticheskoe issledovanie // Zhurnal yuridicheskikh i politicheskikh nauk. — 2022. — T. 11. — № 43. — S. 370–400.
2. «Catastrophic» Iraq law could legalise marriage for children as young as nine // Ofitsialnyy sayt zhurnala The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/nov/14/catastrophic-iraq-law-could-legalise-marriage-for-children-as-young-as-nine> (data obrashcheniya: 16.11.2023).
3. 2022 Country Reports on Human Rights Practices: Iraq // Ofitsialnyy sayt Gosudarstvennogo departamenta SShA. — URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/iraq/> (data obrashcheniya: 16.11.2023).
4. Abbot P. Attitudes to Gender Equality and the Empowerment of Women in 2013/14 // Gender Equality and Mena Women's Empowerment in the Aftermath of the 2011 Arab Uprisings, Arab Transformations Project. — URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep14099.10> (data obrashcheniya: 16.11.2023).
5. Al-Ali N. Iraqi Women and Gender Relations: Redefining Difference // British Journal of Middle Eastern Studies. — 2008. — Vol. 35. — No. 3. — P. 405–418.
6. Brown L., Romano D. Women in Post-Saddam Iraq: One Step Forward or Two Steps Back? // NWSA Journal. — 2006. — Vol. 18. — No. 3. — P. 51–70.
7. Efrati N. Negotiating Rights in Iraq: Women and the Personal Status // Middle East Journal. — 2005. — Vol. 59. — No. 4. — P. 577–595.
8. First National Voluntary Review on Sustainable Development Goals 2019 (The Triumph of National Will) // Ofitsialnyy portal Tseley ustoychivogo razvitiya Organizatsii Obedinennykh Natsiy. — URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23789Iraq_VNR_2019_final_EN_HS.pdf

sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23789Iraq_VNR_2019_final_EN_HS.pdf (data obrashcheniya: 16.11.2023).

9. Kazem S. H. Personal Status Law No. 188 of 1959 as amended and Article 41 of the Constitution (comparative study) // AL-Mustansiriyah journal for Arab and international studies. — 2012. — P. 40–45.
10. Saleh K. M., Karim B. A. B. Harmonization between the Iraqi Personal Status Law and the provisions of family agreements // College of Law Journal for Legal & Political Sciences. Magallat Kulliyyat Al-Qanun Li-L-ulum Al-Qanuniyyat Wa-Al-Siyasiyyat. — 2020. — Vol. 9. No. 35. — P. 239–273.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

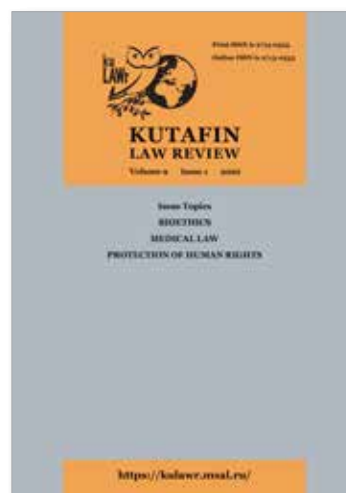
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – **11178**, Lex russica – **11198**,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – **40650**, «Право и цифровая экономика» – **39492**.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 9 (166) сентябрь 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002